

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3(101)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Июль–сентябрь 2009

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЗАДАЧИ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лев ГУДКОВ. Природа «путинизма» 6
Ричард РОУЗ, Уильям МИШЛЕР. Коррупция,
ее оценка и участие в ней: пример России 22
Леонид АШКИНАЗИ, Мария ГАЙНЕР, Алла КУЗНЕЦОВА.
Исследование общества посредством Интернета 34

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Борис ДУБИН, Наталия ЗОРКАЯ. Система российского
образования в оценках населения: проблема уровня и качества 44
Любовь БОРУСЯК. ЕГЭ как зеркало проблем
российского образования 71

МАССОВЫЙ ОБРАЗ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИКА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Лев ГУДКОВ. Время и история в сознании россиян (часть I) 84
Екатерина ЛЕВИНТОВА, Джон БАТТЕРФИЛД.
Как формируется история и отношение к ней:
школьные учебники о новейшей российской истории 103

Авторы номера

От редакции 115
Памяти Виктора Заславского (26.09.1937 – 26.11.2009) 116

SUMMARY

118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3(103)

Quarterly

July–September 2009

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of
the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

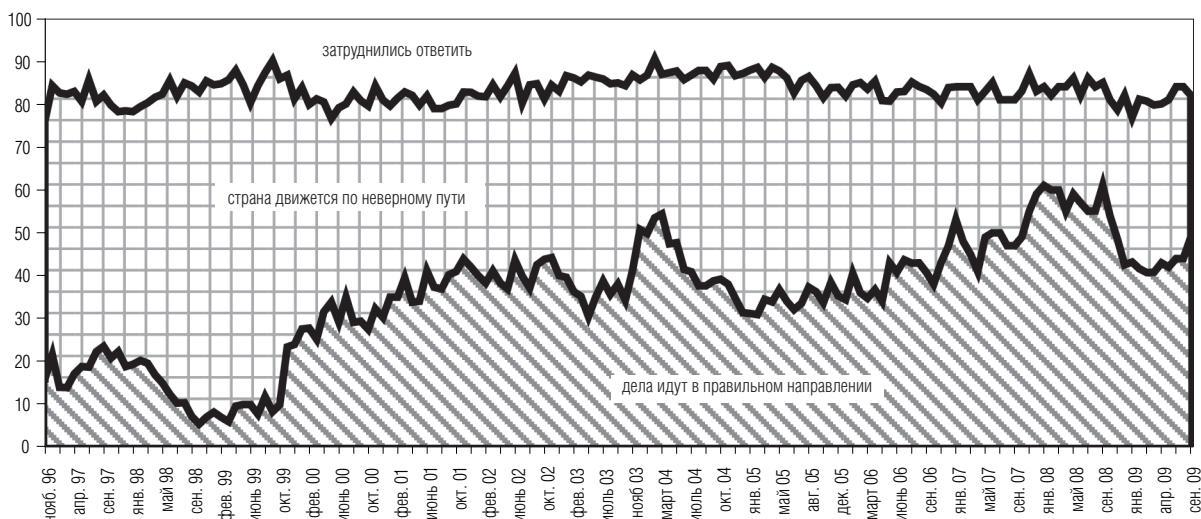
Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	3
PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY AND OBJECTIVES OF RESEARCH	
The Nature of «Putinism» (by Lev Gudkov)	6
Corruption as Perceived and Experienced: Russia as a Test Case (by Richard Rose and William Mishler)	22
Studying Society through Internet (by Leonid Ashkinazy, Maria Gainer and Alla Kuznetsova)	34
REPRODUCTIVE INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN SOCIETY	
Russian Education System in Population Evaluations (by Boris Dubin and Natalya Zorkaya)	44
Universal National Exam (UNE) as a Mirror for the Russian Education Problems (by Lyubov Borusyak)	71
MASS IMAGE OF SOCIETY AND THE POLICY OF ITS SHAPING	
Time and History in the Russians' Consciousness (Part I) (by Lev Gudkov)	84
Shaping History and Attitude to it: School Textbooks on Modern Russian History (by Ekaterina Levintova and John Butterfield)	103
Autors of the issue	115
In Memoriam Victor Zaslavsky	116
SUMMARY	118

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

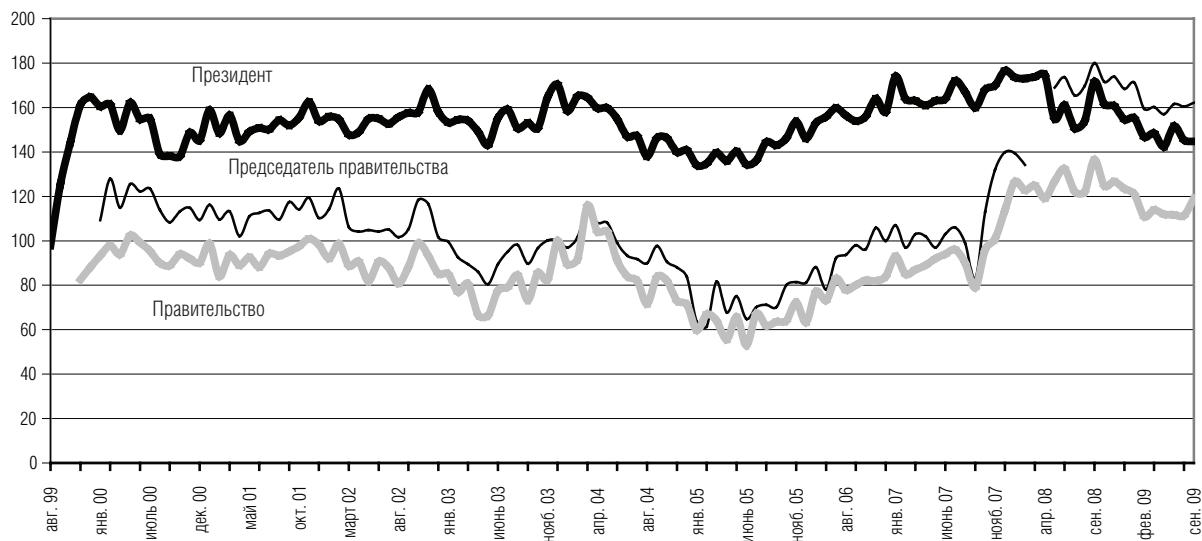
1. ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ? (в % от числа опрошенных)

N=1600

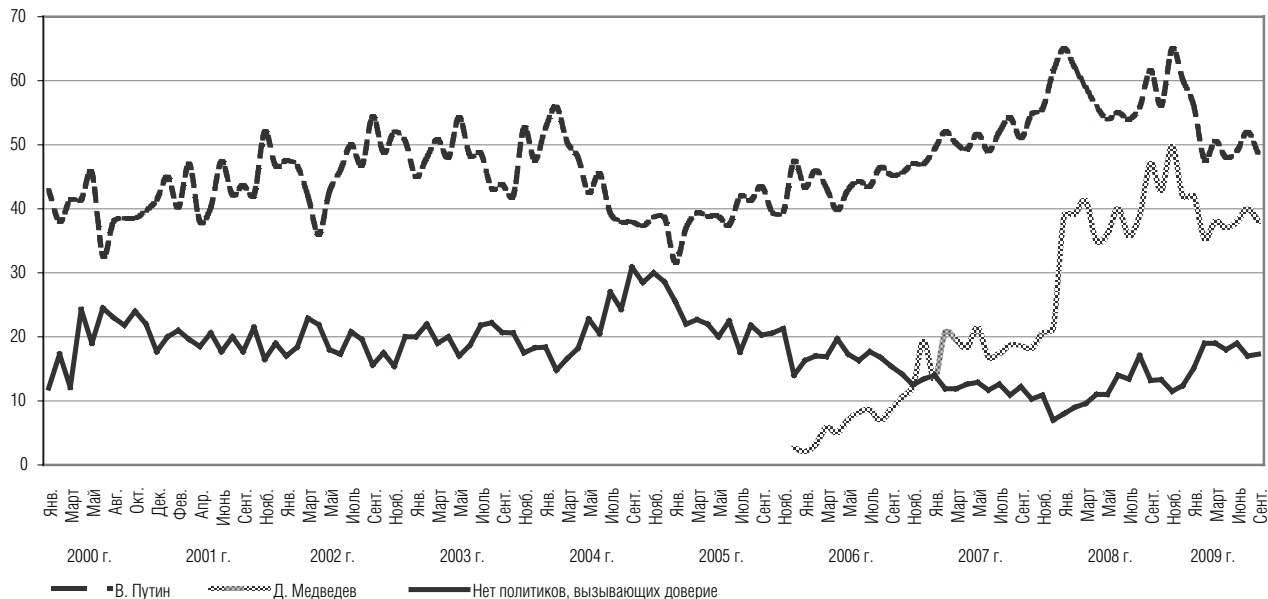
2. ИНДЕКСЫ ОДОБРЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА, ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

(разность положительных и отрицательных оценок плюс 100)

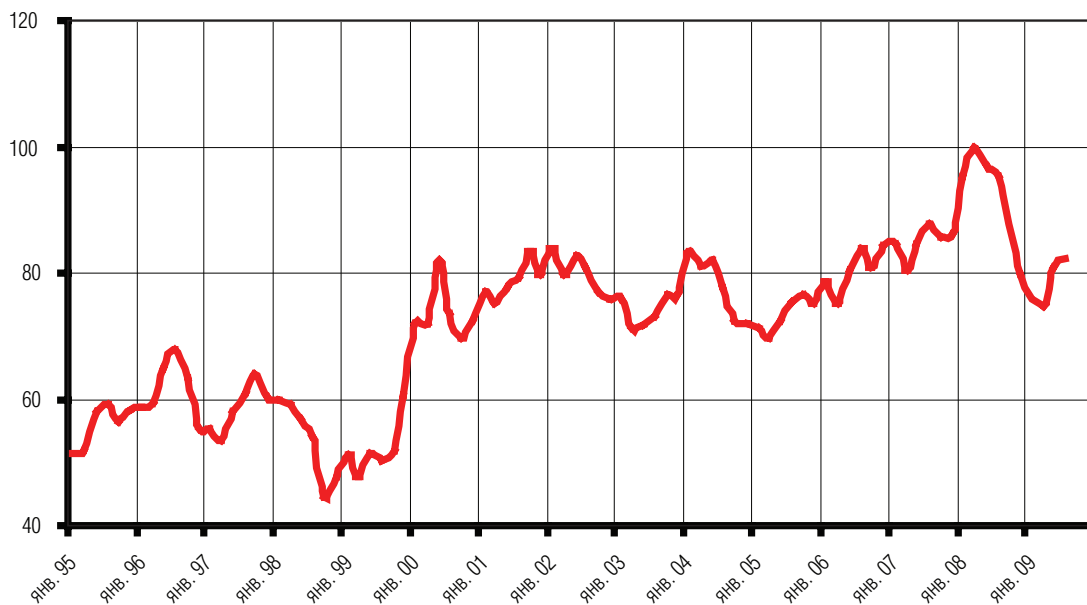
N=1600

3. ДОВЕРИЕ К Д. МЕДВЕДЕВУ И В. ПУТИНУ (в % от числа опрошенных)

N=1600

4. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В августе 2009 г. ИСН (индекс социальных настроений) увеличился менее чем на 2%, по сравнению с июнем, и достиг уровня 112 пунктов, т. е. рост общественных настроений практически прекратился. При этом равномерно изменились все отдельные компоненты сводного индекса, отражающие оценки личного положения респондента, ситуации в стране в целом, оценки действий правительства и ожидания на будущее. Это означает, что наблюдавшийся рост общественных настроений весной – в начале лета нынешнего года носили в первую очередь сезонный характер, к концу лета стало понятно, что о значимом улучшении общественных настроений, свидетельствующих о выходе из кризиса, говорить пока рано.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ УКРАИНЫ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

(данные репрезентативного опроса, 2500 человек, проведенного 18–27 июня 2009 г. Всеукраинской социологической службой; в % от числа опрошенных, статистическая погрешность – 2%)

ЧЕМ ДЛЯ ВАС ЯВЛЯЕТСЯ 9 МАЯ? (здесь и далее респондент мог выбрать больше одного ответа)

День победы над фашизмом	65
День памяти и скорби по всем погибшим	37
Нерабочий, выходной день	6
Средство тоталитарной пропаганды	2
Другое	менее 1

Первый ответ чаще выбирают респонденты старше 60 лет, жители села.

КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ РОЛЬ СТАЛИНА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ?

Он добился победы в войне ценой непомерной крови своего народа	51
Он – победитель над фашистской Германией	29
Он использовал войну для укрепления власти и распространения тоталитарного режима в Европе	15
Он спровоцировал Вторую мировую войну	11
Он подавил национально-освободительное движение на Украине	9
Другое	менее 1

На роль Сталина как победителя в войне чаще указывают люди старше 60 лет (41%), респонденты с начальным образованием (58%); о непомерно кровавой цене победы чаще других говорят 40-летние респонденты (56%), опрошенные с высшим образованием (56%).

КТО ИЛИ ЧТО В НАИБОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ПОВЛИЯЛО И ВЛИЯЕТ НА ВАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ?

Представители старших поколений	46
Система образования (в школе, вузе)	28
Украинские средства массовой информации	23
Советские традиции	20
Российские средства массовой информации	10
Другое	3

Ответ «советские традиции» чаще дают респонденты пожилого возраста (36%), люди с начальным образованием (44%); на украинские СМИ и систему образования чаще указывает молодежь.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЗАДАЧИ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лев ГУДКОВ

Природа «путинизма»

Нынешний кризис со всей ясностью показал, что сложившаяся в 2000-е гг. в России политическая система не просто консервативна (сопротивляется изменениям ее самой, не способна к инновациям) — это институт, одна из функций которого (смысл его деятельности) — сдерживание, блокирование или даже парализация развития других подсистем общества, включая экономику, науку, образование, коммуникации, гражданское общество, публичную сферу жизни¹. Путинский режим, начав с подчинения себе СМИ, а затем судебной системы и парламента, подавил процессы функциональной дифференциации институциональной системы, отделения «общества от государства», инициированные реформами 90-х гг. Я имею в виду не только признание самостоятельности «ветвей власти», продекларированное Конституцией 1993 г., однако практически не реализованное, но и относительной независимости («автономности») общественных институтов: ту же экономику, образование, гражданское общество и проч. — от «государства», т. е. от интересов тех, кто присваивает себе всю полноту исполнительной власти. После крупного бизнеса (борьбы с «олигархами»), региональных и муниципальных властей пришел черед признавать свою зависимость от кремлевской администрации и общественным объединениям или организациям, не имеющим прямого отношения к государству или политическим проблемам (примеров здесь множество — от смены руководства в Союзе кинематографистов до введения в курс школьного обучения «Основ православной культуры»). Сегодня речь уже

идет не о новом «застое», а о нарастающих явлениях социальной и культурной деградации страны, вызванных подавлением процессов модернизации. Не столь очевидные в экономике (по крайней мере, до кризиса), эти процессы инволюции очень ощутимы в ценностной сфере, в науке, в общественной морали, в системе образования, т. е. в тех сферах, где негативные последствия политики полицейского государства полностью проявятся только в следующем поколении². Усиливающийся контроль кремлевской администрации над избирательной системой, над общественными организациями, интервенции государства в экономику не уравновешиваются вялым сопротивлением общества или ростом коррупции, компенсирующей отчасти для населения произвол государства.

Следуя собственной логике усиления власти, нынешний режим сам по себе уже не может остановиться в этом движении; этот процесс не имеет обратной силы: объем принуждения, как мы видим, с каждым годом растет и будет расти, масштабы фальсификации выборов или новых судебных процессов будут увеличиваться, стремление к господству над обществом (борьба со «шпионажем», с «экстремизмом», с фальсификаторами истории, со «злоупотреблениями» в Интернете, с «невыплатой налогов» и т. п.) явно не будет слабее. Возможно, режим достиг уже той стадии, когда простой инстинкт самосохранения тех, у кого сейчас находится вся полнота власти, заставляет их продолжать делать то, что они уже делают, даже если они понимают всю нежелательность или опасность такого хода событий. Масштабы злоупотреблений властью

¹ В принципе можно указать и на другие структуры, еще более консервативные или даже реакционные в стремлении навязать обществу свои архаические нормы поведения и представления, например, об армии или церкви, но они (пока) не претендуют на тотальный характер воздействия.

² Настоящая угроза для будущего страны заключается не в ухудшающейся демографии, а в усиливающейся примитивизации общественной жизни, снижении человеческого потенциала, вызванном усилением государственного вмешательства в общественную жизнь, отуплении и апатии населения, неспособного вообразить иную жизнь и желать ее.

или даже преступлений против закона (примеры В. Шаманова, А. Бульбова или Ю. Лужкова — лишь первые, лежащие на поверхности) не оставляют им шансов отойти от дел и передать власть другим группам, поскольку отдать власть для них означает — оказаться самим в заключении¹. Поэтому так важно понять природу этого режима, логику его развертывания, и сценарии его изменения.

От того, как мы определяем характер нынешнего режима (как «путинское правление», как «путинизм»² или как «контрольный режим», корпорация «силовиков», «ментовское государство»³, «госмонкап» / = государственный монополистический капитализм / и т. п.), зависят наши возможности анализа его устойчивости (эффективности институтов, ресурсов массовой поддержки) и перспектив эволюции или трансформации. Сегодня пониманию его природы мешает инерция нашего мышления, укладывающего новые явления в готовые шаблоны политологической классификации. Я попробую наметить некоторые его характеристики, отталкиваясь от противного.

Есть два расхожих мнения: 1) страна возвращается в СССР / нынешний режим — разновидность фашизма (таковы, например, аналогии режима Путина с «корпоративным государством» или ранним периодом правления Муссолини, выдвинутые З. Бжезинским или А. Мотылем) и 2) нынешний режим — это персональная авторитарная власть Путина. И то и другое мнение, на мой взгляд, неверны, поскольку их источник — разочарование, вызванное несоответствием либеральных ожиданий, оказавшихся иллюзиями, и действительности, а также одно-

мерностью западных политологических шаблонов транзитологии, прилагаемых к описанию российской политической системы. Хотя он выстроен, по словам Ю.А. Левады, из «кусков», «обломков конструкций» и «материала» старой системы, сам набор институтов, их композиция и, главное, их функция, стали другими⁴. Я полагаю, что условный «путинизм» — это новое и не описанное в политической науке явление. Новыми, как я считаю, являются, прежде всего, *системы легитимации господства* (авторитета) и *технологии власти* (в том числе массового управления).

В последнее время российская политическая система все чаще привлекает к себе внимание исследователей⁵, однако, несмотря на усиливающийся интерес и умножающееся число публикаций, приходится констатировать, что пока нет адекватного понятия для этого явления, а значит, нет возможности строгой фиксации особенностей режимов этого типа. Само использование разнообразных, хотя и близких по конструкции определений этого вида господства (таких, как «симулятивная», «имитативная» демократия», «гибридный», «химерический» или «кентаврический» режим), указывает на неудовлетворенность исследователей имеющимся аналитическим инструментарием. Если зарубежные политологи пытаются вписать «путинизм» в один общий ряд авторитарных режимов, специфических для транзитологических процессов, сравнивая при этом Россию с Мексикой или латиноамериканскими режимами, Индонезией, Малайзией, Сингапуром и т. п.), то российские ученые (например, Д.Е. Фурман) рассматривают российскую политическую систему как «нормальную» диктатуру в рамках общей шкалы с другими квазиавторитарными режимами, возникшими на развалинах СССР и озабоченных адаптацией к переменам, которые представляются им «неорганичными», неже-

¹ Эта проблема (назовем ее «отсутствие легитимных механизмов смены власти», связанной с подавлением интересов разных групп в обществе) является частью наследия большевиков, но раскрывается она как символический «дефицит легитимности», обусловленный самой технологией господства, используемой «путинизмом».

² Возникшее в последние год-два (причем независимо друг от друга у исследователей из разных стран) номинативное понятие «путинизм» не отражает специфики и структуры явления, поскольку невольно семантически связывает его с личностью В.В. Путина. Единственно, что при этом ухватывается, — интуитивно ощущаемая новизна и самодостаточность («нормальность», как говорит Д.Е. Фурман, этого типа правления для государств постсоветского пространства), а также некоторые отличия этого режима от других форм репрессивных или тоталитарных правлений. Первая, насколько я могу судить, употребила его американская исследовательница, историк Гулага Энн Эпплбаум. См.: Applebaum A. Putinism. Democracy, the Russian Way // Berliner Journal. 2008. № 16. P. 43–47.

³ См.: Никитинский Л. Ментовское государство как вид. Неправильственный доклад. — <http://www.ru.jr.ru/authors/nikitinskiy/090319-1.htm>

⁴ Дискуссионным оказывается и время формирования режима: одни аналитики полагают, что он является поздним инвариантом советской системы, другие относят его либо к 1991 г., либо к 1993 или даже — к 1996. Я полагаю, что режим начал складываться после 1999 г. и окончательно оформился к 2004 г., после Беслана и маленькой «административной революции» Путина.

⁵ См.: Motyl A. Russland: Volk, Staat und Führer: Elemente eines faschistischen Systems // Osteuropa. 2009. 59. Jg. H. 1. S. 109–124; Casula Ph., Perovic J. (Eds). Identities and Politics During the Putin Presidency. The Foundations of Russia's Stability. Ibidem. 2009; Heinemann-Grüder A. Kontrollregime. Russland unter Putin & Medvedev // Osteuropa. 2009. 59. Jg., H. 9. S. 27–48. В последней работе приводятся многочисленные ссылки на новейшую литературу по вопросам квалификации и определения путинско-медведевского режима..

лаемыми, «навязанными извне» (в Белоруссии, Азербайджане, Казахстане и в других центральноазиатских государствах)¹.

Мы болтаемся между моделями западной демократии, которые для некоторых сообществ играют роль нормативной оценки происходящего в стране (и, со своей стороны, служат важным элементом исследовательской самоидентичности), и памятью о советском, т. е. тоталитарном, прошлом. У тех, кто разделяет названные две точки зрения на российскую действительность, происходящее сравнивается либо с идеальными представлениями о «демократии» и «политике», какой она должна быть, причем неявно предполагается, что сфера политического обязательно представляет собой в «нормальных случаях» четкое разделение властей, конкуренцию политических партий, выдвигающих в своих программах те или иные политические цели, подлежащие обязательной реализации исполнительной властью, и стратегии их достижения, а также наличие партийных правительств, сформированных по итогам выборов, дееспособного парламента, где партия власти и оппозиция контролируют реализацию этих стратегий через контроль над исполнением бюджета и парламентские запросы и прочие механизмы целеполагания и установления ответственности высшего руководства за проводимую политику. Либо же нынешнее состояние соотносится с неопределенным представлением о советской системе, но сами характеристики, подлежащие сравнению, при этом не выявлены².

¹ Д.Е. Фурман в своих выступлениях в последние годы сравнивает разные проявления его с фазами развития одной и той же системы, феноменально отличающимися друг от друга; но это различие, полагает он, подобно несходству фотографий одной и той же женщины в разном возрасте: молодой девушки, зрелой женщины и старушки.

² Из двух основных подходов к проблеме тоталитаризма, связанных либо с политико-философским анализом «тоталитаризма», представленном Х. Арендт в ее «Истоках тоталитаризма», и сравнительно-типологическим исследованием тоталитарных режимов, предложенным К.-Й. Фридрихом и З. Бжезинским, я выбираю последний. Их определение «тоталитарного синдрома» включает такие признаки, как однопартийную систему во главе с «вождем» или «национальным лидером», слитую с государственным аппаратом, монополию на средства информации и превращение ее в инструмент тотальной пропаганды, тоталитарную идеологию с элементами «спасения» или миссионерства, монополию политической полиции на государственные средства насилия и принуждения, массовый террор, плановую экономику, подчиненную задачам государственной политики, полный контроль государства над жизнью населения. — Fridrich C.J., Brzesinsky Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge (Mass.), 1956. Понятно, что для сравнения брать следует лишь самые поздние фазы тоталитарного режима, начало его разложения, вроде брежневского «застоя» (это, кстати, время завершения социализации и начала взрослой жизни поколения Путина, ограничения террора, конца коммунистической идеологии, роста русского великодержавного национализма, эпоха детанта).

И то и другое представление не адекватны тому, что имеет место сегодня в России.

«Путинизм» — это не тоталитаризм и это не привычные и хорошо описанные формы авторитаризма. Хотя действующий режим и возник в результате распада тоталитарной системы, невозможности ее воспроизведения, этот тип устройства власти и ее отношений с обществом отличается от тоталитаризма. Несмотря на то, что многие институциональные структуры (суд, прокуратура, армия, МВД, школа и т. п.) сохранились почти в том же виде с советского времени, сам контекст их существования и функционирования стал иным³. Прежняя система как таковая распалась, то есть утратила целостность и интегрированность своих частей, а это значит, что «части» в гораздо большей степени стали подчиняться своим собственным (ведомственным, корпоративным, клановым) интересам. Бюрократия⁴, апроприировав ранее занимаемые позиции, частично приватизировало функции государства, поставив их себе на службу. На месте относительно целостной (тотальной) системы возникло множество частных, корпоративных и групповых образований со своими частными, корпоративными и групповыми целями и интересами. Попытки, предпринятые администрацией Путина, восстановить централизованную систему власти (без политики террора, без прежних механизмов контроля и принуждения), не дают ожидаемого эффекта именно потому, что в игру вступали клановые и ведомственные интересы, которые во многих случаях гасят усилия Кремля, заставляя его договариваться, торговаться или считаться с теми, кто представляет эти интересы.

Коротко говоря, результаты типологического сравнения тоталитарных режимов и «путинизма», дают следующую картину отличий:

1. Нет прежней монополии «партии-государства» (сращения партийного аппарата и государственных органов управления), системы государственного и идеологического контроля, пронизывающих любые сферы общественной жизни, контролирующих вертикальную и горизонтальную мобильность. ЕР не повторяет КПСС ни по своему устройству, ни по функции, ни по эффективности. Роль партии власти, как и других прокремлевских партий, ограничена участием в электоральных манифестациях

³ Менялась организационная структура этих институтов, но не составили механизмы подбора и воспитания кадров.

⁴ Причем не веберовская (т. е. прусская, некоррупцированная, идеально функционирующая машина массового управления), а советская ведомственная бюрократия.

люяльности и конкуренции за представительские места в Госдуме и региональные законодательные собрания. Она не образует дублирующую инфраструктуру управления и террора, как КПСС, но и не обладает правом формирования правительства, как в демократических странах.

Путин не «фюрер», не харизматический лидер, не «демагог» и трибун, постепенно завоевавший доверие масс в ситуации глубокого кризиса, а по своей психологии и ментальности — средний чиновник «из органов», пришедший к власти в результате аппаратных интриг и сделок, которому пропаганда, уже задним числом, после прихода к власти, придала «харизматический» ореол. Его популярность и массовая поддержка объясняются не «культом» его личности, идентификацией массы с персонифицируемым им типом «базовой личности», выдвинутой в качестве коллективного символа успеха, и тому подобными интересными психоаналитическими штучками¹. Причины ее лежат в гораздо более прозаических и понятных иллюзиях масс, что его руководство страной позволит сохранить начавшийся рост доходов и некоторую устойчивость, предсказуемость жизни, с одной стороны; в устранении с политической сцены любых других влиятельных и авторитетных политических фигур, в стерилизации неофициозных источников информации и критики, в создании обстановки искусственной безальтернативности его положения, с другой. Вульгарный социально-политический и националистический популизм лишь дополняет этот образ. Следов какого-то «обожания» ВВП в исследованиях общественного мнения

¹ Нет сомнения, что массовый человек опознает и с удовлетворением «прочитывает» в действиях и жестах Путина, шокирующих иностранную или российскую публику, возможность символического изживания своих собственных комплексов униженности, бездарности, неполноценности, бесконечной зависимости маленького человека от произвола других, более сильных, чем он (начальства, иностранцев, инородцев, людей талантливых и способных, обладающих верой в ценности и значения, выходящие за пределы его разумения). Но не это главное — более важным здесь оказывается воображаемая игра = идентификация в то, что подобный человек, внутренне лишенный оснований для самоуважения, сознания собственного достоинства или чести, достигнув высшей власти, может освободиться от бремени внешнего контроля, необходимости кому-то что-то доказывать и предьявлять в качестве удостоверяющих знаков своей ценности. Не наличие программы, идей или убеждений делают Путина коллективным символом власти, а как раз их *значимое и демонстративное отсутствие* обеспечивает массовое признание его в качестве «своего» в сочетании с фасцинирующей силой неприкрытого, показного «права» на принуждение (имеющего отчасти садистский характер). Целесообразность произвола помещена в функциональный центр системы. «Чечня» (или «Северный Кавказ»), «Дело ЮКОСа» и им подобные акции оказываются парадигмой российской политики.

не отмечено. В этом смысле основа доверия к нему вполне консервативна и не связана (как у собственно тоталитарных вождей) с идеями «нового мирового порядка».

2. Нет «единоспасающего» и «все объясняющего» учения, «политической религии», тотальной по охвату мобилизационной идеологии, в принципе стремящейся навязать массам идею построения «нового мира» и «нового человека». Уже в брежневские времена роль идеологии свелась к оправданию практики государственного принуждения, ограничения и дисциплины (принудительный «аскетизм» массовой повседневной жизни) и к замене коммунистического миссионерства великодержавным национализмом. Отсутствие идеологии означает, что «путинизм» не в состоянии предложить каких-либо значимых для массы населения политических ориентиров или целей развития общества, (кроме обещаний сохранить то, что есть сегодня). У него нет какой-либо притягательной картины завтрашнего дня (и сурковский агитпроп не в состоянии придумать что-либо в этом роде)². Все разговоры властей о необходимости «двигаться вперед», об инновациях, инвестициях и модернизации стоят столько же, сколько и прежние планы «удвоения ВВП» или «национальные проекты», мало сказывающихся на состоянии общества и экономики. Это чисто советская практика «отчета планами на будущее», а не о реально проделанной работе. Разговоры о «4-х И» (уже забытых³) или словеса «Вперед, Россия», равно как и Послание к Федеральному собранию — это повторяющиеся попытки подновить характер легитимации власти, а не выдвигание политической программы (поэтому в организационном плане все эти выступления лишены конкретики и практических мер). Они не компенсируют отсутствие публичных механизмов политического целеполагания, опирающихся на консенсус общественных интересов и стремлений, а соответственно, и их представительство в каких-то устойчивых формах.

3. Внешняя политика режима не нацелена на экспансию, на образование второго «соцлагеря» или блока союзных стран; максимум возможного для него — создание санитарного кордона или защиты против западных влияний, вестернизации, без которой невозможен процесс модернизации (подавления перспектив

² Впрочем, ясных картин будущего нет и у оппозиции; как власть отчитывается «планами на будущее», так и ее оппоненты могут оперировать исключительно представлениями о «вчерашнем дне», отталкиваться от них.

³ Институты, инфраструктура, инвестиции, инновации.

политической или экономической интеграции с Западом). Геополитическая демагогия предназначена, главным образом, для поддержания самоидентичности режима и подчинена задачам внутренней консолидации его элиты вокруг власти, «защищающей» страну от враждебного окружения и «пятой колонны»: либералов — агентов Запада. Она имеет исключительно изоляционистский или компенсаторный характер (т. е. нацелена на необходимость учета внешними силами «национальных интересов России» в ближнем зарубежье, требований «уважения» ее со стороны ведущих игроков на мировой политической сцене).

4. Нет специфического для тоталитаризма *соединения террора*, массовых репрессий¹, и *тотальной пропаганды*, создающих в обществе атмосферу парализующего страха, упраздняющего и саму мораль, и «общество» как тип солидарных связей и объединений. Надзор за СМИ сегодня радикально различен в зависимости от объема их аудитории — он жесткий на ТВ, слабый в печатных средствах информации, и пока еще отсутствует в Интернете. Нынешняя кремлевская пропаганда не тотальна, она захватывает лишь часть передач (прежде всего в новостных форматах, задающих восприятие событий и интерпретацию происходящего, а также в тематически направленных материалах: борьбы с «терроризмом», антизападных, дискредитирующих оппозицию или конкурентов в политике и бизнесе). Однако это не означает, что ослабло манипулирование общественным мнением. Оно стало другим, изменилась технология господства над массовым сознанием: сегодня разорвана связь между деятельностью партий (и не только находящихся в оппозиции к власти, но, условно говоря, «оппортунистических», «центристских»), общественных организаций и СМИ, которая была чрезвычайно значимой и эффективной в 90-х гг. Тем самым оказались парализованы возможности информирования основной массы общества о состоянии дел и критической, *публичной рефлексии* над тем, что происходит в стране и в Кремле. Установить ответственность властей за те или иные политические действия или решения стало невозможным. Роль ведущих СМИ (ТВ, га-

зет с большой аудиторией — КП, МК, АиФ), помимо пропаганды режима, сведена к стебу, к развлекаловке, потребительскому гедонизму, расслабляющему массажу массового сознания, нейтрализующему внимание населения к социальным вопросам².

5. Нет огосударственной, централизованной, планомерно-распределительной экономики (подчиненной целям режима — концентрации ресурсов и усилий для проведения политики форсированной милитаристской модернизации, а позже, при «застое», — обеспечения статуса мировой супердержавы, авторитета и роли «великой державы»); сегодня нет и приоритета госсобственности или принудительной системы труда; сохранение госсобственности (в виде госкорпораций или секторов, выключенных из рыночной экономики) обусловлено преимущественно эгоистическими и корыстными интересами тех кланов, у которых сосредоточена власть («распил бюджета»); остатки ВПК не в состоянии перевооружить российскую армию, и работают скорее на экспорт, т. е. как одна из госкорпораций, ориентируясь в первую очередь на собственные прибыли (то же и о других секторах госэкономики); экономика сегодня в очень большой степени децентрализована и устроена гораздо сложнее, чем это было в СССР.

6. Нет режима закрытого общества, есть режим полукрытости³.

7. Нет прежней системы кадрового резерва (институт номенклатуры разрушен вместе с КПСС; частичным заменителем номенклатуры выступают кадры спецслужб), отбора во власть и продвижения по бюрократической лестнице, прежняя система вертикальной мобильности разрушена; открывшиеся было в первой половине 90-х гг. карьерные каналы сегодня закрылись или действуют по принципам «очень избирательного средства».

¹ Единственный урок, который руководство бывшего КГБ и партноменклатура извлекли из эпохи Сталина, заключается в том, что использование террора как политического инструмента ротации кадров очень быстро оборачивается против самой номенклатуры и чекистов, поэтому в целях самосохранения режим должен ограничивать репрессии рамками избирательных или профилактических преследований отдельных групп.

² Роль немногих оставшихся сравнительно независимыми печатных изданий («Ведомостей», «Новой газеты», «The New Times», «Коммерсанта» и др.) более сложна. В силу ограниченности своей аудитории (каждое из них располагает аудиторией, масштабы которой не выходят за пределы 180–200 тыс. экземпляров, т. е. в целом, учитывая пере-сечения, охватывают примерно 600–800 тыс. читателей), они не могут конкурировать с основными каналами массовой пропаганды и работают как межгрупповая коммуникация внутри элиты или околоэлитных слоев, поддерживая необходимую рефлексии публики в связи с происходящими событиями, «выпускание пара», критику чрезмерных злоупотреблений власти и определение рамок возможного, т. е. выполняют функцию обратной связи, пусть даже и искаженном виде.

³ Он касается, прежде всего, информационных и языковых барьеров, отсутствия доступа к необходимой литературе для студентов и научных работников.

8. Ментальная и психологическая опора режима — периферия, консервативная и депрессивная среда, не имеющая собственных ресурсов для выхода из ситуации распада советской социальной инфраструктуры. Элита оппортунистична и продаст нынешнее руководство, как только увидит, что режим начал трещать. В институциональном отношении режим опирается на силовиков (включая суд)¹.

В идеологическом плане путинский режим может предполагать только лишь идею консервативного противодействия изменениям системы, а это значит, что он руководствуется, главным образом, интересами самосохранения. Для модернизационных рывков у нынешней российской власти нет ни сил, ни ресурсов, ни идей, ни лидеров. Режим, может быть, и понимает необходимость модернизации, но боится ее, поскольку подобная трансформация сопряжена с отказом от госконтроля во многих важнейших сферах и реальным риском потерять всю полноту распорядительной власти, которой он сегодня располагает. Во внутренней политике ставка делается на защиту любыми средствами полученной власти: дискредитация и вытеснение оппозиции из публичного пространства сочетается с подавлением или ограничением альтернативных источников влияния, использованием тактики демобилизации, поддержанием общества (населения) в состоянии апатии и отчуждения от политики. Тем самым, в обществе поддерживается состояние ослабленных солидарных связей, атомизированности, аномического индивидуализма. В качестве условий для массовой (негативной) консолидации используется национализм (= массовая низовая

¹ Здесь самое место еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет только о предварительной процедуре: постановке вопроса о возможности выделения нынешнего российского режима («путинизма» или государства, апроприированного частными «силовыми» группировками) в отдельный подвид репрессивных режимов. Другими словами, исторически конкретная форма правления, возникшая в ходе разложения советской системы, на первой стадии анализа сравнивается с «идеально-типической» конструкцией условного или обобщенного тоталитарного режима, чтобы зафиксировать наиболее значимые отклонения от исходной схемы. На следующей фазе разбора следует уточнить базу сравнения — взять не собственно «тоталитарный синдром», а позднюю фазу брежневского правления, чтобы иметь возможность проследить, как теряются отдельные признаки тоталитарной системы (идеология, террор, затем — система кадрового подбора и мобильности и т. п.), чтобы последовательно установить причинные связи между изменениями в системе и ее относительной устойчивостью (минимумом признаков, позволяющих говорить о целостности системы или ее переходе в новое качество, т. е. появление нового типа). — Я хотел бы поблагодарить А. Береловича, М. Липман и Н. Зоркую, высказавших ценные критические замечания по поводу данной работы и затрагиваемых в ней предметов.

ксенофобия) и антизападничество, подпитываемые извращенным чувством коллективной чести и комплексами «избранности», «особости», «превосходства». И то и другое — компенсация за длительное состояние унижения бедностью в советское время, за проснувшиеся надежды в 1990-х гг., изживание чувства неполноценности и коллективной травмы от утраты советской идентичности.

Только на идее «защиты от врагов» многого не добьешься, и власти это понимают. Позитивной основой для признания власти и коллективного самоутверждения может быть лишь устойчивый рост повседневного благополучия, массовых доходов, обретение собственности значительной частью населения. С этой жадной самоуважения, самоутверждения и признания мало что может сравниться, но сами по себе эти основания очень хрупки, так как социальные и институциональные условия для повседневного признания ценностей упорного труда и достижения («русская модель рынка труда», по Р. Капелюшникову и В. Гимпельсону) не слишком благоприятны, а изменения в лучшую сторону не так велики, как это казалось в годы недавнего роста. Дисквалификация таких моральных представлений, как справедливое вознаграждение за труд, «заслуга», а соответственно, понятий «честности», «порядочности», «доверия» и т. п., продолжалась в течении жизни нескольких поколений советских людей.

Поэтому восстановление тоталитарной системы невозможно.

Сравнение «путинизма» с «авторитаризмом» более сложно, поскольку само понятие авторитаризма гораздо более расплывчато и уже описанных его типов² значительно больше, чем общая модель «тоталитаризма», предло-

² См.: *Linz J.J. Totalitäre und autoritäre Regime* / Hrsg. von R. Kraemer. B.: Berliner Debatte Wiss.-Verl., 2000 (немецкое издание представляет собой переработанный и дополненный вариант более ранней его работы: *Totalitarianism and Authoritarian Regimes // Handbook of Political Sciences*. 1975. Vol. 3. «Авторитарными» (в отличие от тоталитарных) Линц называет «такие политические системы, которые характеризуются ограниченным, но лишенным ответственности политическим плюрализмом, в которых нет какой-либо систематически разработанной и руководящей или сакральной, миссионерской идеологии. Они, однако, обладают отчетливо выраженными формами ментальности, которые допускают и оправдывают жесткое массовое управление. В этих системах невозможна какая-либо экстенсивная или интенсивная массовая политическая мобилизация (хотя в их собственной истории становления подобные моменты мобилизации вполне возможны). Власть здесь имеет и осуществляет вождей (иногда узкая группа лиц) внутри формально едва ли определенных, но фактически вполне предсказуемых границ. ...Авторитаризм довольствуется политической апатией, пассивным терпением и послушанием поданных, оппортунизмом и цинизмом элиты» (Р. 144, 145).

женная К.-Й. Фридрихом и З. Бжезинским. Путинизм имеет мало общего как с формами традиционного авторитаризма (патернализма, султанизма), так и с формами авторитарного транзита (недемократических режимов, последовательно проводящих политику модернизации экономики и общества, как это было в Южной Корее, Сингапуре или на Тайване¹. Он существенно отличается и от известных типов «абортивной модернизации» (к последним можно отнести и постколониальный деспотизм в африканских государствах, и военные режимы, «хунты», возникшие в результате захвата власти группой офицеров, и типы репрессивных правлений, утвердившиеся благодаря установлению однопартийной диктатуры, или террору политической полиции, например, на Гаити).

Однако определенное сходство путинского режима с «классическим» авторитаризмом, несомненно, можно установить. Это, прежде всего, такие его черты, как

а) квазиперсоналистический характер режима (представление о том, что «все решает Путин»); сужение или деградация сферы политического (публичных обсуждений о целях политики и цене и средствах их реализации); превращение правительства в технический аппарат исполнения «воли автократора» (большинство министров в российском правительстве — технические фигуры, специалисты, исполнители, а не выдвиженцы партий, победивших на выборах в парламент, не политики, соответственно, они не несут ответственности перед избирателями или обществом в целом за проводимую «национальным лидером» политику);

б) растущий объем апелляций к «русским традициям», усиление значимости «традиционализма»; подобные тенденции указывают на значимость консервативных интересов и анти-модернизационных ориентаций;

в) быстрое увеличение масштабов коррупции, захватывающей все основные сферы государственного устройства; коррупция — реакция на примитивность структуры управления («ручной» характер управления), неэффективность государства, административный произвол, воз-

¹ Режимы авторитарного транзита нельзя рассматривать в качестве самодостаточных, а значит, сравнивать их с Россией, поскольку они — в очень большой степени — опирались на институциональные структуры, созданные либо еще колониальной администрацией (например, правовое государство, персонал, получивший образование в западных университетах, в Гонконге, Сингапуре), либо оккупационной, получали помощь и многостороннюю поддержку США (Тайвань, Корея, Япония). России в этом плане надеяться не на что.

никающий вследствие недифференцированности власти, соединение в одной точке законодательной и исполнительной функции при отсутствии баланса «контроля и противовесов». Источник российской коррупции — устройство самой власти, несимметричный характер ее отношений с обществом и экономикой. Открыто признаваемая руководством страны коррумпированность системы означает публичную констатацию неспособности центральной власти справиться с функциями государства и скрытое требование признать сложившуюся клановую систему, частнокорпоративный характер государственной власти в стране как факт или особенность нынешнего безальтернативного порядка². Коррупция оказывается одним из мощных механизмов интеграции (подкупа как населением государственных служащих, так и государством — населения);

г) снижающееся (относительно и в разных секторах в разной степени) качество управленческого персонала, вызванное особенностями подбора кадров, селекцией «человеческого материала», поступающего в аппарат ведомственных управлений, суда, Госдумы и т. п.

«Персонализм» нынешнего режима внешний, он скрывает одно важное обстоятельство: сам по себе ВВП лишь номинальное выражение для сложившейся расстановки сил в самом узком круге лиц, вырабатывающих и принимающих все важнейшие кадровые и экономические решения, задающих направленность и общий тон политики в стране. Как мне представляется (возможно, ошибочно), Путин (реальное лицо) сам лично в гораздо большей степени зависит от круга лиц, «принимающих решения», чем «они» от него. Едва ли Путин определяет его состав или ограничивает доступ к нему³. По ряду признаков можно предположить, что сам он — функция этого теневого руководства; в лучшем случае он может лидировать среди них, играя на соотношении сил внутри высшего эшелона руководства, выступая в качестве арбитра конкурирующих между собой властных группировок. Но ни личные его способности, ни стиль политического управления (тактика проведения «спецопераций» против намеченных групп влияния или интересов) не позволяют

² Замечательна массовая реакция на немецкий доклад о Лужкове. По последнему опросу Левада-Центра (октябрь с. г.), 77% москвичей, считают, что слухи и разговоры о коррумпированности Лужкова (предпринимательских «успехах» Батуриной) соответствуют действительности, но 36% «не обращают на это никакого внимания».

³ Этот тезис серьезно обосновать я не могу и предлагаю рассматривать как гипотезу.

видеть в нем государственного деятеля. Как и сложившаяся при нем система, он не выходит за рамки решения проблем адаптации к внешним изменениям. Отсюда — разнообразные суррогатные формы псевдоинституциональных инноваций — Общественная палата (региональные общественные палаты), парамилитарные или параобщественные движения молодежи — «Наши», «Молодая Гвардия» (близкие по своей функции к фашистским штурмовым отрядам на ранних стадиях развития тоталитарных режимов, но не достигающие характерного для тех уровня организованности и эффективности), общественные приемные (напоминающие по своей идее ящики для жалоб и доносов, придуманные Павлом I), дискуссионные шоу на ТВ, послания к Федеральному собранию и т. п. Путин не задает программу деятельности государственной бюрократии, а пытается приспособиться (удержать рутинную конструкцию бесконтрольной власти) к нарастающим явлениям децентрализации господства и возникновению новых локусов авторитета и влияния. Представить себе, что он контролирует сами условия возникновения этой композиции власти, состав этого круга, трудно. «Путин» — не творец нынешнего режима, а псевдоним для сложившейся конвенции представителей или выходцев из спецслужб, контролирующих ключевые отрасли экономики или важнейшие институты, и теневых правителей. Поэтому вся система нынешней власти принципиально рутинна, подражательна, эклектична и лишена способности к развитию.

Персонализм сложившейся системы власти отражает слабость и нерасчлененность, неравновесность российской институциональной системы. Старые институты частично разрушены, новые декларативны и неэффективны (если их оценивать с точки зрения нормативных представлений о демократии, а не исходя из интересов власти). Именно эта *недифференцированность* и опознается нами (ошибочно) как выражение личностной власти, как концентрация власти «в одних руках».

Персонализм режима (пока!) дан в ослабленном варианте: власть все еще ориентируется на соблюдение конституционных сроков президентства. А это значит, что не сам ВВП, а упомянутый узкий круг не считает Путина достаточно авторитетным и надежным для обеспечения широкой поддержки режима и принимает во внимание необходимость хотя бы внешнего или формального учета легальных процедур. Для сохранения господства нужны,

пусть даже витринные и декоративные, формальные институты: самостоятельный парламент, «независимый» суд, «электоральная демократия». Другими словами, это не та ситуация, когда власть открыто рассматривает себя как единственный источник права и законности. Для утверждения «подлинного авторитаризма» ресурсов нет¹.

В действительности в российскую структуру власти (в отличие от азиатских драконов и Японии) *не включены* отношения с собственно традиционными институтами, типа чеболи, или с аналогичными полуфеодальными образованиями (по своей этике внутрикорпоративного подчинения), или с этническими общностями (вроде китайской диаспоры в Азии), поскольку в России традиционных образований не осталось. Как нет аристократии (бывшей политически значимой в Испании при Франко), политически влиятельной католической церкви, фаланги, или, как в других странах, богатых и влиятельных этнических меньшинств и социальных общностей. Для традиционного авторитаризма в России нет ни почвы, ни соответствующего человеческого материала. Никто здесь с РПЦ или исламскими муфтиями реальным влиянием делиться не собирается. Собственно традиционалистские институты не поставляют свои кадры во власть (скорее, наоборот — КГБ использовал и использует церковь для своих нужд).

Какие-то черты характерной для авторитаризма апелляции к «традициям» здесь просматриваются, однако это всегда будет имитационный или декоративный традиционализм. Власти (в своей пропаганде) используют лишь суррогаты традиции (преподавание основ православной культуры в школе, участие первых лиц в церковных службах), взывают к этнонациональным «фундаментальным моральным ценностям», изобретают муляжи традиционных символов и ритуалов (вроде новых «праздников»). Во всяком случае, это не действенный традиционализм иранских аятолл и Ахмединеждани, не агрессивный ислам в Малайзии или на Ближнем Востоке. Церковь (РПЦ) в России не имеет собственно политического влияния,

¹ Об этом же говорит и декларативная апелляция ведущих политиков и всей пропаганды к «традициям», нужда в использовании авторитета традиционных институтов, прежде всего РПЦ (но также — постоянное обращение к искусственной символике новых воинских и государственных ритуалов, «праздников города» и проч.), отражающих дефицит легитимности режима, потребность в дополнительной и, по существу, чуждой для него, избыточной, идеологии оправдания власти, неполнота авторитета держателей власти.

она используется исключительно либо в качестве барьера против проникновения западных, либеральных идей, либо в качестве символического ресурса этноконфессионального единства (органического национального целого), эмблематики величественного прошлого, бывшей империи, а также аргументов в пользу закрытости от мира («особый путь», «особая цивилизация»). Это инструментальное, а не ценностно-рациональное, отношение к знакам традиционности должно хотя бы отчасти компенсировать дефицит легитимности власти при разрушенной легальности системы и вместе с тем укрепить основы общественного консерватизма, блокировки модернизации страны.

Режим поэтому использует два идеологических ключа: имитационный традиционализм дополняется собственно модернизационной риторикой (и у Путина, и у Медведева): «необходимость развития», внедрения с помощью государства инновационных технологий, увеличения человеческого капитала, борьбы с коррупцией и с «правовым нигилизмом», хотя дальше слов дело не идет. Последний может использоваться как средство внутривидовой конкуренции, борьбы между своими.

«Подлинный» авторитаризм не нуждается в выборах как в плебисцитарной санкции своей легитимности. Ни Кадафи, ни Франко, ни Хусейн, ни Чан Кайши и проч. не устраивали периодических инсценировок смены власти или имитации выработки консенсуса по поводу одобрения принятого политического курса. (Или я ошибаюсь?) Напротив, «путинизму» выборы как средство демонстрации массовой поддержки крайне необходимы. Электоральная «демократия» в российском варианте — это не рудимент демократической системы, а ее *замена*, аккламация, средство замещения отсутствующих механизмов политического целеполагания и политической ответственности (а значит, партийной конкуренции, парламентского контроля и т. п.).

Несмотря на видимость авторитаризма, путинский режим опирается не на традиционные институты (они слабые, практически разрушены и самостоятельно не могут воспроизводиться), не имеющие никакой связи с подлинным традиционализмом *структуры политической полиции* (советские по происхождению, но не советские по функции), сохраняющие монополию на средства принуждения и управления.

Речь идет о двойном характере власти: внешней, публичной, принимающей подобие законности, и реальной, нелегальной или неформальной, незаконной, но действенной.

Функции политической полиции радикально изменились: она уже не является «вооруженным отрядом КПСС», охраняющим интересы партократии, режима в целом, идеологического строя, инструментом надзора и контроля за кадрами, за каналами массовой вертикальной и горизонтальной мобильности, а значит, контроля над социальной структурой «общества-государства», за информационными потоками; это уже не инструмент всеобщего устрашения и дисциплинирования, принуждения к «единомыслию» и лояльности, не средство террора и профилактических репрессий против диссидентов и инакомыслящих. Но она может использоваться и как средство целевой экономической, кадровой, информационной (секретной) политики власти.

Сегодня политическая полиция не столько *инструмент для власти*, сколько она фактически сама стала *властью*. Органы, сохраняющие монополию государственного насилия, в условиях кризиса всех систем управления в середине 1990-х гг. оказались *единственной организованной силой*, казавшейся тогда высшему руководству последней надежной опорой для себя. Ни слабая, только возникающая многопартийная система, ни поддержка общества не позволяли видеть в них надежный инструмент удержания власти или обеспечения личной безопасности ельцинского окружения (а руководство спецслужб давало такие гарантии). Однако, сделав ставку на спецслужбы, ельцинская администрация очень быстро оказалась в заложниках политической полиции, которая именно благодаря своим особым возможностям (полномочиям действовать вне легальных рамок, правил и институтов) сумела не только подчинить себе руководство страны, но и, тем самым, стать экстраординарной частью социально-политического порядка в стране. Кадры спецслужб (как это показывают исследования О. Крыштановской) на три четверти образуют высший состав руководства страны, на треть — средний уровень государственного управления. Но дело не столько в удельном весе соответствующих «сотрудников» в органах управления, сколько в изменении практики управления. Обеспечивая в первую очередь принудительное, но незаконное или слабо легитимированное перераспределение собственности, финансовых потоков, административного влияния, став теневой частью политического руководства, спецслужбы превратились в субститут прежней плановой регуляции экономики (квази-государственного регулирования) и суррогат кадрового резерва для власти.

Трудности понимания нынешнего устройства власти заключается в том, что, включившись в борьбу за собственность и влияние, политическая полиция неизбежно утратила свой функциональный характер: из инструмента проведения определенной политики, заданной другими авторитетными структурами (источниками целеполагания — ПБ, ЦК, партийной номенклатурой, новой российской властью после краха СССР), она сама стала частью политической власти (принятие решений, целеполагание). Руководство политической полиции, заняв важнейшие позиции в системе государственного управления, апроприировало не только ключевые позиции в рыночной экономике (в полугосударственных и государственных корпорациях), но и, войдя в состав политической верхушки, т. е. структуры, ответственной за выработку стратегического курса страны, внутренней и внешней политики, ставит и решает политические задачи, что, по сути дела, полиции не свойственно, она для этого не приспособлена. В таких условиях исполнительная бюрократия (пусть даже она использует нелегальные способы работы) начинает сама задавать себе цели государственного управления, что противоречит характеру авторитета высшего руководства. Авторитет руководства страны (признание права господства) должен иметь иные основания легитимности, а значит, другой тип квалификации и компетенции, другой лифт для прихода к власти, нежели служба в полиции или какие-либо иных исполнительных структурах управления. В противном случае бюрократия, не имеющая противовесов и контроля, внешних инстанций целеполагания, начинает работать на себя. Что мы и имеем в случае «путинизма»: целями национальной политики при Путине оказываются задачи самосохранения тех, кто оказался у власти. Дискредитация «лихих 90-х» направлена не просто на «правительство реформаторов», а на саму идею реформирования системы, модернизации государства и общества.

Здесь возникает одно очень важное обстоятельство: сочетание легальных и нелегальных (тайных, секретных) методов оказывается одним из основных ресурсов нынешней власти, указывающих на ее происхождение. Практика работы тайной политической полиции, специфика ее методов — осуществление нелегальных действий (провокации, возбуждение ложных процессов, использование закрытых и нелегальных источников информации, внедрение агентов и т. п.) в условиях, когда спецслужбы

становятся властью, получают дополнительное постоянное легальное прикрытие. Видимая *целесообразность* отдельных действий, характерная для работы политической полиции в целом, — например, рейдерский захват объектов чужой собственности, коррупция в особых масштабах, присвоение государственной собственности, убийство противников, бомбардировки гражданского населения своей же страны (как это было осенью 1999 г. в Грозном) без объявления военного или чрезвычайного положения, — безусловно, вступает в противоречие с законом, однако, монополия на правоприменение и толкование закона, ведение следствия и т. п. «снимают» проблему, поскольку любое противодействие представителям легальной власти оказывается противозаконным. Буква закона превращается в высшее беззаконие, по отношению к которому население абсолютно беспомощно, так как в стране нет инстанций, могущих квалифицировать это как преступление.

Дело не в самих кагэбэшниках, чекистах и тому подобных, и даже не в собственно политической полиции, а в том, что присущая им *практика исключения из общих правил* (на то она и «тайная полиция», особый отдел, «специальная служба») была распространена на всю область публичной (и в частности, политической) жизни. Политика «двусмысленности» стала если не общепринятой, то приемлемой, допустимой, распространенной, поскольку сопровождалось легальным принуждением в виде решений суда и других законных органов власти¹. Понятия «закрытого», «особого», «чрезвычайного» и «незаконного» уравниваются по своим правовым следствиям. Таким образом, речь идет о принуждении людей к тому, чтобы признать тождество узкогрупповых или отдельных институциональных, ведомственных, даже корпоративных интересов в качестве национальных, государственных вопросов, т. е. интересов «всего целого».

¹ Именно поэтому любые предложения С. Ковалева о введении чрезвычайного (или военного) положения в зоне боевых действий в Чечне в 1999 г., т. е. попытки ввести экстраординарную ситуацию в рамки хоть какого-то, пусть и не оптимального, но правового регулирования, решительно отклонялись, несмотря на все его усилия.

Можно позиционировать Сталина как эффективного менеджера (не потому, что идет оправдание его преступлений, террора и т. п.), а потому, что тем самым утверждается, сохраняется или воспроизводится целесообразность как принцип господства и устройства государственной власти, как способ мышления — исключения нормы общезначимости закона, равенства всех перед законом, сам принцип достоинства отдельного человека, его собственности, его прав, равенства всех, включая и власть, без чего не может работать демократия. Именно поэтому аморализм и «чекизм» — родственные понятия, хотя и не могут подменять друг друга.

По существу это означает исключение «общества» не просто из политики, а из числа факторов, подлежащих учету, принятию во внимание теми, кто обладает властью. Для чекистов категория «общество» лишена смысла. Действующий суд в этом плане включается в процесс вытеснения (или подавления) общества и разрушает саму идею права или правосудия, справедливости, что и создает нынешнюю специфическую атмосферу в стране. Законы принимаются такие, которые отстраняют участие общества в делах, имеющих публичный интерес, общее значение, делается все, чтобы не допустить «чужих» и посторонних к участию, контролю и выработке политически значимых решений. Отсюда и появляется то отчуждение от политики, массовая апатия, которая является реакцией на осознание самого факта, «что сделать ничего нельзя». Это не какой-то архетипический монархизм или любовь к крепостному состоянию, это понимание людьми реальности и собственной беспомощности перед организованной властью.

В этом плане реплика Путина в ответ на информацию о демарше в Госдуме партий, не прошедших на последних выборах: «Хватит истерики, пусть обращаются в суд», — не просто проявление лицемерия или демонстративного глумления над самим смыслом правосудия, а своего рода формула «путинизма». Зависимый суд и принимаемые законы, которые не просто не учитывают интересы населения, а напрямую защищают власть от него, делают отдельного человека беспомощным и беззащитным перед этим декорированным произволом. Сам закон в этих случаях теряет статус и силу легальности. То же самое можно сказать и о политических процедурах: принятие важнейших политических и государственных решений носит абсолютно закрытый и непубличный, тайный характер и лишь затем оформляется, декорируется, штампуются Госдумой, тиражируются СМИ, политиками и правоохранительными организациями. То государственное насилие, которое пронизывало всю капиллярную структуру советского общества, сегодня свернуто до зоны интересов самосохранения власти, а она уже не всеобща.

Закрытость власти соотносится с отсутствием механизмов публичного обсуждения последовательных и *признаваемых обществом* в лице парламентариев политических целей. При таких условиях открытые и согласованные механизмы политического целеполагания, которые требуют репрезентации общественных мнений,

взглядов и интересов (свободных СМИ, независимого парламента, многопартийности) и ответственности за правомерность используемых политических средств, становятся невозможными. Еще раз подчеркну, это другая технология власти, нежели в советское время. Персонализм — это иное выражение нелегальности политики в современной России, дегенеративности всей политической системы. Наличие неназываемых мотивов и интересов держателей власти отражает неинституционализируемость политики, права. Это обстоятельство, а не «неотрадиционализм», мифическая любовь русских к «сильной руке» или их «исконный монархизм» и т. п. оказывается препятствием для модернизации. Его нельзя уподоблять вождизму времен культа личности.

Слабость легальных институтов принципиально отличает нынешний режим как от авторитаризма, так и от тоталитарных форм господства, не нуждавшихся во внешнем декоративном оформлении. Недифференцированности и нелегальности устройства высшей власти (обязательному использованию административного ресурса, фальсификации выборов, рейдерству в сфере экономики, цензуре в СМИ, противоречащей Конституции) соответствует дефицит легальности, ставший хроническим, поскольку он структурно обусловлен. На компенсацию его и направлены все усилия по установлению контроля над парламентом, судебной системой и другими силовыми структурами, этому подчинены любые структуры управления. Нынешняя ситуация непрозрачности сферы высокой политики (сферы принятия решений) является следствием недифференцированности институтов власти, что, в свою очередь, порождает обостряющиеся внутренние противоречия внутри ее узкого состава (появления у политической полиции собственных экономических интересов ведет к внутривидовым конфликтам, о чем свидетельствует целый ряд симптомов, вроде статьи В. Черкесова в «Коммерсанте» прошлым летом), а эта фрагментация власти толкает к усилению полицейского режима, к использованию силы в качестве средства регуляции напряжений и конфликтов.

Таким образом, способы работы спецслужб становятся одной из важнейших форм технологии массового государственного управления: инициирование разного рода провокаций, судебных процессов, войны на Кавказе, конфронтации с ближайшими соседями получают обязательное законодательное, юридическое оправдание и оформление.

Политическая полиция, став во главе государства, накладывает свой отпечаток на функционирование всей политической системы: прежние публичные или полуоткрытые механизмы конкуренции и репрезентации групповых и институциональных интересов подавляются и заменяются нормами лояльности, общностью корпоративных интересов, задачами централизации и унификации управления. Вместо устойчивых и эффективных институтов управления, упорядоченных каналов карьерной мобильности (а соответственно, критериев квалификации чиновников и претендентов на госслужбу, дифференциации зон и сфер компетенции, правил признания достижения) приходят чисто командные или коррупционные нормы отношений. Чекисты перекрывают возможности и каналы мобильности другим группам в обществе¹.

Однако, заняв все важнейшие стратегические позиции во власти и ключевые позиции в экономике и управлении, выходцы из спецслужб неизбежно оказываются в конфликте с собственными корпоративными нормами. С определенного момента уже нельзя говорить о единстве их интересов. Функции тайной политической полиции (спецслужб), равно как и других видов полиции (МВД, ФС по контролю за наркотиками, таможни и т. п., а также, но в меньшей степени — армии), радикально меняются — они работают не на «систему» в целом, а на интересы определенных кланов. Как только появляется право распоряжения собственностью и экономическими ресурсами, возникает столкновение материальных и властных интересов, стремление обеспечить частные и групповые позиции, перевести ресурсы власти в частные капиталы, что, естественно, вызывает конфликт интересов и противоречия между различными кланами и корпорациями. Процессы латентной децентрализации власти и появления конкурирующих между собой скрытых групп интересов (корпоративных, региональных, финансово-административных) определяют *содержание* нынешней внутренней и внешней политики в стране — «распил бюджетов», рейдерство, обеспечение монополизации или льготных условий для ведения бизнеса, в том числе и за границей. Жесткая борьба за

власть разных групп интересов чиновничества и аффилированного с ним бизнеса выступает (пока) функциональным аналогом и заместителем террора.

Численный рост и монополизация политического пространства «Единой Россией», подбирающей все новые и новые группы чиновничества, не прекращают борьбу различных групп за власть и ресурсы. Откровенное использование административного ресурса в пользу ЕР на последних региональных выборах означало вытеснение уже не демократической и прозападной оппозиции, а кремлевских политических новообразований — партий, служащих для абсорбции социального недовольства и управления протестными настроениями (СР, ЛДПР), оказавшихся ненужными на этой фазе конкуренции за доступ к рычагам управления и распределения власти. Сомнительность результатов выборов, обусловленных фальсификацией голосов, вбросами бюллетеней или переписыванием протоколов избирательных комиссий, не влияет на формальную легальность самой процедуры и не меняет легитимности полученной власти. Цель всех этих манипуляций — обеспечение монопольного контроля нынешней администрации на выборах 2011 и 2012 гг., а значит, возможность сохранения нынешней системы до 2025 г.

Функции партийного аппарата сводятся лишь к обеспечению демонстрации и инсценировок массовой поддержки. Но из этого же вытекает и отсутствие представлений о будущем как у массы, так и у самой власти: поэтому нет и «воодушевляющих идеалов и целей» решительной государственной политики. Модернизационная риторика Путина или Медведева — это не стратегия политического движения, а компенсация дефицита легитимности, чисто демагогическое прикрытие временщиков². Реальной же оказывается антимодернизационная направленность государственного функционирования, систематическое упрощение структуры управления, что соответствует реальным, а не декларативным задачам сохранения власти.

Подытоживая все сказанное, я определяю «путинизм» как систему децентрализованного использования институциональных ресурсов насилия, сохранившихся у силовых структур, оставшихся неизменными от тоталитарного режима, но апроприированных держателями власти для обеспечения своих частных,

¹ Поэтому не партии (партии власти и примыкающие к ним) задают направление и определенность политического курса, а теневой кабинет и неформальные группировки. «Единая Россия» является не кадровым ресурсом, а лишь средством привязки части среднего бюрократического аппарата к режиму, административным ресурсом. Последний может использоваться и без партийного давления.

² Декларируется необходимость прежде всего технологической и — в меньшей степени — экономической и образовательной модернизации, но реально ни того, ни другого не будет.

кланово-групповых интересов. Легитимность власти в любом случае остается достаточно проблематичной, инерционной, легальной лишь в узких формальных рамках и при условии отсутствия широкого массового протеста, что делает сам режим достаточно неустойчивым, по меньшей мере — с сомнительными шансами в пер-

спективе на воспроизводство или мирный порядок передачи власти. По своим последствиям «путинизм» — это последовательная политика противодействия процессам модернизации, использования новых технологий господства для консервации структуры власти.

Приложение

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Лидер	Харизматический или псевдохаризматический вождь, бюрократически организованный культ вождя как отца или спасителя нации	«Сильная личность», национальный лидер, мачо, «отец нации», носитель консервативных и традиционалистских идеалов и мифов	Выбранный и ограниченный по срокам правления (= реализации предвыборной программы) президент или премьер-министр	«Медийный президент» — аппаратный выдвиженец с последующим «наведением» «харизмы национального лидера»; зависим от ближайшего окружения — влиятельных теневых группировок
Выборы	Необязательны, нерегулярны; принудительные, инсценированные ритуалы одобрения действующей системы власти	Могут не проводиться, если проводятся, то имеют характер аккламации, церемонии одобрения тех, кто уже обладает всей полнотой власти	Регулярны, свободные, конкурентные, многопартийные	Необходимы; регулярные, управляемые, фальсифицируемые, подконтрольные властной элите; Функция — аккламация лидеров и «партии власти»
Правительство	Номенклатура	Назначаемое авторитарным правителем	Партийный или коалиционный кабинет министров	Технические министры под контролем силовых держателей власти
Идеология	Миссионерская или экспансионистская тотальная идеология «нового мира», «нового человека», строительства великой нации, милитаризм	Традиционализм, изоляционизм, риторика «социального согласия и национального единства»	Плюрализм, множественность идеологий	Эклектический популизм, сочетание компенсаторного национализма («возрождающейся великой державы»), имитационного традиционализма и риторики модернизации
Разделение властей	Принципиальная недифференцированность власти, партийно-государственное дублирование контуров управления; подчинение вождю или верхушке политического руководства	Отсутствует или носит декларативный характер	Четкое институциональное разделение ветвей власти, определение компетенций, функций, сфер ответственности, взаимный контроль, система «сдержек и противовесов»	Номинально провозглашено, но реальная власть принадлежит теневым кланам и силовым группировкам, подчиняющим себе все прочие структуры управления

¹ Сводная таблица характеристик различных режимов составлена мной под влиянием схемы А. Мотыля (См.: *Motył A. Op. cit. S. 113*).

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Парламент	Фасад «народной демократии» для репрессивного режима	Представительство влиятельных кланов и группировок, зависим от исполнительной власти, политически несамостоятелен	Независимый. Функции – установление общих правил (принятие законов), выработка политических целей (определение приоритетов) и контроль за их реализацией	Полностью зависим от администрации. Функция – средство формальной легитимации политики кремлевской администрации и лоббирование неформальных властных или экономических структур
Суд	Орган защиты интересов тоталитарного режима, репрессивный институт	Зависим от властей любого рода	Независим от исполнительной или законодательной власти, открыт для публичного контроля. Обладает авторитетом и влиянием	Зависим от высшей или региональной администрации или от влиятельных группировок на любом уровне; не авторитетен
Исполнительная власть, бюрократия	Слитность партийных, управленческих, хозяйственных и карательных органов	Слабо дифференцирована от других ветвей власти, подчинена администрации лидера	Подчинена парламентскому и судебному контролю, самостоятельна и независима в сфере своей компетенции (реализации политических программ и поставленных или одобренных парламентом целей)	Доминирует над другими ветвями власти; бесконтрольна в своих действиях
Характер и масштабы государственного насилия	Сочетание капиллярного тотального принуждения с массовыми репрессиями и террором	Ограничено и носит профилактический характер	Минимально, контролируется рамками суда и закона	Диффузно, административный произвол. Профилактические репрессии против отдельных лиц и групп населения
Партийная система	Однопартийность, партийный и государственный аппарат соединены в единое целое (партия = государство), монополия на кадровые назначения и, тем самым, контроль над социальной структурой и мобильностью в обществе	(Если есть.) Элемент правящей элиты, часть аппарата исполнительной власти	Многопартийность, конкуренция политических программ	Доминирующая партия в качестве аппарата административного ресурса; прочие партии играют декоративную или вспомогательную роль, связывая протестные настроения населения и делая их подконтрольными Кремлю, оппозиция дискредитирована и вытеснена из публичного поля
Типы элит	Партийно-хозяйственная номенклатура	Традиционалистские или консервативные группы, военная, религиозная, аристократическая верхушка; этнические кланы, клиентелизм	Многообразие автономных дифференцированных и институционализированных групп, представляющих общество в его наивысших признанных достижениях и ценностях	Альянсы интересов финансовых и силовых структур, теневые, непубличные бюрократические кланы и группы; клиентелизм, защита ведомственных и корпоративных интересов

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Принципы подбора кадров во власть	Кооптация во власть по принципам идеологической и персональной лояльности	Традиционная лояльность власти, консерватизм	Бюрократическая и профессиональная компетентность, партийно-политическая карьера публичного политика	Назначение в соответствии с персональной лояльностью начальству и технической компетентностью, отсутствие публичного контроля
Состояние общества	Видимый монолит морально-политического единства «партии и народа», принудительная или механическая солидарность мобилизационного общества	Общественная апатия, пассивность, отчуждение от власти	Условная поддержка власти	Апатия, отчуждение от власти, в случаях принуждения – демонстрация условной лояльности власти
СМИ	Превращены в органы тоталитарной пропаганды и агитации	Несвободны	Свободны, конкурентны, ориентированы на интересы публики; обеспечивают информирование и публичную рефлексию над происходящим в обществе, экономике и политической сфере	Зависимы от власти, составной механизм политических манипуляций над общественным мнением; относительно свободны печатные издания с небольшими тиражами и радиоканалы с ограниченной аудиторией
Гражданские институты, профсоюзы, НКО	Проводники политики и влияния правящего режима; средства идеологического и социального контроля над обществом	Подавлены или находятся в зависимости от государственного аппарата	Независимы; играют важную роль в артикуляции групповых интересов и представлений, каналы общественного влияния на партии или правительство	Подавлены или поставлены в полузависимое положение от власти и государственного аппарата; созданы симулятивные формы публичности – потемкинские «общественные палаты»
Репродуктивные институты (система образования)	Унифицированы и полностью подчинены идеологическим и политическим интересам властей	Консервативны и зависимы от государственной власти	Многообразны, плюралистичны, дифференцированы и обусловлены интересами общества и экономики	Консервативны, зависимы от государственной власти; небольшое число привилегированных учреждений более свободно в практике обучения
Общественное отношение к власти	Мобилизация, поддержка, демонстрация массового энтузиазма, тотальный страх	Пассивная поддержка	Ответственное участие в политических процессах	Терпение и патернализм, показное одобрение при скрытом неуважении и зависти
Экономическая система	Централизованное плановое хозяйство, подчиненное политическим целям руководства страны	Частично свободная рыночная экономика, ключевые отрасли экономики принадлежат правящей элите	Рыночная экономика с ограниченными возможностями государственного регулирования, преобладание среднего и мелкого частного бизнеса	Частично свободная рыночная экономика, зависимая от частных интересов администрации (собственность в обмен на лояльность); доминирование крупных финансово-промышленных корпораций и группировок, аффилированных с государственной бюрократией

Тип системы	Тоталитаризм	Авторитаризм	Демократия	«Путинизм»
Полиция / армия, спецслужбы	Институты массовых репрессий, террора и принуждения	Составная часть правящей элиты	Институты поддержания общественного порядка и национальной безопасности, не играющие самостоятельной роли в политике	Составная часть высшего руководства и правящей элиты
Внешняя политика	Экспансия тоталитарного режима на соседние страны, изоляционизм, противостояние Западу	Изоляционизм	Подчинена политическим приоритетам правительства или партии, победившей на выборах	Консерватизм, стремление к сохранению влияния в зонах прежнего колониального или имперского господства; прагматизм (обусловленный частными интересами элиты) и умеренное противостояние Западу
Тип государственного устройства	Централизованная система управления, иерархия административных или этнонациональных территорий	Умеренный централизм	Федерализм; разделение компетенций между руководством Центра и местным самоуправлением	Централизованная система подчинения регионов; подавление местного и регионального самоуправления; власть в обмен на лояльность
Тип регуляции, масштабы неформальных связей и коррупции	Партикуляризм, директивное управление, коррупция сдерживается только страхом репрессий	Партикуляризм	Формально-правовой универсализм, коррупция ограничена общественным контролем	Партикуляризм, коррупция пронизывает все институты, без нее государственное управление невозможно
Общественное мнение	Отсутствует, заменено системой тотальной пропаганды	Ограничено	Является действенным институтом, опирающимся на свободу и многообразие информационных источников, суд и партийную систему	Манипулятивно, зависимо от системы политтехнологической работы и пропаганды
Государственный стиль	Миссионерство, державный ампиризм	Традиционализм, демонстрация власти	Национализм, сила законности, благоденствия и прогресса	Имитация «большого стиля» предшествующих эпох

Коррупция, ее оценка и участие в ней: пример России

Политическая коррупция, злоупотребление государственной властью в целях приобретения личной материальной выгоды — важный показатель того, что институты управления не соответствуют веберовской парадигме политической системы, которая слаженно управляется чиновниками, беспристрастно действующими в соответствии с нормами и законами, а также политиками, принимающими решения в рамках этих законов и норм. Наибольшие потери наносит коррупция, возникающая при масштабных государственных закупках. Однако во взяточничество вовлекается гораздо больше людей, когда дело касается здравоохранения и образования — сфер, услугами которых пользуются миллионы граждан. В первом случае расходы на «оптовую» коррупцию не напрямую и малыми суммами распределяются между отдельными людьми, тогда как в случае «розничной» коррупции взяткодатель берет все бремя на себя. Поскольку решения, принятые из коррупционных соображений, приводят к нерациональному использованию или расточительству государственных средств либо к незаконной и криминальной деятельности, коррупция снижает прибыль от экономического роста страны для всего населения. Особенно важна эта проблема для развивающихся стран¹.

В демократических политических системах принятие решений на основе взятки представляет собой уход от ответственности перед электоратом. Коррупционные действия могут вызвать массовое недоверие к системе управления и как следствие снижение участия населения в политическом процессе, поддержку партий протеста или (в случае авторитарных режимов) привести к демонстрациям, которые

в состоянии даже повлечь за собой смену режима². В обществах, где большинство осведомлено о коррупции и убеждено, что в ней участвует почти каждый, может сложиться некое равновесие, когда чиновники и граждане вовлечены в сделку, согласно которой люди готовы подкупать друг друга³. Тем самым может быть достигнут некий «оптимальный» уровень коррупции⁴. Таким образом, коррупция в состоянии поддерживать «ловушку равновесия низкого уровня», которая возникает в результате «эффективного хищнического поведения в мире беззакония»⁵.

В принципе, сущность коррупции — обмен денег или ощутимой выгоды на предоставление определенных государственных услуг — очевидна. Поэтому собрать эмпирические данные о явлениях коррупции, кажется, гораздо проще, чем оценить такое абстрактное понятие, как демократия. Однако в связи с противозаконностью коррупции коррупционные политические сделки, как правило, остаются в тени.

Чаще всего изучается общая оценка уровня коррупции. Опросы общественного мнения предоставляют данные о массовой оценке коррумпированности системы управления в стране. В анкету может быть включен дополнительный вопрос о личном опыте столкновений с коррупцией. Например, Transparency International

¹ См., например: *Johnston M. Syndromes of Corruption: Wealth, Power and Democracy*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005; *Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes Consequences and Reform*. N.Y.: Cambridge University Press, 1999; *Tanzi V. Corruption around the World // Governance, Corruption, and Economic Performance* / G. Abed, S. Gupta, eds. Washington: IMF, 2002. P. 19–58.

² См., например: *Anderson C.J., Tverdova Y.V. Corruption, Political Allegiances and Attitudes Toward Government in Contemporary Democracies // American Journal of Political Science*, 2003. Vol. 47, № 1. P. 91–109; *Seligson M.A. The Impact of Corruption on Regime Legitimacy // Journal of Politics*, 2002. Vol. 64. № 2. P. 408–433.

³ См.: *Hankiss E. Games of Corruption: East Central Europe, 1945–1999 // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook* / S. Kotkin, A. Sajo, eds. Budapest: Central European UP, 2002. P. 248.

⁴ См.: *Dabla-Norris E.A. Game Theoretic Analysis of Corruption in Bureaucracies / Governance, Corruption, and Economic Performance*, P. 111–134.

⁵ См.: *Hellman J.S. Winners Take All // World Politics*, 1998. № 50. P. 203–234; *Charap J., Harm C. Institutionalized Corruption and the Kleptocratic State // Governance, Corruption, and Economic Performance*. P. 135–158.

при проведении глобального опроса в 60 странах, организованного Gallup International (www.transparency.org), включает в анкеты короткий блок вопросов о личном коррупционном опыте. Однако в таких опросах редко получают интересующие социологов данные о последствиях, к которым ведут та или иная оценка распространенности коррупции либо реальное участие в ней. И хотя на основании агрегированных индексов об отношении к коррупции складывается впечатление, будто коррупция — явление всеобщее, индивидуальные ответы показывают: лично сталкиваются со взяточничеством явное меньшинство.

Использование общих оценок распространенности коррупции для ее анализа оправдывается теоремой У. Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, они оказываются реальными в своих последствиях»¹. Показатели массовых оценок распространенности коррупции в стране могут быть связаны с другой глобальной характеристикой — такой, как уровень демократии в стране или рост валового внутреннего продукта (ВВП). При этом чаще всего обнаруживается, что коррупция снижает экономический рост и находится в обратной пропорции с уровнем демократии². Полученные из опросов мнения о распространенности коррупции могут быть связаны с личностной позицией индивида в отношении политической системы. Широко распространенное мнение о коррумпированности власти в состоянии существенно подорвать доверие к политическим институтам и поддержку существующего порядка³, способствовать укоренению «негражданской» и эксплуататорской культуры в людях⁴.

Цель данной статьи — эмпирически проверить, в какой мере массовая оценка уровня коррумпированности основывается на опыте собственного участия в коррупционных сделках, а также проследить, как эта оценка и этот опыт влияют на поддержку политической системы.

Теории коррупции. Почему люди дают взятки. Гипотеза 1. (Платежеспособность.) Будет ли

¹ См.: Thomas W.I. The Unadjusted Girl. Boston: Little, Brown, 1923.

² См.: Governance, Corruption, and Economic Performance; Lambsdorff J.G. The Institutional Economics of Corruption and Reform. Cambridge: Cambridge UP, 2007. Ch. 5.

³ Ср.: Democracy and Corruption in Europe/ D. Della Porta, Y. Meny, eds. L.: Pinter, 1996; Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? / S. Pharr, R. Putnam, eds. Princeton: Princeton UP, 2000; Seligson M. A. Op. cit.

⁴ Ср.: Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe: The Free Press, 1958.

человек давать взятку, зависит от его платежеспособности. Экономические теории преступности и коррупции исходят из объективного соотношения затрат и выгод⁵. Взятничество считается приемлемым, если человек получает то, за что платит. Общественные услуги, которые дорого оплачивать лично, например, устройство в хорошую школу или получение привилегированного медицинского обслуживания, обещают доход предоставляющим услуги и экономии тем, кто имеет возможность дать взятку. Данная гипотеза предполагает, что граждане с большим доходом с большей вероятностью будут вовлечены во взяточничество, поскольку они имеют такую возможность. С другой стороны, теории неравенства выдвигают гипотезу о виктимизации: бедные и необразованные люди гораздо больше подвержены вымогательству, поскольку не обладают достаточными нематериальными ресурсами, с помощью которых можно было бы избежать взятки для получения соответствующих услуг.

Гипотеза 2. (Частота обращения.) Взятки зависят от частоты обращения индивида в государственные органы и предприятия общественного пользования. Другая теория говорит о том, что вероятность вручения взятки зависит от необходимости прибегать к государственным службам. Чем чаще люди обращаются к таким службам, при прочих равных условиях, тем более высока вероятность того, что они будут давать взятки. Обращение к государственным службам варьируется на протяжении жизненного цикла. Пожилые люди не имеют детей школьного возраста и редко обращаются к образовательным учреждениям и к чиновникам, отвечающим за сферу образования, в то время как молодые люди не прибегают к услугам медицинских учреждений так часто, как пожилые. Поскольку на обращение влияет и социальный статус, люди с низким доходом могут быть меньше подвержены вымогательству, поскольку они не имеют свободного доступа к общественным услугам.

Гипотеза 3. (Информированность.) Чем более люди наслышаны о коррупции в государственных учреждениях, тем более высока вероятность того, что они будут давать взятку. Информированность о взяточничестве не обязательно связана с личным опытом. Она может складываться на основании разговоров и высказы-

⁵ См.: Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. № 76. P. 169–217.

ваний в рамках какого-то сообщества или под влиянием информации в СМИ о коррупции в масштабах всей страны. Кампании по борьбе с коррупцией повышают информированность людей о взяточничестве, являясь частью стратегии влиятельных групп по принуждению политических лидеров предпринимать шаги для снижения уровня коррупции. Однако такие кампании с гораздо большим успехом могут повышать информированность населения о коррупции, чем сдерживать ее.

Гипотеза 4. (Общепринятость.) Чем чаще люди воспринимают вручение взятки как нормальную и законную процедуру, тем выше вероятность того, что они сами будут давать взятки. Участники антикоррупционных кампаний осуждают взяточничество как явление, противоречащее нормам закона. Например, Гамбетта¹ описывает коррупцию как «деградацию этического чувства агентов, недостаток их моральных качеств и даже безнравственность». Тем не менее нормы могут также отсылать к принятым правилам поведения. Если коррупция воспринимается как норма (иначе говоря, как то, что «делают все»), значит, люди могут смириться с широко распространенной практикой и давать взятки².

Почему люди воспринимают власть как коррумпированную. Гипотеза 5. Степень того, насколько система управления воспринимается как коррумпированная, отражает опыт людей во взяточничестве. Эта гипотеза основывается на предшествующих пунктах: люди, которые чаще обращаются в государственные службы, часто дают взятки, и поэтому они более склонны считать власть коррумпированной. Поскольку опыт вручения взятки является необходимым и достаточным условием восприятия власти как коррумпированной, то распространенность оценок власти как коррумпированной может рассматриваться в качестве свидетельства о личном участии в передаче взятки.

Тем не менее опыт общения с чиновниками не обязателен для формирования суждений о политических институтах³. Изучение обще-

ственного мнения показывает, что многие люди готовы оценивать свое доверие ко многим национальным институтам и их бескорыстие, имея очень небольшой опыт реального обращения к ним или не имея его совсем. Их оценки вторичны, они основаны на увиденном по Центральному телевидению, на информации в прессе или на неформальных беседах с теми, чье мнение для них авторитетно, — лидерами мнений. В зависимости от того, насколько самостоятельны позиции, высказываемые масс-медиа и авторитетными знакомыми, убеждения людей могут формироваться с участием третьих и даже четвертых лиц. Это основа гипотезы 3, изложенной выше.

Последствия для поддержки власти. Коррупция важна не только сама по себе, но и по своим потенциальным политическим последствиям. Если гражданин вынужден платить взятку для получения услуги, чиновник получает от этого выгоду, в то время как гражданин не только теряет деньги, но и может почувствовать себя оскорбленным из-за того, что его использовали. Если взятка размером в один миллион долларов от частной компании государственному или партийному чиновнику спасает многомиллионный контракт от действий власти, это может рассматриваться участниками коррупционной сделки как обоюдный выигрыш: взяткодатель сохраняет контракт, а чиновник получает материальную выгоду. Но налогоплательщик от этого проигрывает. В связи с этим и в зависимости от частоты подобных случаев данное явление может негативно сказываться на общественном восприятии власти в целом.

Гипотеза 6. Чем больше люди воспринимают власть как коррумпированную или сами готовы платить взятки, тем меньше они готовы поддерживать существующий политический режим. Исполнение политиками своих ролей — фактор, определяющий массовую поддержку власти⁴. Степень бескорыстия или коррумпированности политических институтов при обслуживании населения является неотъемлемой характеристикой политической сферы. В модели политической системы Дэвида Истона⁵ политическая поддержка формируется посредством постоянного взаимодействия между требованиями

¹ См.: *Gambetta D.* Corruption: an Analytical Map // *Political Corruption in Transition*. P. 33–56.

² См.: *Rothstein B.* Social Trust and Honesty in Government // *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*. Basingstoke: Macmillan, 2004. P. 20.

³ См.: *Mishler W., Rose R.* Seeing Is Not Believing: Measuring Corruption Perceptions and Experiences. Paper presented at Midwest Political Science Association, Annual Meeting. Chicago, 2009. April 2–5.

⁴ См.: *Dalton R.* Democratic Challenges, Democratic Choices: The Erosion of Political Support in Advanced Industrial Democracies. Oxford: Oxford UP, 2004.

⁵ См.: *Easton D.* A System Analysis of Political Life. N.Y.: John Wiley, 1965.

населения, ответными действиями власти и реакцией граждан на эти действия. Поскольку люди рассчитывают на честное обращение властей с каждым, высокий уровень коррупции, каким бы способом он ни был измерен, должен снижать уровень поддержки политической власти.

Гипотеза 7. Чем выше результат экономических и политических действий власти, тем меньшее влияние оказывает коррупция на уровень поддержки системы. Теории политической поддержки содержат много переменных: даже если коррупция признается фактором, влияющим на поддержку власти, она может быть лишь одним из них. Ряд теорий указывают на зависимость поддержки власти от экономических показателей работы системы в целом¹. На политические суждения граждан большее влияние может оказывать процветающая экономика, нежели побочные доходы, которые получают государственные чиновники и которые граждане вынуждены платить для получения услуг от государства. Такое положение вещей характерно, например, для Китайской Народной Республики, где высокий экономический рост обеспечивает массовую поддержку режима, несмотря на высокий уровень коррупции.

Среди теоретиков широко распространена убежденность в том, что коррупция связана с качеством демократии². Хотя статистические данные часто свидетельствуют о негативном влиянии коррупции на политическую поддержку, данный момент часто может компенсироваться другими факторами политической жизни, такими, как обеспечение конкурентных демократических выборов, личных свобод и (в некоторых случаях) привлекательность тех или иных политических фигур. Если режим воспринимается как коррумпированный, но в то же время как относительно свободный и честный, то его могут поддерживать как меньшее зло, по сравнению с альтернативными режимами — недемократичными и несвободными³.

Измерение коррупции. Коррупция подразумевает обмен между государственными чинов-

никами и гражданами или негосударственными организациями, поэтому люди могут узнавать о коррупции на основе собственного опыта и прямого наблюдения. Как опросы о жертвах преступников выявляют данные о случаях, не зарегистрированных милицией, так общенациональные опросы о коррупции обнаруживают (и даже с большей вероятностью) свидетельства, которые не отражены в официальных документах и судебных протоколах.

Опрос переводит внимание с коррупции в элитных кругах, втягивающей в коррупционные сделки крупные суммы денег в больших масштабах, на мелкомасштабную коррупцию, вовлекающую мелкие суммы за предоставление услуг большому числу граждан. Здесь же встает вопрос о значении понятий, употребляемых в разговорном языке. Академическая литература изобилует классификациями концепций, в соответствии с которыми правила можно «обойти» или «нарушить» для достижения своей цели. В русском языке понятие «блат» употребляется для описания полезных связей, с помощью которых можно добиться более скорых действий в ответ на законную просьбу или благоприятного решения вопроса в обход закона. Китайцы пользуются для подобных случаев понятием «гуанши»⁴. О фаворитизме допустимо говорить в случаях, когда государственные чиновники отдают предпочтение друзьям или друзьям друзей для быстрого решения вопроса без нарушения закона. Когда такое проявляется систематически, это можно назвать клиентелизмом. Дальше идет взяточничество; оно включает нарушение закона чиновниками в обмен на взятку — деньги или другую значительную материальную выгоду. Это отличается от подарков из «благодарности» в виде денег или различных мелочей, таких, как свежие яйца, цветы и другие дары, преподносимые *после* предоставления услуги.

В основу настоящей статьи положены данные 15-го опроса по программе «Новый Российский Барометр», который был проведен старейшим российским некоммерческим институтом, Левада-Центром по заказу Центра изучения публичной политики при Абердинском университете. С 12 по 23 апреля 2007 г. по общероссийской репрезентативной выборке были опрошены на дому 1 606 взрослых ре-

¹ См.: *Brug W. van der, Eljk C. van der, Franklin M.* The Economy and the Vote. N.Y.: Cambridge UP, 2007; *Duch R., Stevenson R.T.* The Economic Vote. N.Y.: Cambridge UP, 2008.

² См., например: *Morlino L.* «Good» and «Bad» Democracies: How to Conduct Research into the Quality of Democracy // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2004. Vol. 20. № 1. P. 5–27.

³ См.: *Rose R., Mischler W., Haerpfer C.* Democracy and Its Alternatives. Oxford; Baltimore: Polity Press; Johns Hopkins UP, 1998; *Rose R., Mischler W.* Political Support for Incomplete Democracies // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. № 4. P. 303–320.

⁴ См.: *Mei-hui Yang M.* Gifts, Favors and Banquets: The Art of Social Relationship in China. Ithaca: Cornell UP, 1994; *Ledeneva A.V.* Russia's Economy of Favours. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

спондентов¹. Хотя опрос в отдельной стране не может считаться репрезентативным в мировом масштабе, на протяжении четырех десятилетий Россия служила образцом того, как централизованная власть управляет сотнями миллионов людей². Более того, переход от коммунистических к посткоммунистическим режимам в 1990-х гг. создал множество возможностей для коррупционного поведения, в том числе в ходе приватизации государственного имущества³. Президенты Владимир Путин и Дмитрий Медведев часто говорили о необходимости «что-то делать» с коррупцией в системе российского управления. Поиск в сетевой программе Google по сочетанию слов «Путин» и «коррупция» выдает 2 480 000 ссылок, аналогичный поиск по Медведеву – 463 000 ссылок. Высокие оценки степени коррумпированности властей в России приближают ее к странам, находящимся в середине шкалы по индексу Transparency International. Однако неизвестно, в какой мере опыт рядовых россиян соотносится с агрегированными данными индекса Transparency International об оценках российским населением уровня коррумпированности власти.

Широко распространены оценки государственных чиновников как коррумпированных. На вопрос «Нового Российского Барометра» «Как Вы считаете, насколько распространены взяточничество и коррупция в нашей стране?» россияне дают недвусмысленные ответы: 5/6 от числа опрошенных ответили, что большинство чиновников в стране коррумпированы. При этом 35% респондентов полагают, что среди чиновников коррумпированы «практически все»; 51% респондентов говорят о том, что коррумпировано «большинство чиновников». Только 9% верят, что таких чиновников «меньше половины», и 5% допускают, что коррумпированы лишь немногие чиновники. Эти мнения согласуются с оценками конкретных государственных чиновников и институтов. Например, всего 20% респондентов БНР доверяют милиции. Менее 1/8 респондентов доверяют депутатам Государственной Думы и политическим партиям.

¹ Полный текст опросного листа и образец отчета см.: *Rose R.* The Climax of the Putin Years: New Russia Barometer XV. Aberdeen: CSPP, 2007 (Studies in Public Policy. № 426).

² См.: *Karklins R.* The System Made Me Do It. Armonk: M.E. Sharpe, 2005.

³ См.: *Freeland C.* Sale of the Century: The Inside Story of the Second Russian Revolution. L.: Little, Brown, 2000; *Klebnikov P.* Godfather of the Kremlin: Boris Berezovsky and the Looting of Russia. N.Y.: Harcourt; Brace, 2000. В ходе дальнейшего расследования коррупции в системе российской власти Пол Хлебников в 2004 г. был убит в Москве.

Обобщенная оценка уровня коррумпированности, которую отражает совокупный индекс Transparency International, согласуется с представлениями о бюрократической системе как идеально-типическом «торговом автомате»⁴, предоставляющем все виды общественных услуг в процедурном отношении одинаково. Однако такие концепции не принимают во внимание, что чиновники различных ведомств обладают различными возможностями вымогать взятку. Клитгаард⁵ утверждает, что появление коррупции наиболее вероятно при двух условиях: когда чиновники являются безответственными монополистами в предоставлении услуг и когда они обладают существенной свободой действий. Такая ситуация характерна для решений, принимающихся на высших уровнях власти при заключении контрактов на закупку военной техники с небольшим количеством потенциальных поставщиков, контрактов на большие суммы денег и тех, в которых запрещается разглашать содержащиеся в них сведения. Но и милиция на улице в состоянии принимать решения без надзора начальства, а преподаватель может поставить студенту хорошую оценку, не опасаясь сторонних проверок. Напротив, гораздо меньше свободы при компьютерном подсчете пенсионных выплат, основывающихся на данных компьютерной базы пенсионных платежей. Правомерно сделать важный вывод о том, что неверно характеризовать всю власть как коррумпированную, так как уровень коррупции в системе управления неодинаков.

Чтобы определить степень распространенности коррупции, россиян также опрашивали о том, в какой мере, по их мнению, коррумпированы различные институты. Вместо того чтобы фокусироваться на институтах федерального уровня, как, например, Дума, с которыми россияне не имеют дела каждый день или о работе которых они узнают только из средств массовой информации, в опросе НРБ спрашивалось о семи институтах, с которыми граждане сталкиваются в повседневной жизни и о работе которых они знают из собственного опыта, опыта других членов своей семьи или друзей. Большинство служащих этих институтов имеют определенную степень свободы, включая тех, чьи профессиональные навыки трудно поставить под сомнение, например, учителей и врачей.

⁴ См.: *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe: The Free Press, 1947.

⁵ См.: *Klitgaard R.E.* Controlling Corruption. Berkeley: University of California Press, 1988. P. 75.

Уровень восприятия россиянами коррумпированности различных институтов значительно колеблется. 89% опрошенных считают, что милиция поражена взяточничеством и коррупцией. Более 3/4 полагают, что работники больниц и врачи в поликлиниках берут взятки. 2/3 респондентов и более воспринимают как взяточников учителей, военных, чиновников регистрационных служб и налоговых инспекторов. Реже всего взяточничество и коррупцию респонденты видят в органах социального обеспечения — одной из наиболее бюрократизированных государственных структур.

Опыт прямого столкновения со взяточничеством невелик. Затем респондентам были заданы вопросы о том, приходилось ли им или членам их семей платить взятки чиновникам какого-либо из указанных семи институтов¹. С экономической точки зрения, речь идет о товаре, предназначенном для личного потребления, поскольку доступ к той или иной услуге, которую оказывают эти институты, ограничивается кругом лиц, заплативших за нее. Тем, кто не заплатил, может быть отказано в доступе, несмотря на то, что они имеют на это законное право². Исследование было ограничено последними двумя годами с тем, чтобы избежать путаницы в воспоминаниях или воздействия памяти о коммунистическом прошлом. В то же время это позволило охватить нерегулярные отношения, например, контакты с милицией или налоговой инспекцией.

Несмотря на то, что большинство населения считают государственные институты коррумпированными, количество респондентов, чьи родственники за последние два года платили взятки за услуги различных государственных учреждений, колеблется от 2 до 16 процентов (табл. 1). Реже всего люди сталкивались с необходимостью дать взятку налоговым инспекторам и работникам военкоматов. Почти так же редко — служащим органов социального обеспечения и регистрационных служб. Чаще всего приходилось давать взятки сотрудникам двух важнейших институтов государства всеобщего благосостояния — органов образования и здравоохранения. Хотя официально эти услуги являются бесплатными, тем не менее врачи могут получать взятки за лечение лучшего качества,

а учителя — за высокие оценки учеников.

В абсолютном выражении процент россиян, сообщивших о том, что они давали взятки, очень низок. Но, в сравнении с другими странами, он не так уж мал. Скажем, в странах, которые являются наиболее старыми членами ЕС, доля граждан, дающих взятки, ниже. В большинстве постсоветских государств Восточной Европы она примерно на том же уровне, а во многих развивающихся странах на других континентах даже выше³.

Таблица 1
РАЗРЫВ МЕЖДУ ОЦЕНКОЙ УРОВНЯ КОРРУМПировАННОСТИ И ЛИЧНЫМ ОПЫТОМ УЧАСТИЯ В КОРРУПТИВНОМ АКТЕ (в % от числа опрошенных)

Государственная служба	1	2
Медицинские учреждения	16	78
Органы образования	7	71
Милиция	5	89
Органы регистрации	4	68
Органы социального обеспечения	3	48
Военкоматы	2	71
Налоговые органы	2	66

Источник: Центр изучения публичной политики. Барометр Новой России XV. 13–24 апреля 2007 г. N=1606.

1 — Респонденты или члены их семьи за последние два года были вынуждены давать взятку работникам данного учреждения.

2 — По мнению респондентов, работники данного учреждения в значительной и какой-то мере коррумпированы.

Наибольший разрыв между общей оценкой коррумпированности и опытом личного участия во вручении взяток наблюдается в отношении милиции: 89% респондентов считают большинство сотрудников милиции взяточниками, но только 5% ответили, что кто-то из их семей платил взятки милиции за последние два года. Разрыв между общей оценкой и опытом личного участия в коррупции гораздо меньше в отношении институтов образования и здравоохранения, что связано с большей частотой вручения взяток сотрудникам данных учреждений.

Общая оценка степени коррумпированности не заменяет конкретного опыта. Большинство тех, кто считают коррупцию чрезвычайно распространенной, вовсе не основываются в оценках на собственном опыте. Соотношение

¹ Русское слово *взятка* соответствует английскому *bribe*.

² Налогообложение, деятельность милиции и армии могут быть иначе названы «антиуслугами», поскольку люди предпочитают заплатить взятку, чтобы не становиться объектом принуждения со стороны этих институтов.

³ См.: The Attitudes of Europeans towards Corruption. Brussels: European Commission, 2008 (Special Eurobarometer. № 291); Report on the Transparency International Global Corruption Barometer 2006. В.: Transparency International, 2006.

между общей оценкой коррумпированности и собственным опытом вручения взятки удивительно низкое ($r=.09$). 75% россиян, убежденных в коррумпированности чиновников, и члены их семей за последние два года не давали взятку работникам вышеназванных учреждений и организаций.

Обозначенный разрыв не позволяет считать суждения людей о коррумпированности власти основанными на их повседневном опыте. Более того, эти результаты согласуются с исследованиями на других континентах, которые также обнаруживают, что опыт коррупции значительно ниже показателей обобщенной оценки ее распространенности¹. Априори можно утверждать, что российские респонденты опасаются признаваться незнакомому интервьюеру во взяточничестве. Однако результаты опросов говорят о том, что дело обстоит не так². Люди, у которых вымогали взятки, склонны жаловаться на это. Тогда допустимо другое объяснение: на основании собственного опыта вручения взятки у человека на долгие годы складывается впечатление об общей коррумпированности государственных служащих. Если это подтвердится, то будет подорвана валидность общей оценки уровня коррумпированности как показателя действительной распространенности коррупции.

Проверка отношения между общей оценкой и собственным опытом. Сформулированные выше гипотезы могут быть в определенной степени применимы как к личному опыту, так и к общей оценке коррупции. Тем не менее значительная разница между соответствующими показателями по результатам опроса говорит о необходимости проверки гипотез по отдельности, а также о том, что два измерителя соотносятся с разными теоретическими контекстами. Гипотезы можно проверить на основе данных Нового Российского Барометра. Статистический анализ показывает, что распределение соответствующих характеристик для двух зависимых переменных различно.

Вручение взятки. Поскольку большинство семей пользуются услугами различных госу-

¹ См.: Seligson M. A. Op. cit. P. 418; Razafindrakoto M., Roubaud F. How Far Can We Trust Expert Opinions on Corruption? // Global Corruption Report 2005. L.: Pluto Press, 2005. P. 292–295; Miller W.L., Grodeland A.B., Koshechikina T.Y. A Culture of Corruption? Budapest: Central European UP, 2001, tables 4.5, 4.6; The Attitudes of Europeans towards Corruption; Report on the Transparency International Global Corruption Barometer 2006.

² См.: Rose R. Going Public with Private Opinions: Are Post-Communist Citizens Afraid to Say What They Think? // Journal of Elections and Public Opinion. 2007. Vol. 17. № 2. P. 123–142.

дарственных служб, стоит обратить внимание на совокупный размер коррупции. В целом 23% респондентов сообщили, что кто-то из членов их семьи за последние два года давал взятки, включая 10% тех, кто давал взятки более чем за одну общественную услугу. Таким образом, зависимой переменной является количество взяток, которые платили респонденты и члены их семей. Изначально мы определили более двух дюжин факторов, которые потенциально влияют на вручение взятки. Факторы, которые не добавляют существенную информацию, были далее исключены. Опубликованные ниже результаты основываются на тех показателях, которые существенно влияют на вероятность вручения взятки, или на таких важных показателях, которые свидетельствуют не в пользу перечисленных гипотез. При анализе использовалась обычная регрессия по методу наименьших квадратов, в которые были последовательно добавлены показатели, соответствующие разным гипотезам.

Вопреки гипотезе 1, вручение взятки не зависит от материального положения респондента или его уязвимости к вымогательству. Доход не влияет на то, будет ли человек платить взятку. Люди с низким уровнем образования или социальным статусом не являются априори более склонными к тому, чтобы стать жертвой вымогательства при получении формально бесплатных услуг. Может показаться, что единственным фактором, влияющим на склонность давать взятки, является возраст. Однако это не подтверждается при проверке дополнительных гипотез. Только пять социально-экономических факторов, влияющих на вручение взяток, дают 1,6% вариации.

Для проверки гипотезы 2 (о том, что вручение взятки зависит от частоты пользования общественными услугами) были заданы вопросы о том, обращался ли кто-либо из членов семьи респондента в одну из указанных семи государственных служб в течение последних двух лет. Несмотря на территориальную доступность этих служб, от 2/3 до 7/8 российских семей не обращались в шесть из них (табл. 2). Система здравоохранения – единственный государственный институт, в услугах которого регулярно нуждаются большинство россиян. В целом 84% российских семей в течение последних двух лет обращались как минимум в одну государственную службу. Более того, среднестатистическая семья прибегала к услугам двух

государственных служб, 10% семей обращались не менее чем в пять служб. Если учесть все обращения за услугами государственных служб, россиян можно поделить на три группы: 23% при обращении платили взятки; 61% не платили; остальные 16% не стали жертвой вымогательства, поскольку не обращались за общественными услугами.

Таблица 2
КОНТАКТЫ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЗЯТОК (в % от числа опрошенных)

Государственная служба	Не обращались	Обращались (1)	
		Не давали взятку	Давали взятки (2)
Поликлиника, больница	24	60	16
Милиция	75	20	5
Школа, вуз	74	19	7
Регистрационная служба	78	19	4
Собес	67	30	3
Военкомат	84	14	2
Налоговая служба	87	11	2

Источник: Центр изучения публичной политики. Барометр Новой России XV. 13–24 апреля 2007 г. N=1606.

1 – В течение двух последних лет респонденты или члены их семей обращались в следующие государственные учреждения.

2 – Респонденты или члены их семей, из числа тех, кто обращались, были вынуждены давать взятки.

Частота обращения в государственные организации – фактор, влияющий на активность использования взяток. Чем чаще семья обращается к услугам государственных служб, тем чаще ей приходится платить взятки. Эффект здесь серьезный и значительный: значение дисперсии увеличивается с нуля до 14,3%. *Гипотезы 2 и 3* подчеркивают значение информированности о коррупции как важном факторе, влияющем на вручение взятки, поскольку он способствует восприятию людьми взяточничества как нормального и нормативно приемлемого поведения. Для того чтобы определить, как люди узнают о возможности дать взятку, не имея собственного опыта в этой сфере, в НРБ был предусмотрен следующий вопрос: «Люди узнают о взяточничестве и коррупции различными путями. В какой мере Ваши представления о коррупции в России связаны с информацией, полученной из телевизора и газет?» Федеральные

телевизионные каналы и центральные газеты выступают в данном плане наиболее важным источником информации для 86% респондентов. Общение с друзьями и соседями воспринимают как важный источник 73% опрошенных. На третьем месте по важности – «информация, полученная из того, что люди видят на улице, вокруг себя», – 59%. При этом 49% респондентов узнают о коррупции на работе. Более 2/3 россиян считают, что коррупция недопустима, даже если не существует иных способов получить желаемое от государственных чиновников. Одновременно 29% занимают прагматичную позицию, считая коррупцию приемлемой. Респонденты, считающие взяточничество приемлемым, больше склонны к тому, чтобы давать взятки. Восприятие государственных служб как коррумпированных также оказывает определенное влияние, но его эффект слабее.

Уверенность в том, взятка является допустимым средством, также серьезно воздействует на вероятность того, что человек будет давать взятку. На это также влияет уверенность в общей распространенности взяточничества. Наибольшее влияние оказывают рассказы друзей о своем опыте вручения взятки и то, что респондент видел собственными глазами. Информация в СМИ оказывает наименьшее воздействие, поэтому можно предположить, что источником «нормализации оценок», т. е. осведомленности о широко распространенной коррупции, скорее всего, являются факты из собственной жизни. Мнения о степени коррумпированности не связаны с политическими предпочтениями респондентов. Политически ангажированные люди склонны считать государственных служащих коррумпированными в той же мере, что и не интересующиеся политикой. Оба фактора – информированность о фактах коррупции и восприятие коррупции как приемлемого средства для достижения цели – увеличивают вариацию до 21,3%.

Оценка коррупции. Как и собственный опыт участия во вручении взятки, общая оценка распространенности коррупции измеряется в данном случае как среднее значение индивидуальных оценок коррумпированности каждой из семи государственных служб. Как и ожидалось, среднее значение достаточно высоко – 3,2 балла по 4-балльной шкале. Тем не менее стандартное отклонение в 0,58 балла говорит о том, что россияне отличаются по уровню оценки коррумпированности государственных служб.

Обычная регрессия по методу наименьших квадратов показывает 16,4% дисперсии признаков в общей оценке распространенности коррупции. При этом гипотезы, описывающие оценку коррупции, отличаются от тех, что описывают собственный опыт вручения взяток.

Гипотеза 5 не находит подтверждения: собственный опыт взяткодательства не оказывает существенного влияния на оценку распространенности коррупции. Также на эту оценку не влияет частота контактов с чиновниками. Таким образом, эмпирически неверно рассматривать оценку коррумпированности чиновников в России как непосредственное отражение существующей здесь коррупции.

Гипотеза 2 также не подтверждается: частота контактов с государственными чиновниками не влияет на общую оценку коррупции. *Гипотезу 1* тоже приходится отвергнуть: на оценку степени коррумпированности государства не влияет ни один из пяти социально-экономических показателей респондентов. Люди, чей доход может побудить чиновников вымогать взятки, не более склонны считать систему коррумпированной. Хотя предполагается, что высокообразованные люди больше осведомлены о работе политической системы, они незначительно отличаются от малообразованных россиян в своих оценках бескорыстности государственных служащих.

На формирование общих оценок коррумпированности системы негативные отзывы в прессе, скептически настроенные друзья и соседи оказывают, как и предполагалось в *гипотезе 3*, большее влияние, чем собственный негативный опыт. Многие россияне восприимчивы к новостям о коррупции, которые они получают из телепередач, прессы и разговоров с друзьями, они оценивают демонстративное потребление недавно разбогатевших россиян как свидетельство высокого уровня коррупции в стране. Чем больше люди узнают о коррупции от друзей, из того, что они наблюдают в своем круге общения, а также из центральных СМИ, в тем большей степени они считают государственные службы коррумпированными. Но если услышанное от друзей противоречит ожиданиям россиян, верящих, будто чиновники будут оказывать услуги бескорыстно, вероятность того, что люди будут считать существующую политическую систему коррумпированной, окажется намного меньше.

Расхождение между собственным опытом и общей оценкой коррумпированности подтверждается регрессионным анализом. Он показывает, что фактор, сильнее всего влияющий

на вручение взятки — а именно частота контактов с государственными службами, — не оказывает статистически значимого влияния на оценку коррумпированности системы. Так что наша основная гипотеза подтверждается дважды. Во-первых, чем чаще человек получает новости о политической коррупции из различных источников, тем больше он укрепляется в вере в то, что система коррумпирована. Эта же информация, хотя и в меньшей степени, влияет на готовность человека платить взятки. Мнение о том, как поступают все, значимо в двух отношениях: с одной стороны, убеждение, что взяточничество является нормальным способом достижения цели, увеличивает готовность платить взятки, с другой стороны, ожидания, что чиновники будут поступать бескорыстно, снижает оценку государственной системы как коррумпированной.

Последствия для поддержки власти. Тот факт, что оценка распространенности коррупции не зависит от личного опыта респондентов, убеждает: этот феномен необходимо рассматривать отдельно от практики вручения взяток. *Гипотеза 6* описывает, как оценка уровня коррумпированности системы влияет на поддержку политического режима: оценка коррумпированности как широко распространенной оказывает негативный эффект вне зависимости от индивидуального опыта респондента. Тем не менее *гипотеза 7* предостерегает против упрощающего подхода, который уделяет коррупции первостепенное значение в вопросе поддержки власти. В рамках этой гипотезы следует обращать внимание на другие экономические и политические показатели, которые могут влиять на оценку государства.

Поддержка российской власти. Хотя россияне склонны считать свою власть коррумпированной, это не значит, будто она считается нелегитимной. Самуэль Хантингтон¹ утверждает, что в плохо управляемых странах коррупция может восприниматься позитивно: как средство, «предоставляющее немедленные, определенные и конкретные выгоды». В таких условиях «хуже общества с жесткой, чрезмерно централизованной, корыстолюбивой бюрократией может быть только общество с жесткой, чрезмерно централизованной и бескорыстной бюрократией», которую невозможно обойти

¹ См.: Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale UP, 1968.

с помощью взятки. Близкий подход отражен в русской поговорке: «Закон — что дышло, куда повернул, туда и вышло». Когда в предыдущих опросах НРБ респондентов просили оценить российские законы, 61% признали, что жить по закону невозможно, а 73% согласились с мнением, что строгость российских законов облегчается необязательностью их исполнения¹. Такие мнения свидетельствуют о том, что общая оценка коррумпированности мало влияет на поддержку власти. Можно даже сказать наоборот: такой взгляд на вещи повышает терпимость граждан к репрессивному режиму².

В «Новом Российском Барометре» респондентов просили оценить «современную политическую систему» с тем, чтобы определить уровень массовой поддержки режима, избежав при этом ложного допущения, будто режим является демократическим только потому, что в стране проводятся выборы с участием нескольких кандидатов. Ответы упорядочивались с помощью шкалы от +100 до -100, дававшей возможность равным образом учитывать положительные и отрицательные мнения. В апрельском опросе 2007 г. позитивные оценки власти значительно превысили негативные: 70% ответов были позитивными, 8 — нейтральными и 22% — негативными

В соответствии с *гипотезой 7*, наша регрессионная модель оценки поддержки режима включает не только измерение массовых оценок коррумпированности системы и непосредственного опыта респондентов во вручении взяток, но и показатели отношения россиян к политической и экономической жизни страны, которые подтвердили свою значимость в предыдущем исследовании³. В их числе — доверие к политическим институтам, ощущение большей личной свободы, по сравнению с жизнью при советском режиме, вера в то, что нынешний режим является демократическим, оценка работы экономической системы.

Наша многовариантная модель поддержки режима валидна: она объясняет 39,6% дисперсии признаков. Наибольшее влияние на поддержку власти оказывают пять экономических и политических показателей. Согласно полит-

экономическим моделям голосования, безусловно, больше всего на поддержку власти влияет оценка людьми текущего состояния экономики. В период опроса мировые цены на нефть были очень высоки, и 66% россиян позитивно оценивали экономическое положение. Положительному изменению поддержки режима под влиянием экономического фактора на один пункт соответствует положительное изменение на полпункта под влиянием остальных факторов. Оценка работы государственных органов также оказывает существенное влияние на поддержку власти. Россияне, которые доверяют своим политическим институтам и ожидают от чиновников честного исполнения обязанностей, оценивают власть более позитивно. То же характерно для большинства населения, которое чувствует себя свободнее, по сравнению с советским периодом, и меньшинства, которое считает существующий режим демократическим, а не диктаторским.

Вопреки теориям о негативных последствиях коррупции, проверка политических и экономических факторов показала: ни одна из пяти использованных переменных не оказывает значительного влияния на уровень поддержки власти. Такие показатели поведения, как количество данных респондентами взяток или частота их обращения в государственные службы, не оказывают никакого влияния на поддержку власти. Также никакого влияния не оказывают общая оценка степени коррумпированности системы и восприятие коррупции как допустимой. Аргумент Хантингтона о том, что коррупция допустима, поскольку делает строй более приемлемым для населения, не подтверждается. Сходным образом все показатели осведомленности россиян о распространенности коррупции являются статистически не значимыми.

Выводы. Относительно небольшое число россиян имеют личный опыт вручения взяток, что противоречит мнению о всеобщей коррумпированности, которое складывается из убеждения, будто бы это делают все, и газетных публикаций о злоупотреблениях элит. Встает вопрос, как люди получают необходимые им услуги в странах, где система управления не соответствует строгим веберовским критериям. Ответ заключается в том, что передача взятки — всего лишь одна из альтернатив в отношениях между тем, кто хочет получить государственную услугу, и агентом, который ее предоставляет. Вместо того чтобы платить взятку, человек может получить услугу на рынке, например,

¹ См.: Rose R. Getting Things Done with Social Capital: New Russia Barometer VII. Glasgow, CSPP, 1998. P. 48 (Studies in Public Policy. № 303).

² См.: The Unplanned Society: Poland During and After Communism / J.R. Wedel, ed. N.Y.: Columbia UP, 1992.

³ См.: Rose R., Mishler W., Munro N. Russia Transformed. Cambridge: Cambridge UP, 2006. Ch. 5–8.

в частной школе. Те, у кого нет денег, могут использовать связи — друзей, друзей своих друзей или патрона — в клиентелистских отношениях. Другой альтернативой может быть просьба об оказании услуги как об акте сострадания и милосердия. Полагаться на то, что система будет работать как должно, допустимо в странах, где поступки чиновников предсказуемы, в России же такая тактика обречена.

В более раннем опросе «Нового Российского Барометра», посвященном социальному капиталу¹, изучались альтернативы взяткам. В нем респондентам предлагались варианты получения услуг разными способами: заполняя необходимые документы и ожидая решения, используя связи, вручая «вознаграждение» или давая взятку. Изучались стратегии поведения для достижения трех целей: получение места в больнице для срочного лечения тяжелой болезни; получение квартиры по программе государственных субсидий без права на это; получение регистрации, требующей прохождения множества бюрократических инстанций. Респонденты могли выбрать больше одного ответа, поскольку для получения чего-то действительно важного люди, как правило, используют все возможности. Например, если человека не устраивает длительное ожидание, он может подключить свои связи или попросить чиновника об одолжении.

Таблица 3
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТАКТИК ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ (для каждой цели можно было отметить несколько тактик; в % от числа опрошенных)

Тактики достижения целей	Место в больнице	Государственная жилплощадь	Регистрационное разрешение
Связи	44	24	38
«Вознаграждение»	24	25	32
Просьба к чиновнику	22	5	27
Оплата в частном секторе по рыночной цене	20	30	7*
Ожидание	17	25	20

* Заявившие, что готовы действовать без официальной регистрации.

Источник: Центр изучения публичной политики. Барометр Новой России VII. 6 марта—13 апреля 1998 г. N=2202.

¹ См.: Rose R. Getting Things Done with Social Capital.

Чаще всего люди предпочитают обходить закон, а не нарушать его, т. е. использовать связи для получения быстрого и предпочтительного обслуживания со стороны чиновника без предложения ему материального вознаграждения. Такое поведение полностью соответствует нормам обществ, где люди зависят от сети контактов, в которых для поддержания непрерывного обмена содействием и выгодами важна репутация полезного человека, а не вымогателя. Если услуга доступна на рынке и человек может позволить ее себе, то это будет альтернативой, и около четверти респондентов ответили, что могли бы себе это позволить. Если денег не хватает, то с помощью «вознаграждения» или взятки можно получить желаемое по цене ниже рыночной. Люди, у которых нет ни достаточного количества денег, ни связей, вероятно, будут просить об услуге, рассчитывая на милость или участливость чиновника. Прямое нарушение закона воспринимается как неприемлемое: всего 7% респондентов готовы добиваться желаемого без требуемого на то разрешения, тогда как 32% готовы «способствовать» получению разрешения, предлагая взятку. Доля россиян, признавших свою полную зависимость от административной системы, составила от 1/4 до 1/6. Поскольку большинство россиян выбрали лишь одну альтернативу, хотя были возможны и другие, вероятней всего, что у многих есть надежный способ для получения желаемого².

Разрыв между личным опытом и общей оценкой коррупции существует не только в России. Опрос жителей Европейского союза «Евробарометр» показал: 75% считают коррупцию важнейшей проблемой в своей стране, при этом лишь 7% ответили, что давали взятку в прошлом году³. В 60 странах, изученных Transparency International в «Барометре мировой коррупции» в 2006 г., в среднем 77% респондентов считали большинство государственных чиновников коррумпированными, в то время как лишь 9% сказали, что кто-то из членов их семья давал в прошлом году взятки. На всех континентах большинство населения считают свое государство коррумпированным, но везде при этом наблюдается значительный разрыв между подобной оценкой и собственным опытом. В средней стране «Барометра мировой коррупции» из каждых девяти человек, считавших свое государство коррумпированным, лишь один

² Для сравнения с ответами в странах Азии см.: Human Beliefs and Values in East and Southeast Asia in Transition / T. Inoguchi, ed. Tokyo: Akashi Shoten, 2009. P. 305.

³ См.: The Attitudes of Europeans towards Corruption. P. 3, 12.

говорил, что в последнее время членам его семьи приходилось с коррупцией сталкиваться. Наименьший разрыв наблюдается в Африке, где опыт вручения взяток так же высок, как и оценка всеобщей коррумпированности.

Глобальное свидетельство значительного разрыва между оценкой коррумпированности и опытом участия в коррупции говорит о необходимости объяснительной модели, выходящей за рамки отдельной страны или специфики какой-то одной культуры¹. Поскольку оценка уровня коррумпированности высока и в странах, где коррупция слабо распространена, и в тех, где она процветает, необходимо принять во внимание некоторые контекстуальные характеристики. Одно из возможных объяснений может заключаться в том, что общие оценки складывается под влиянием концепций элиты о том, как должна работать политическая система государства. В странах, где государственная администрация работает относительно честно, любое отступление от высоких абсолютных стандартов может повлечь чрезмерную реакцию, обобщающую подобные случаи до

уровня всей политической системы. С другой стороны, в странах, где коррупция встречается относительно часто, иностранные наблюдатели из государств с достаточно честной бюрократией могут интерпретировать это как черту национальной культуры. Когда коррупция затрагивает инвестиции в инфраструктуру и закупку оружия — сферы, в которые не вовлечены рядовые граждане, — элиты могут спроецировать собственные коррупционные действия в отношении населения с целью оправдаться тем, что «так делают все». Однако данный аргумент основан на неверных представлениях элит о мыслях и действиях их сограждан. Опросы элит и рядового населения в восьми африканских странах выявили, что представители элиты в четыре раза переоценивали опыт участия населения в передаче взяток². Элиты переоценивали и общую готовность населения терпеть взяточничество. Другими словами, элиты могут оправдывать собственную коррумпированность аргументами, которые никак не соотносятся с опытом и ценностями их соотечественников.

*Перевод с английского
П. Череповой*

¹ См.: *Mishler W., Rose R. Seeing Is Not Believing.*

² См.: *Razafindrakoto M., Roubaud F. Op.cit.*

Леонид АШКИНАЗИ
Мария ГАЙНЕР
Алла КУЗНЕЦОВА

Исследование общества посредством Интернета*

Интернет, как и любой результат деятельности общества, может быть материалом для исследования этого общества. Интернет как носитель информации состоит из текстов, картинок, мелодий, а также комбинаций этих форм (текст с иллюстрациями, песня, видео и т. д.)

Язык Интернета частично является обычным письменным языком (выкладывание «бумажных» текстов), а частично — приближенным к устному языком форумов, блогов, гостевых книг и т. п. В Интернете легко реализуются связи между текстом, картинками и мелодиями, и эти связи также могут быть объектом изучения. Но на данном этапе мы использовали в качестве материала для анализа только тексты и в одном случае — картинки.

При анализе текста можно ограничиться лингвистическим и филологическим уровнями, что само по себе представляет интерес. Но можно попытаться за ними увидеть общество — тогда это и станет социологическим исследованием. Собственно, в этом смысле любое исследование языка и текстов может послужить базой для исследования социологического. Ниже перечислены предпринятые нами попытки получения информации об обществе из Интернета. Чисто лингвистические пункты изложены более кратко, «более социологические» — подробнее.

Чисто лингвистические (пока что) исследования посредством Интернета. Вопросы, базирующиеся на анализе частоты слов. Начнем с анализа грамотности. Проверка всего лишь нескольких десятков слов показала, что уже есть слова, которые в Интернете пишут примерно одинаково часто правильно и неправильно, т. е. по данному слову грамотность утеряна полностью (пишут случайным образом). Некоторые

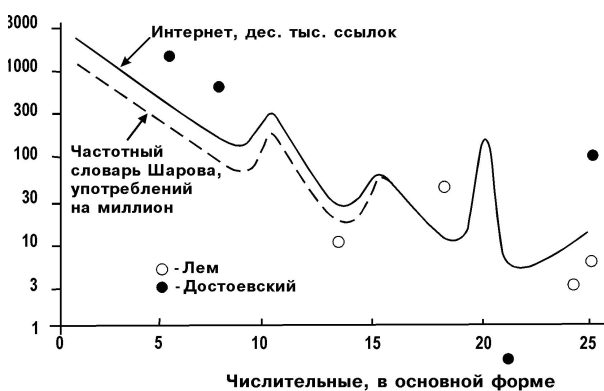
поисковые средства позволяют определять отдельно количество страниц, сайтов и запросов, на которых встретилось то или иное написание. Поэтому доля неправильных написаний может вычисляться по запросам, по страницам и по сайтам. Расчет по запросам дает наиболее чистые данные, не искаженные влиянием редакторов. Доля неправильных написаний, рассчитанная по страницам, существенно меньше, поскольку она «искажена» редакторами. Доля неправильных написаний, рассчитанная по сайтам, также искажена редакторами, но в меньшей степени, поскольку если на сайте встретилось хотя бы одно одно неправильное написание, он попадает и в «правильные», и в «неправильные». Естественным образом отслеживается зависимость грамотности от времени.

Оказалось, что за три года наблюдений грамотность пользователей Интернета не изменилась, в то время как грамотность текстов на сайтах несколько увеличилась. По-видимому, это означает улучшение редактирования. Напрашивается исследование зависимости частоты ошибок от типа ошибки и от контекста, что является уже скорее филолого-педагогической задачей. Интернет позволяет следить за словотворчеством и вообще за изменением языка. Словоупотребление вообще (и связи между словами, в частности) могут зависеть от характера сайта. Например, *data* — это данные, причем формально это множественное число, а есть и архаичное единственное — *datum*. Запросы «*data is*» и «*data are*» дают примерно одинаковое количество ссылок. Но оказалось, что «*data is*» сосредоточено на сайтах .com и меньше на .org, а «*data are*» на .edu, .uk, .org и немного на .com. Нормативная ситуация, согласно «Оксфордскому словарю английского языка», такова: это множественное число, но поскольку в компьютеринге *data* повсеместно употребляется как единственное, то в данной области это считается допустимым.

* За полезные обсуждения авторы благодарны М. Векштейн и С. Чернацкому.

Насколько далек язык Интернета от «русского письменного»? Языки можно сравнивать многими способами, для примера мы сравнили частоты числительных. На рисунке показаны частоты первых 25 числительных (в основной форме — один, два, три...). Видно, что по этому параметру язык Сети близок к письменному русскому. Но отличие заметно — в Сети употребляется относительно меньше больших чисел и больше чисел до 15. Что касается пана Станислава Лема, то он почему-то не любил число 13 и любил число 18, а Достоевский любил числа 5, 8 и 25 и избегал — могли ли мы это предположить? — числа 21 (см. рис 1).

Рисунок 1
ЧАСТОТА СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Исследование частот слов и выражений может применяться для определения отражения в сознании человека любых явлений, в том числе психофизиологических. Например, иногда задается вопрос о соотношении информации, получаемой человеком от зрения и слуха. Вопрос неисчерпаем, но как итоговый результат отражается в речи? Интернет показывает, что как в русском языке, так и в английском формы глагола «видеть» встречаются чаще соответствующих форм глагола «слышать» в среднем в 3-5 раз, что, как ни странно, примерно соответствует расхожему утверждению, что 80% информации человек получает посредством зрения. Но интереснее то, что эта цифра зависит от временной привязки. Если измерить относительные частоты употребления этих глаголов в цепи выражений (давно видел/слышал) — (когда-то видел/слышал) — (видел/слышал) — (в прошлом видел/слышал) — (недавно видел/слышал) — (только что видел/слышал) — (вижу/слышу) — (сейчас вижу/слышу) — (скоро увижу/услышу) — (потом увижу/услышу) — (увижу/услышу) — (когда-нибудь увижу/услышу), то окажется, что в этой цепочке, примерно упоря-

доченной по времени, отношения растут от 2 до 10. Это означает, что человек говорит об ожидании зрительных ощущений в 10 раз чаще, чем об ожидании слуховых, но помнит зрительные лишь в 2 раза чаще, чем слуховые. Действительно, говорят же, что люди чаще думают словами, а не образами. А слово легче представить себе «услышанным», а не написанным. Примерно такой же эффект наличествует и в английском языке.

Вопросы, базирующиеся на «притяжении» слов. Рассмотрим частоту встречаемости двух слов рядом или в одной фразе по отношению к частоте встречаемости этих слов на странице (возможны и другие нормировки). Вот относительные частоты для некоторых пар существительное — прилагательное. Большинство результатов довольно понятно, но нам показалось удивительным, что слова «умная» и «женщина» притягиваются в языке (и, стало быть, в сознании) намного сильнее, чем «глупая» и «баба» и чем «глупая» и «женщина». Вот пары слов, упорядоченные по убыванию притяжения: голая баба — 0,21/0,28, рыжий кот — 0,19/0,27, пьяный мужик — 0,095/0,15, умная женщина — 0,047/0,15, глупая женщина — 0,017/0,10, глупая баба — 0,016/0,040, умная баба — 0,014/0,032, трудолюбивый студент — 0,0070/0,022, добрый экзаменатор — 0,0067/0,018, честный политик — 0,0057/0,035.

Другой вариант пар — это употребление имени собственного вместе с названием класса в качестве пояснения. В качестве объекта мы взяли названия восьмидесяти тысячников и посмотрели, часто ли они употребляются вместе со словами «пик» и «вершина». И тут обнаружилось нечто неожиданное. Понятно, что Джомолунгма употребляется как «вершина Джомолунгма» и «пик Джомолунгма» редко — в 2% случаев, ибо само это название употребляется часто (14 тыс. ссылок) и хорошо известно. Но остальные названия, употребляемые все с примерно одинаковой частотой (от 540 до 970 ссылок) резко разделились на две группы. Аннапурна, Лхоцзе и Чо-Ойю употребляются с «пик» или «вершина» в 31 — 46% случаев, а все остальные — в 6,0—12% случаев.

Посредством Интернета можно изучать и явные связи между словами, например, устойчивые словосочетания, отношения сравнения (быстрый, как свет), уточнения (красный, точнее, малиновый), приближения (худой, почти тощий). Например, «не промахнись» в 10% случаев входит в «не промахнись, Ассунта»,

«промахнулся» – в 8% случаев входит в «Акела промахнулся», причем «Акела» входит в «Акела промахнулся» в 40% случаев. «Быстрый» – это в 9% случаев «быстрый, как ветер», в 2% – как свет, в 1% – как олень.

Третий вариант пары – два существительных. Предположим, что утверждения «А есть В» и «В есть С» верны. Тогда будет верно утверждение «А есть С» – это свойство называется транзитивность. Но транзитивна ли лексика? Понятие транзитивности для лексики не определено, но на интуитивном уровне его можно понять так: если выражения «А есть В» и «В есть С» распространены, то транзитивность означает, что будет распространено выражение «А есть С». Проверим это.

Утверждение «женщина – судьба» встречается в Сети 480+140 раз (здесь и далее вторая, естественно, меньшая цифра – с перестановкой слов), утверждение «судьба – злодейка» встречается в Сети 32.000+9.500 раз, т. е. лимитирующей стадией является первая, но утверждение «женщина – злодейка» – лишь 5+0 раз. Правда, тут еще дело может быть в том, что по отношению к «злодейке» слово «женщина» зачастую избыточно: если понятно, что речь идет о человеческом взрослом существе, то, сказав «злодейка», совсем не надо уточнять «женщина». Не изменяет ситуацию замена «злодейки» на «индейку». Утверждение «судьба – индейка» встречается 9.400+48 раз, а утверждение «женщина – индейка» (в соответствующем смысле) 0+0 раз. То есть лексика в указанном смысле глубоко не транзитивна.

Мы переходим к вопросам, отчасти связанным с социологией.

Чем гордится русскоязычный Интернет? Предположим, нам надо охарактеризовать какую-то вещь, явление или человека. Это можно сделать относительно некой общей шкалы, сказав, что эта вещь красива или что эта вещь уродлива. Реже это делают посредством сопоставления: эта вещь красивее другой, или эта вещь уродливее другой. При этом вещь, о которой человек рассказывает, обычно ставят на первое место. У прилагательных, обозначающих качества, имеются антонимы, и в этом случае отношение частот употребления выражений типа «красивее, чем» к «уродливее, чем» будет корреспондировать с важностью, «силой» этой хвалебной характеристики в группе людей, пишущих в Интернете и для Интернета. Вот спи-

сок отношений частот для распространенных прилагательных:

активнее, чем/пассивнее, чем = 410;
красивее, чем/безобразнее, чем + уродливее, чем = 330;
прикольнее, чем/обыденнее, чем = 290;
ярче, чем/тусклее, чем = 190;
глаже, чем/шероховатее, чем = 150;
величественнее, чем/низменнее, чем = 69;
смелее, чем/трусливее, чем = 60;
быстрее, чем/медленнее, чем = 6,2;
сильнее, чем/слабее, чем = 5,0;
веселее, чем/скучнее, чем + печальнее, чем = 4,3;
богаче, чем/беднее, чем = 2,7;
подвижнее, чем/медлительнее, чем = 2,7;
умнее, чем/глупее, чем = 2,6;
угловатее, чем/округлее, чем = 2,6;
добрее, чем/злее, чем = 2,5;
мужественнее, чем/женственное, чем = 2,2;
громче, чем/тише, чем = 2,0;
страшнее, чем/безопаснее, чем = 1,6;
оригинальнее, чем/банальнее, чем = 1,6;
больше, чем/меньше, чем = 1,2;
нежнее, чем/грубее, чем = 1,2;
темнее, чем/светлее, чем = 1,2;
сложнее, чем + тяжелее, чем/легче, чем = 1,2;
лучше, чем/хуже, чем = 1,0;
длиннее, чем/короче, чем = 1,0;
могучее, чем/хилее, чем = 1,0.

Мы видим группу основных положительных характеристик с отношением частот более 60 – это «активный», «красивый», «прикольный», «яркий», «гладкий», «величественный», «смелый». Русскоязычный Интернет смотрит на мир как юная девица на ухажеров. Далее – мертвая зона шириной в порядок (от 60 до 6), и потом все остальные в зоне малых предпочтений (от 6 до 1). В эту зону попали «умный», «добрый», «сильный», «мужественный», т. е. сущностные характеристики. Форма оказалась важнее содержания. Странно, но сюда попал и «большой» – притом, что некоторые культурологи считают, что в русской культуре существует культ «большого».

Распространение материалов в Интернете: метод анализа «жарености». Часто ли в Интернете «таскают» материалы? Возможность для такого исследования создает, например Google, поскольку он делит ссылки на «наиболее значимые» и «очень похожие на них». Оказалось, что отношение общего количества ссылок (те и те вместе) к количеству оригиналь-

ных ссылок (такowymi мы считали «наиболее значимые») изменяется в широких пределах, по крайней мере — от 1 до 230. Вот некоторые примеры, причем первое число — количество оригинальных ссылок, второе — общее количество. «Квазигруппа» — 20/40, «хиггсовский бозон» — 30/230, «асимптотическая свобода» — 50/150, «поле температур» — 100/140, «тахион» — 250/1.000, «фуллерит» — 250/800, «поле скоростей» — 300/800, «липосакция» — 500/6.000, «нуклон» — 500/3.000, «похудание» — 500/16.000, «гравитационное поле» — 600/7.000, «Майкрософт» — 700/70.000, «кристаллография» — 700/5.000, «ожирение» — 700/46.000, «магнитное поле» — 750/29.000, «электрическое поле» — 800/10.000, «кристалл» — 800/190.000.

Понятно, что с увеличением общего интереса к теме должны расти и количество оригинальных ссылок, и «коэффициент размножения» — отношение общего количества ссылок к количеству оригинальных, поскольку интерес влечет как самостоятельную работу, так и таскание чужого. Но заметен существенный разброс коэффициента размножения при одинаковом или близком количестве оригинальных ссылок, указывающий на некую «жареность» темы. Например, сравните «квазигруппу» с коэффициентом 2 и «хиггсовский бозон» с 8, или «нуклон» с коэффициентом 6 и «похудание» с 30, или «кристаллографию» с ничтожным 8 и одно из любимых заклинаний рекламщиков — «кристалл» — с «коэффициентом жарености» 230.

Исследование самих ссылок показало, что лишь часть из них является ссылками на тот же документ, но лежащий на другом сайте, причем в эту группу входит выкладывание документа второй раз как законное, например, на сайте-зеркале, так и пиратское. Причем вручную провести этот анализ можно только при относительно небольшом количестве ссылок.

Исследование эмоций человека. Например, некоторые слова, оканчивающиеся на гласную букву («дура», «мышка», «убью») при их Интернет-употреблении появляются с повтором оной гласной («дурааа», «мышкааа», «убьюуюю»). Зависимость количества употреблений от количества повторов, очевидно, связана с эмоциями, выражаемыми респондентом в момент ввода. Исследоваться могут как спектр в целом, так и различные функционалы от него — интеграл, среднее количество повторов и другое. Вот что показала, например, элементарная проверка. Слова «кошка», «мышка» и «лошадка» вызывают совершенно разные эмоции — при собственных частотах соответ-

ственно 7.800.000, 3.700.000 и 1.400.000 интегралы повторов будут соответственно 5.000, 200 и 20.000, т. е. относительные интегральные эмоциональности составят соответственно 60,5 и 1400 стотысячных, иными словами «лошадка», эмоциональнее «мышки» в 300 раз.

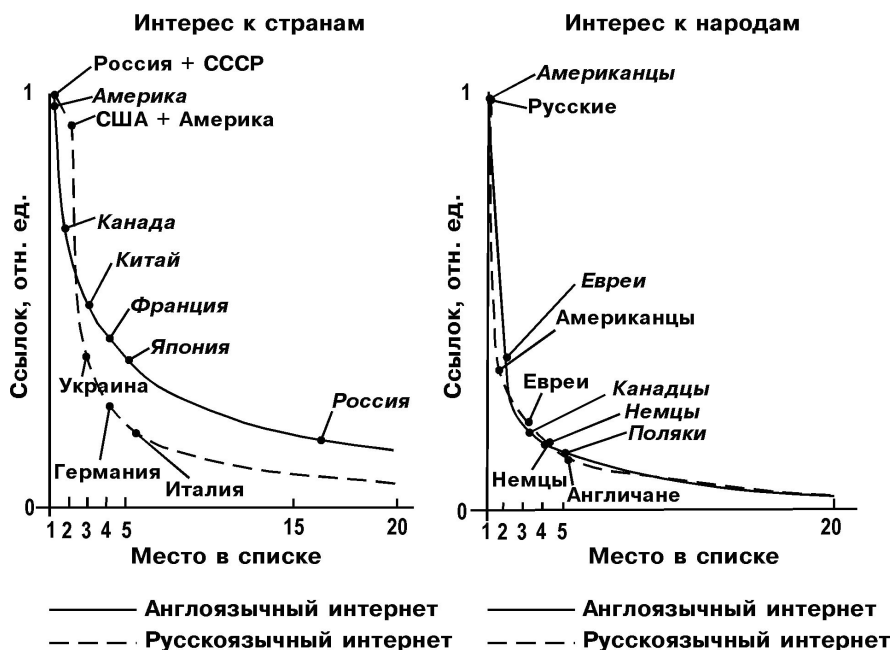
Похожая картина с инвективами: частоты слов «дура», «идиотка», «кретинка» и «дебилка» соответственно 2.500.000, 220.000, 18.000 и 13.000, интегралы повторов соответственно 5000, 40, 1 и 10, т. е. относительные интегральные эмоциональности составят соответственно 200, 20, 5 и 100 стотысячных — «дура» эмоциональнее «кретинки» в 40 раз. При наличии достаточной статистики могут быть исследованы и другие характеристики, но похоже, что имеются два пика — в районе 4-5 и в районе 10 повторов последней буквы.

Мы переходим к вполне социологическим аспектам.

Интерес к странам и народам. Рассмотрим частоты употребления в русскоязычном и англоязычном Интернете названий стран и народов. Если расположить страны в порядке убывания частот упоминания в Интернете и нарисовать зависимость частоты от места в списке (ранга), получатся вот такие кривые (за 1 принята частота упоминания «России» и «русских» в русскоязычном Интернете и «США» и «американцев» — в англоязычном). Глазом, вооруженным Google'ом, видно, что англоязычному населению Интернета (3/4 его — американцы) окружающие страны более интересны, нежели русскоязычному, и народы интересны в той же мере. Так что тупо повторяемая фраза, что американцам ничто не интересно, кроме самих себя, не больше, чем просто тупая фраза. Данные в среднем удовлетворяют закону Ципфа (частота обратно пропорциональна рангу), но в русскоязычном Интернете аномально высок интерес к США — почти так же высок, как к родной стране.

Причем если посмотреть на соотношение интереса к стране и ее народу, то видно, что есть ситуации, когда страна интереснее народа, а бывает и наоборот. Например, в англоязычном Интернете в сторону страны смещен интерес к Китаю, Франции, Японии и Индии (т. е. интерес носит политический характер), а в сторону народа — для Польши, России, Греции (культурный интерес). В русскоязычном Интернете «политичен» (а вернее, «туристичен») интерес к Италии, Кипру, Испании, Турции, Индии, Болгарии, а «культурен» — к Англии, Японии, Китаю, Германии.

Рисунок 2
ЧАСТОТА ССЫЛОК НА СТРАНЫ И НАРОДЫ МИРА

Ощущение своего места в мире может проявляться и иначе. В русскоязычной литературе нам дважды встречались утверждения, что в некоей стране карты мира нарисованы так, что данная страна находится в центре картинке. Мы встречали такие утверждения про США и Новую Зеландию. Простейший анализ не только показывает, что это вранье, но и позволяет обнаружить интересные различия между странами, и возможно, между типами сайтов. Карта мира на сайтах Новой Зеландии расположена Новой Зеландией вперед в 30% случаев, на сайтах Австралии – в 40 (эта разница при объеме выборки 100 сайтов не существенна), а на сайтах Японии – в 80% случаев. В остальных случаях Земля изображена Европой вперед. Поэтому можно предположить, что половина разницы – эффект ментальности, а остальное составлено из ментальности и удобства пользования. Что же касается США, то на сайтах .com, .org, .edu и .gov Земля изображена Америкой вперед в 2, 3, 5 и 8% случаев соответственно (в целом – около 2% случаев), в остальных случаях – Европой вперед.

Отношение к национальностям. Отношение к тем или иным национальностям, складывающееся в обществе, представляет интерес по меньшей мере в трех аспектах. Во-первых, на уровне контактов «общество-общество»: трудно ожидать нормальных отношений между странами А и В, если жители страны А ненавидят на-

селяющий страну В народ. Во-вторых, на уровне контактов «личность-общество»: отношение человека к инициативе, исходящей из страны В, будет зависеть от его отношения к национальности, населяющей страну В. В-третьих, на уровне контактов «личность-личность»: отношение человека к другому человеку будет (по крайней мере, на начальном этапе) зависеть от его отношения к национальности контактанта, который, будучи осведомлен о этом отношении, может знанием воспользоваться, причем несколькими способами.

Методы исследования отношения можно разделить на три группы – это исследования действий, спонтанных высказываний и ответов на вопросы социологов. Каждая группа методов имеет свои плюсы и минусы. Например, отношения, выраженные в действиях (вандализм на кладбище или усыновление ребенка иной национальности, нежели приемные родители), хороши своей юридической достоверностью, но плохи малой статистикой и низкой разрешающей способностью. Кроме того, в некоторых случаях действия («он на него косо посмотрел») трудно фиксируемы. Ответы на вопросы анкет хороши тем, что сами вопросы могут быть тщательно подготовлены, многократно оттестированы и используются на протяжении длительного времени, но плохи тем, что сама ситуация анкетирования является искусственной и в ряде случаев толкающей респондента на сознатель-

ную или бессознательную корректировку своих высказываний. Анализ спонтанных высказываний хорош тем, что «респондент» находится в естественной обстановке и в меньшей степени цензурирует себя, но плох тем, что сам анализ в этом случае сложнее анализа ответов на анкетные вопросы.

По мере развития Интернета роль анализа спонтанных высказываний будет, как нам кажется, возрастать хотя бы по двум техническим причинам. Во-первых, доступ к Интернет-версиям печатных изданий способен сделать анализ текстов менее трудоемким. Во-вторых, наличие в Сети многочисленных форумов, блогов, гостевых книг и т. п. с их речью, приближенной к живой устной, также увеличивает количество материала для анализа. Каковы вообще могут быть методы анализа текстов?

Первый метод – это традиционный контент-анализ, установление того, с чем ставится в один ряд наш объект или какие его связи рассматриваются, насколько достоверно и глубоко его анализируют, как характеризуется объект и т. п. Опыт применения контент-анализа российской прессы для исследования отношения к национальности имеется¹. Контент-анализ требует содержательного анализа текста человеком, что делает методику трудоемкой. Кроме того, анализ, проводимый человеком, уменьшает объективность, хотя для отслеживания трендов и сопоставления разных изданий метод пригоден.

Второй метод – это вычленение из текстов всех упоминаний заданной национальности с прилагательными (или иными характеристиками) и анализ полученного материала. При этом немедленно возникает вопрос: какие вообще характеристики рассматривать? Можно взять именно те характеристики, которые употреблялись в анкетах социологов (в том или ином исследовании) и сравнить частоты выбора этих характеристик в опросе и названия этих характеристик в Интернете.

Этот подход оказался, однако, неудобен, потому что частота употребления эпитетов в спонтанной письменной речи (речи Интернета) регулируется своими законами: например, язык избегает сложных конструкций и слов, а «социологические» слова при формулировке анкеты с закрытыми вопросами выбираются исходя из требующейся точности зондирования того или иного отношения в условиях опроса. В результате «социологические» слова в Интернет-речи

используются в десятки и сотни раз реже, чем прочие. И, несмотря на необъятность Интернета, сочетание названия конкретной национальности с конкретной характеристикой может встречаться слишком редко для того, чтобы данные оказались репрезентативны.

Можно было бы использовать для поиска те слова, которыми респонденты характеризуют различные национальности в открытых вопросах анкет, но такие данные известны только учащимся московских национальных школ (В.Д. Шапиро, М.Г. Герасимова) и жителям Перми (О.Л. Лейбович, В.Н. Стегний, А.Н. Кабацков, Н.В. Шушкова)². Кроме того, спонтанная письменная речь Интернета отличается от спонтанной устной речи ответов на открытые вопросы анкет.

Можно пойти не по социологическому, а по психологическому пути: взять какой-нибудь стандартный список характеристик человека и собрать статистику в Интернете. Но проблема, аналогичная той, что возникает при анализе «социологических характеристик», возникла и здесь.

Поэтому мы выявили все характеристики, которые использует Интернет-речь для характеристики четырех национальностей (англичане, азербайджанцы, русские, евреи). На данном этапе мы игнорировали наличие синонимичных названий национальностей, как нейтральных, так и окрашенных, хотя в ряде случаев они составляют заметную долю от основного словоупотребления. Так, около 50% составляют «британцы», «британец» и «британка» от «англичан», «англичанина» и «англичанки» соответственно, около 25% – составляют «чурки» от «азербайджанцев» и «жид» от «еврея». Разделение высказываний на оценки и самооценки не делалось, не анализировались демографические характеристики авторов высказываний, хотя считается, что состав пользователей Интернета сейчас несильно отличается от всего населения, но характеристики авторов текстов и, тем более, авторов высказываний на форумах могут отличаться сильнее.

Измеренные частоты были нормированы на общую частоту употребления наименования данной национальности в Интернете. Таким образом получились относительные частоты употреблений всех эпитетов (случаи использования слова «русские» как прилагательного исключались). Для примера приведем по семь наиболее частых характеристик каждой национальности (в скобках – относительные частоты).

¹ Ашкинази Л.А., Гайнер М.Л. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1; www.jewish-heritage.org/kipi2.htm

² См.: http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol04_2/ogl.htm

ты × 106). Англичане – «сдержанные» (2300), «странные» (1000), «хитрые» (630), «богатые» (540), «умные» (290), «глупые» (270), «наивные» (240); азербайджанцы – «забавные» (470), «богатые» (380), «хитрые» (280), «умные» (130), «культурные» (120), «наивные» (67), «честные» (56); русские – «тупые» (750), «умные» (470), «горячие» (420), «надежные» (360), «глупые» (300), «богатые» (280), «честные» (170); евреи – «религиозные» (4600), «умные» (900), «хитрые» (550), «богатые» (390), «честные» (290), «жадные» (230), «глупые» (210). Данные списки не могут считаться исчерпывающими в силу некоторых особенностей работы поисковых программ.

Эти списки можно использовать разными способами. Например, можно для каждой пары национальностей из списка вычислить «расстояния» как сумму модулей разностей относительных частот употреблений всех эпитетов. Эти расстояния оказались следующими (в порядке возрастания «расстояния», × 106). Азербайджанцы – русские: 3000; англичане – азербайджанцы: 5600; англичане – русские: 6300; азербайджанцы – евреи: 7200; русские – евреи: 7700 и, наконец, англичане – евреи: 10000. Такая же

процедура может быть проделана для наименований не народов (англичане, русские...), а лиц (англичанин, русский... англичанка, русская...).

Мы использовали также следующий, чисто качественный, подход. Для названных выше национальностей определялись наиболее часто употребляемые прилагательные и глаголы и делалась попытка составить примитивный текст на основе только этих прилагательных и глаголов, причем с соблюдением ранга характеристики. Вот что получилось.

Богатый и старый, но неутомимый англичанин изобрел и выставил на аукционе нечто такое, за что получил много денег и решил – вот моя любимая молодая и типичная англичанка. Еще вчера она родила, отбилась от грабителя и отомстила. Тут, откуда ни возьмись, молодой, рослый, типичный азербайджанец, который зарезал и изнасиловал, несмотря на присутствие рядом молодой, настоящей, русскоязычной азербайджанки, а потом взял что-то и говорит – я продал это старому, бедному, нормальному ортодоксальному еврею, который купил, сел и сказал – один я остался! Где моя старая, чистокровная, галахическая и красивая еврейка, которая когда-то пришла, сказала, вышла замуж и родила, где великий

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ ИНВЕКТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ В ИНТЕРНЕТЕ (приведены данные только для национальностей с максимальным инвектированием более 0,01)

Национальность	Инвективные наименования*	Более редкие инвективы	Относительная частота употребления инвективного наименования			
			Ед. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Мн. ч.
			Муж. р.	Жен. р.	Муж. р.	Жен. р.
Украинец	Хохол		0,58	0,39	0,3	0,42
Американец	Америкос Пиндос	Янки	0,074	0,001	0,085	0,001
Азербайджанец	Азер	Айзер	0,012	0,007	0,05	0,7
Еврей	Жид	Пархатый, Жидомасон	0,22	0,083	0,21	0,1
Эстонец	Чухна		0,013	0,016	0,14	0,044
Армянин	Хачик		0,092		0,033	
Итальянец	Итальяшка	Макаронник	0,025	0,0008	0,033	0,001
Японец	Узкоглазый Япошка		0,012	0,0016	0,06	
Чеченец	Чех	Чичик	0,032		0,2	
Немец	Фрицы Немчура Гансы				0,029	
Латиноамериканец	Латинос		0,06		0,026	
Китаец	Китаез		0,02		0,007	
Негр	Ниггер черномазый	Нигер	0,1	0,01	0,19	
Афганец	Дух		0,12		1,0	

* Более 80% всех случаев.

и одинокий русский брат? Тот ответил – вот он я: родился, женился, сел и написал. А еврей – нет, это я сделал! Русский – зато вот моя молодая, новая и простая русская. Когда она вышла за меня, она сказала мне кое-что, но не бросила, как азербайджанка, и не инсценировала – хотя, как и та, родилась.

Далее наша задача состояла в определении частот инвективных наименований национальностей в Интернет (см. табл. 1). Под относительной частотой мы понимаем отношение частоты употребления всех инвективных наименований к частоте употребления названия национальности. Если конкретное слово употребляется и как инвективное наименование, и в каком-либо ином смысле («япошка» – как название ресторана, «фриц» – как имя и др.), вносилась соответствующая коррекция, «сила инвективы» не анализировалась. Отсутствие значения в таблице означает отсутствие соответствующей формы в языке или очень малую относительную частоту употребления.

Из данных таблицы следует, что, во-первых, мужчины служат объектом инвектирования почти всегда чаще женщин (7 случаев против 1), во-вторых, народ – чаще отдельных лиц (8 случаев против 3); в-третьих, в приведенном списке первые места по инвектируемости завоевали: в личном зачете – «украинец», «еврей», «афганец» и «чеченец», в командном – «афганцы», «украинцы», «чеченцы» и «евреи».

По абсолютной частоте инвектирования первые три места завоевали украинцы («хохлы» – 1.200.000 упоминаний), американцы («америкосы» и «пиндосы» – 1.100.000), евреи («жиды» – 1.000.000) Эти данные менее показательны, так как отражают одновременно и склонность к инвектированию, и общий интерес к данной национальности и, кроме того, относительно быстро меняются со временем.

Подобное исследование производилось и ранее, в 2002 г. (А.В. Моченов, С.С. Никулин, А.А. Вахин)¹. Тогда в командном зачете (личное первенство не проводилось) первые три места в Интернете взяли: украинцы, американцы, евреи, а в бумажной прессе – американцы, украинцы, евреи.

Относительные данные, т. е. частоты инвектирования, зависят не только от собственно «отношения», но и от других факторов. Например, от благозвучия и краткости как нормативного, так и инвектированного наименования. Влияет и поливалентность терминов – напри-

мер, термины «дух» и «чех» могут нести не только инвективную нагрузку, но и милитаристскую, причем частота второго употребления будет зависеть от состояния военных действий, а для исторических событий – от наличия, например, юбилеев или иных празднеств. Влияет на частоты и сопутствующая инвектированию агрегация как нескольких национальностей, так и их инвективных наименований («урюки», «чурки», «черные»).

Естественным следующим шагом являлся поиск корреляции наименований с характеристиками, т. е., например, определение, насколько чаще американцы «являются» тупыми, нежели умными, насколько чаще «америкосы» тупы, нежели умны, и главное – отличаются ли эти отношения для американцев и «америкосов». Наличие корреляции укажет на «осмысленное» употребление инвективного наименования, а отсутствие – на привычное, клишированное употребление, не связанное с реальными чувствами говорящего.

Для анализа корреляции между употреблением инвективных наименований национальностей и приписываемых им характеристик были взяты наиболее часто (как в абсолютных, так и в относительных величинах) инвектируемые национальности и определены частоты употребления с положительными и отрицательными эпитетами. Проверено 7 национальностей, 6 пар эпитетов, прямой и обратный порядок слов, контекст контролировался, и соответствующая поправка вводилась. К сожалению, достаточная для каких-либо выводов статистика набралась только для американцев, украинцев и евреев. Полученные данные приведены в таблице 2.

Из таблицы видно, что некоторые характеристики не зависят от употребления инвективного наименования самой национальности: например, мнение о трусости и злобности американцев не зависит от того, назвал их говорящий «американцами» или «америкосами». Некоторые же характеристики зависят очень сильно. Например, убежденность в хитрости украинцев возрастает в 400 раз, когда их называют «хохлами», в лживости американцев в 70 раз, когда их называют «америкосами», в тупости и хитрости американцев, хитрости и злобности евреев, наглости украинцев – в соответствующих случаях – в 20 раз. В среднем же отношение частоты употребления уничижительных характеристик к неуничижительным возрастает при переходе к инвективным наименованиям в 4–5 раз.

¹ См.: www.smi.ru/02/06/28/548258.html

Таблица 2

ЧАСТОТА УПОТРЕБЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ЭПИТЕТОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ»

Характеристики	Американцы	Америкосы, пиндосы	Украинцы	Хохлы	Евреи	Жиды
Тупые/умные	5,2	100	1,4	14	0,08	1,2
Трусливые/смелые	16	12	1,6	>5	2,2	>10
Злые/добрые	1,2	1,9	0,34	1,5	0,48	>10
Наглые/культурные	6,4	22	0,44	>100	1,0	3,0
Лживые/честные	0,012	0,8	0	0,33	0,41	1,2
Хитрые/простые	0,073	1,6	0,3	98	0,87	19

Исследование доверия к валютам. В период с ноября 2008 г. по апрель 2009 нами было осуществлено исследование степени относительного доверия граждан к валютам (доллару США, евро и рублю). Как источник информации использовался рынок сдачи в аренду и продажи жилого и нежилого фонда, т. е. четыре рынка. Индикатором – «индексом доверия к доллару (евро)» – было отношение количества предложений по той или иной цене в долларах (евро) к количеству предложений по близкой цене в рублях. Поскольку количество предложений немонотонно зависит от цены, имея выбросы на круглых цифрах предложений (например, отношение количеств предложений по \$ 10.000 и \$ 9.000, или \$ 10.000 и \$ 11.000 составляет около 2, то же – 200.000 руб. и 180.000 руб. или 200.000 руб. и 230.000 руб.), для увеличения статистики использовались круглые цифры. Анализ накопленных данных показал следующее.

Рынки аренды и продажи как жилого, так и нежилого фонда инерционны – быстрая реакция на колебания курса валют отсутствует.

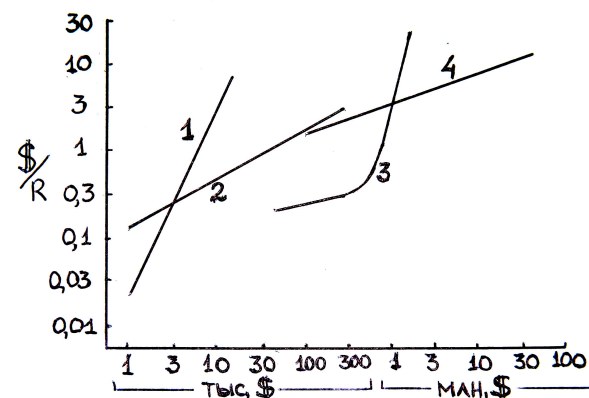
Тренд индексов доверия к валютам за указанный период невелик – например, на рынке аренды жилого фонда (этот рынок мы изучали наиболее долго) индекс доверия к доллару в нижней части ценового диапазона возрос с ноября 2008 г. к январю 2009 в 2-3 раза, оставаясь много меньше 1, далее ситуация не изменялась. Иными словами, эти индексы отражают долговременные (характерное время – месяц) тренды социальных настроений.

Индексы доверия сильно зависят от суммы сделки. На эти зависимости влияют два фактора – рациональный и иррациональный. Рациональный – это удобство дальнейшей работы с вырученными средствами (вложения или накопления), иррациональный – психология, привычки субъекта.

Для рынка нежилого фонда характерный диапазон цен для аренды от \$1 тыс. до \$300

тыс. в месяц, для продажи от \$100 тыс. до \$30 млн. Диапазоны цен перекрываются, а зависимость оказывается общей, т. е. субъекту (фирме, частному лицу), с точки зрения выбора валюты сделки, не важно, сдает он или продает. Индекс доверия изменяется во всем диапазоне (4,5 порядка) в двойных логарифмических координатах линейно, увеличиваясь примерно от 0,1 до 10. Арендодатели, сдающие в аренду нежилой фонд за \$1 тыс. в 9 случаях из 10 предпочитают рубль, в районе \$100 тыс. любовь к рублю и доллару оказывается одинаковой, а в верхней части ценового диапазона, продавая недвижимость за \$30 млн., в 9 случаях из 10 цену выставляют в долларах. Поскольку потери при конвертации и относительно невелики и могут быть заложены в цену, эта разница, по-видимому, отражает долю тех, кто предполагает деньги пускать в оборот не сразу же, а в течение какого-то времени и прогнозирует устойчивость соответствующих валют на этот срок.

Рисунок 3

ИНДЕКС ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВАЛЮТ (рубли, доллары)

1. жилой фонд, аренда.
2. нежилой фонд, аренда.
3. жилой фонд, продажа.
4. нежилой фонд, продажа.

Для рынка жилого фонда ситуация иная. Во-первых, основные диапазоны цен на аренду

и продажу в общем не перекрываются: цены на аренду лежат в диапазоне от \$1 тыс. до \$20 тыс. в месяц, для продажи — от \$50 тыс. до \$2 млн. Во-вторых, индекс доверия к доллару при аренде изменяется существенно сильнее — от 0,02 до 10, а при продаже, хоть и в меньших пределах, — от 0,2 до 10, но зато нелинейно. Возможно, что более сильная зависимость объясняется более простой моделью работы физических лиц с деньгами — они либо предполагают на это жить, либо хранить, причем хранить предполагают в долларах.

По индексу доверия к евро (Е) статистики мало. При аренде жилья в диапазоне цен от 1.000 Е до 15.000 Е он растет примерно на два порядка — от 0,008 до 0,8.

Исследование сайта знакомств www.mamba.ru.

Была исследована связь возраста субъекта объявления и запрошенных параметров объекта. Основное поле наблюдений — Москва, объявления как с фото, так и без.

Некоторые наблюдения сделаны для «не Москвы» и объявлений с фото. На основном поле обнаружены следующие зависимости.

С увеличением возраста субъекта доля объявлений, в которых вообще оговорен возраст объекта, изменяется немонотонно. Для самых молодых он составляет 30% для девушек и 10 для юношей, достигает максимума в районе 30–50 лет — 75% для девушек и 45 для юношей — и немного уменьшается для больших возрастов. Такая зависимость объясняется меньшей предусмотрительностью молодых («А, на месте разберемся!») и некоторой долей платных предложений (см. ниже).

Минимальный и максимальный приемлемый возраст (естественно, не сами значения, а средние по многим объявлениям) растут с возрастом респондента, но, естественно, медленнее, причем для респондентов-мужчин медленнее, чем для респонденток-женщин. Возраст «кроссовера», когда середина запрошенного диапазона совпадает с возрастом респондента,

для женщин составляет около 50 лет, и лишь более пожилые соглашаются на сверстников, тогда как для мужчин «возраст кроссовера» — около 25 лет.

С изменением возраста субъекта изменяется диапазон приемлемых возрастов, при этом для субъектов-женщин диапазон устраивающих их возрастов мужчин несколько сокращается (от 14 до 10 лет), а для субъектов-мужчин диапазон приемлемых возрастов женщин несколько расширяется (за счет сохраняющегося согласия на молодых партнеров).

Функция распределения субъектов по диапазону приемлемых возрастов для самых молодых девушек 20 и 25 лет бимодальна: один максимум приходится на диапазон 4–9 лет, второй — на 24–29. Пик, относящийся к большим возрастам, собирает около 20 % всех субъектов — т. е. 20 % молодых девушек декларируют, что для них возраст партнера малозначителен. Среди девушек больших возрастов и всех мужчин такие ситуации тоже имеют место, но там их значительно меньше.

Для запроса «с фото» функция распределения (и интеграл) для младших возрастов увеличивается тем сильнее, чем младше возраст: для девушек 20 умножается на 2, для женщин 30 лет — на 1,3, для женщин 40 лет не меняется; для юношей 20 лет умножается на 4,5, для мужчин 30–60 лет — в среднем на 1,5.

Для «не Москвы» отличия даже для девушек 20 лет невелики — возможно, несколько возрастает доля субъектов, предпочитающих узкий диапазон возрастов.

В заключение отметим, что возможности использования Интернета для получения информации об обществе (здесь мы не касаемся очевидных возможностей по нарушению приватности, отслеживанию контактов отдельных лиц и т. п.) практически не осознаны. Серьезные исследования в этом направлении вел, кажется, только Даниил Шанцев¹.

¹ См.: folk.uio.no/dansh/real

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Борис ДУБИН
Наталья ЗОРКАЯ

Система российского образования в оценках населения: проблема уровня и качества

Введение: постановка проблемы. Задачи образования, его общего уровня и дифференцированного качества, создание институтов его постоянного повышения, систем наращивания и усложнения интеллектуальной квалификации людей неотделимы от современных обществ (*modern societies*). Собственно говоря, они и сложились в процессе возникновения и развития этих обществ. Не случайно данный круг проблем вошел в поле внимания социологии как науки о современных обществах с самого ее начала.

Анализ проблем образования и его качества позволяет связать представления различных социальных групп об их социальных ориентирах и ценностных приоритетах с *инструментальными* стратегиями жизненного поведения — выбором того или иного типа учебы и работы, а далее — с активным достижением определенного статуса и претензиями на соответствующее символическое вознаграждение, с оценками своего положения по сравнению с другими, уровнем удовлетворенности и неудовлетворенности, планами различных групп на будущее, установками на динамическое развитие, повышение уровня и многообразия жизни или на консервацию сложившейся ситуации и т. д. Высокий уровень, дифференцированность и качество образования — залог динамичности социальной системы, богатства, сложности и пластичности связей между разными людьми и группами людей в нем. Качественное и дифференцированное образование, работа всей системы репродуктивных институтов поддерживает структуру и задает динамику общества, имеет самое прямое отношение к процессам формирования

элитных групп, поскольку определяет их собственный багаж и кругозор, признание их со стороны других групп и слоев, кредит доверия им, масштаб их авторитетности.

Коллектив Левада-Центра уделяет образовательной проблематике постоянное внимание; в нашем журнале был опубликован ряд работ аналитиков Центра и их коллег по данным проблемам¹. Если говорить о результатах работы исследователей, то ими была зафиксирована непригодность прежних советских государственно-распределительных, ведомственно-иерархических структур подготовки специалистов, трудоустройства выпускников, их гратификации, продвижения в современных условиях, тем более — в рамках постиндустриального открытого общества. На социальном разломе конца 1980-х—начала 1990-х гг. стали очевидны системные ограниче-

¹ См.: Хибовская Е.А. Ориентация молодежи в сфере образования // Мониторинг общественного мнения. 1995. № 5. С. 25–30; Гудков Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Там же. 1998. № 4. С. 32–45; Ким Н. Образование дают, образование получают... (перспективы школьной реформы и требования россиян к школе // Там же. 1999. № 2. С. 47–49; Бочарова О. Модернизация школьного образования — планы, ожидания и страхи // Там же. 2001. № 4. С. 27–30; Красильникова М. Проблемы высшего образования в оценках населения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1. С. 26–34; Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. Образование в России: привлекательность, доступность, функции // Там же. С. 35–55; Левинсон А. Новые процессы в образовании как сигнал о новых процессах в обществе // Там же. 2004. № 2. С. 61–69; Заричкий Т. Культурный капитал и доступность высшего образования (по результатам сравнительного исследования опросов московских и варшавских студентов вузов) // Там же. 2006. № 2. С. 47–61; Карпенко О., Бершадская М., Вознесенская Ю. Международное исследование PISA и проблемы развития высшего образования // Там же. 2007. № 5. С. 38–47 и др.

ния, заложенные в основание репродуктивных институтов советского общества — те представления о человеке и его назначении, которые задавали рамки учебного процесса и предопределяли его конечный результат. С другой стороны, обозначившиеся, казалось, на тот краткий период возможности всерьез реформировать школьную и особенно вузовскую систему как будто бы обещали более прочную, институциональную основу для тогдашних коллективных надежд образованного слоя на движение страны к либеральной демократии и рыночной экономике, на изменение социально-профессиональной структуры социума, общий подъем квалификационного и цивилизационного уровня граждан, возможность формирования новых элит.

Сегодня можно сказать, что крайне ригидная бюрократическая модель высшего образования советского типа вышла из кризиса, связанного с сокращением объемов государственного финансирования в середине 1990-х гг., без сколь-нибудь серьезных, системных и долговременных изменений. Корпорация сохранила свою структуру и государственную монополию на эти виды деятельности, но переложила основную тяжесть расходов на собственное содержание на те группы населения, для которых высшее образование представляет ценность и цель. В очередной раз распределительная демагогия и остатки уравнилительной идеологии в сознании властей и общества обеспечили консервацию старых государственно-монополистических структур. Что касается средней школы, то ее как социальную подсистему этот процесс сдерживания и консервации привел в состояние медленного распада и нарастающей аномии, которые серьезно затронули как ученическую массу, так и преподавательский состав.

С результатами данного процесса — в массовых представлениях о функциях и формах образования, в оценках населением и молодежью России нынешней образовательной системы, указаниях наиболее образованных, квалифицированных и требовательных подгрупп на проблемы и дефициты сегодняшней средней и высшей школы — мы и имеем дело в настоящее время. Представление о высшем образовании как одной из важнейших социальных ценностей стало сегодня в России общепринятым, его разделяют до 90% людей. Более или менее едино на нынешний день и ее понимание. «Хорошее образование» — это в большинстве случаев условие для получения «хорошей работы», а «хорошая работа» тоже достаточно согласованно трактуется сейчас большинством россиян как работа за «хорошие деньги».

На нынешнем этапе мы видели свою задачу в том, чтобы описать работу системы среднего и высшего образования в России 2000-х гг., опираясь на представления и оценки различных социально-демографических и социокультурных групп россиян. В основе статьи — данные репрезентативного опроса городского населения страны, проведенного коллективом Левада-Центра в апреле—мае 2009 г.¹ В ряде случаев новейшие данные сопоставляются с результатами предыдущих аналогичных опросов Центра.

Общие ценностные дефициты и приоритеты россиян. Каковы наиболее общие ориентиры и предпочтения нынешних россиян? Вот распределение ответов на вопрос «Чего прежде всего не хватает в сегодняшней жизни такому человеку, как Вы?» (в % от всех опрошенных и подгруппы молодежи, позиции ранжированы по убыванию в столбце «Население»).

Таблица 1
НЕ ХВАТАЕТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО...
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
денег	74	72
возможности посмотреть мир	36	38
хорошей работы	31	34
здоровья	30	15
возможности отдохнуть	28	25
культуры, воспитанности окружающих	18	17
хорошего образования	18	24
возможности жить со вкусом	18	15
возможности сделать хорошую карьеру	18	15
свободы делать, что хочется	14	19
возможности влиять на ситуацию в моем районе, городе, селе	12	11
внимания близких	7	6
друзей, общения	6	7
уважения окружающих	4	3
политических, гражданских прав и свобод	4	4
Затрудняюсь ответить	2	2

¹ Исследование было проведено по трем специально спроектированным выборкам, репрезентирующим городское взрослое население России 15–59 лет (1500 человек), городскую молодежь страны в возрасте 15–29 лет (350 человек), а также взрослых жителей России, имеющих или получающих второе высшее образование (150 человек). Опрашивались респонденты, проживающие в 119 населенных пунктах размером не менее 100 тыс. жителей. Опрос проводился методом личного интервью на дому респондента и проходил по единой формализованной анкете. При реализации данного проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 14 апреля 2008 г. № 192-рп.

Как видим, представления молодежи почти не отличаются от общих для населения страны. Разрыв в значимости «здоровья» понятен: этот пункт более важен для пожилой и менее обеспеченной части российского населения. «Возможность отдохнуть», которая значима примерно в равной степени для молодежи и для населения в целом, конечно же, означает разное для молодых и для пожилых россиян, для москвичей и жителей небольших городов, села. Но сами эти различия общие, они характерны для всей страны, образа жизни большинства населения. Общим здесь является и главный для всех групп жизненный ориентир, он же дефицит: это деньги.

Соответственно описанным приоритетам распределяются ответы на вопрос о том, что такое «хорошая работа». Разрыв между первой и последующими позициями здесь столь же велик, как в ответах на вопрос о значимых ориентирах и дефицитах.

Таблица 2
ХОРОШАЯ РАБОТА... (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
та, за которую хорошо платят	79	78
интересная, требующая всех знаний и умений	38	39
работа в хорошем коллективе	38	36
работа с хорошим пакетом социальных гарантий	27	22
дающая возможность продвинуться	18	25
нужная людям, обществу	16	13
престижная, уважаемая другими	16	18
дающая возможность повидать страну, мир	12	14
спокойная, когда от тебя не слишком много требуют	10	8
живая, требующая постоянных контактов с людьми	10	9
современная, высокотехнологичная (с компьютерами и др.)	8	7
работа в офисе, не требующая физического труда	2	3
Затрудняюсь ответить	1	0

Опять-таки обратим внимание на явную близость оценок молодежи и всего населения. Единственное исключение — несколько более выраженная у молодежи ориентация на возможность профессионального продвижения. Среди старших возрастных групп чуть более значимы

такие характеристики работы, как «хороший коллектив», нужность работы обществу, но эти различия исчисляются несколькими процентами — речь не идет о разрыве в оценках, о каком бы то ни было ценностном противостоянии старших и молодых.

Указанное распределение критериев оценки работы как «хорошей» проясняет логику выбора нашими респондентами профессий, «наилучших для молодого человека сегодня». Верхушка лестницы профессиональных приоритетов принадлежит у сегодняшних россиян занятиям, гарантирующим или обещающим скорые и хорошие деньги (приводим статистически значимые позиции, остальные собирают меньше 3% голосов).

Таблица 3
ЛУЧШИЕ ПРОФЕССИИ ДЛЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ...
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
бизнесмен, предприниматель	34	41
компьютерщик, программист	34	38
юрист	27	27
врач	22	19
менеджер, администратор	17	19
инженер	13	15
политик	12	13
рабочий редкой специальности (краснодеревщик и т.п.)	11	8
переводчик	11	11
психолог	9	10
военный	10	8
сотрудник милиции, органов безопасности	10	11
спортсмен, тренер	9	9
рабочий массовых специальностей	9	8
работник сферы обслуживания	7	8
журналист	6	6
учитель	6	5
специалист сельского хозяйства (агроном и др.)	6	4
научный работник	5	6
Затрудняюсь ответить	1	0

Представления о «хорошем образовании». Качество образования рассматривается большинством россиян прежде всего в прагматическом плане — ни малейших расхождений между мнениями населения в целом и молодежи в частности по данному пункту тоже нет, мы

опять-таки имеем дело с общепринятой анонимной нормой. Соответственно, подобная трактовка образования, его функций ориентирует на ближайшие, более простые цели – немедленное или, по крайней мере, быстрое вознаграждение в настоящем, «прямо сейчас». Стратегическая проблематика отсроченного вознаграждения, накопления заслуг, символической награды, а значит, более широкие и гибкие пространственно-временные рамки действий и оценок, перспектива на будущее и дальние ориентиры поведения с ориентацией на разные референтные группы, разные формы признания с их стороны не столь актуальны для большинства российского населения: эти моменты отводятся скорее на второй план, не привлекают внимания и не подвергаются рефлексии. Расчет идет только на самые короткие временные дистанции (преобладающая часть россиян и не планируют жизнь дальше нескольких месяцев).

Таблица 4
ХОРОШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ... (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
дает возможность получать хорошие деньги	54	53
дает специальность, востребованную сегодня на рынке	37	38
дает возможность полнее реализовать себя	36	36
дает возможность продвигнуться, занять хорошую должность	29	31
делает жизнь интереснее	23	22
приносит уважение людей, дает престиж	18	16
помогает расти дальше, постоянно повышать квалификацию	15	17
позволяет работать со сложными технологиями	14	15
помогает ориентироваться в современном мире	13	13
дает возможность творческой работы	12	13
помогает решать сложные проблемы в разных жизненных ситуациях	10	10
позволяет быть конкурентоспособным на мировом рынке, вписаться в мировую науку и производство	10	9
Затрудняюсь ответить	1	0

Ориентации на более сложное понимание ценности и качества образования (эти позиции

выделены в таблице курсивом) в большей степени значимы для респондентов, получивших или получающих второе высшее образование, а значит, избравших *иную* жизненную стратегию, отличную от большинства. Показательно, что эта последняя подгруппа иначе понимает совокупность факторов, которые открывают человеку возможность получить хорошее образование. Здесь чаще обращают внимание на символический капитал ближайшего окружения, семьи (образование родителей, коммуникативная обстановка в семье, домашняя библиотека и т. п.), на способности, целеустремленность и труд самого человека, его «внутреннюю» ориентированность. Напротив, большинство россиян в этом плане выше ставит моменты скорее «внешние» по отношению к человеку (полезные связи и знакомства), а на первое место выходят опять-таки деньги.

Таблица 5
ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ХОРОШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, НУЖНО...
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь	Два высших образования
наличие денег	64	61	57
способности	54	52	63
воля, целеустремленность	49	51	54
усидчивость, готовность работать	32	32	41
связи и знакомства	31	30	24
образование и кругозор родителей, культурная обстановка в семье	13	10	22
ориентация на мировой уровень науки и производства	7	5	7
Затрудняюсь ответить	1	1	0

Таким образом, группу респондентов с двумя высшими образованиями можно считать представителями более активной, успешной и продвинутой части населения. Именно среди них можно ожидать, с одной стороны, более критичную позицию по отношению к образовательной системе, а с другой – современный и разносторонний взгляд на ее проблемы, поскольку данная группа имеет самый продолжительный и разнообразный опыт обучения. Однако в представлениях о том, что дает человеку «хорошее образование», ответы данной подгруппы не слишком отличаются от городского

населения и городской молодежи в целом. Подгруппа самых образованных несколько выделяется лишь оценкой хорошего образования как возможности освоения высоких технологий и обретения конкурентоспособности на мировом рынке труда, производства и науки, т. е. более прагматичным пониманием качества образования.

Отметим, что оценки условий получения хорошего образования и тех преимуществ, которые оно дает в жизни, среди городской молодежи достаточно показательно дифференцированы в зависимости от типа поселения, где живут опрошенные. Так, материальный фактор более значим для средних и периферийных городов, где уровень жизни особенно низкий, а аспирации молодых уже довольно велики. Молодые москвичи, представляющие в среднем более благополучную молодежь с большим выбором при выстраивании жизненных стратегий, с одной стороны, чаще других указывают в этом плане на значимость «связей и знакомств» (41% при средней 30%), а также на «способности» (72% при средней 52%). Такая позиция служит, с одной стороны, оправданием неравных шансов для поступления в известные и престижные вузы для москвичей и социальной «периферии» (не случайно москвичами в этом контексте чаще упоминаются связи и знакомства), а с другой — своего рода страховкой на случай неудачи, ведь «способности» предполагаются данными от рождения, необходимость их развития, совершенствования чаще упоминается как задача не москвичами, а жителями крупных городов и особенно — периферийных. Так «воля и целеустремленность» называлась в качестве условия получения хорошего образования лишь 37% молодых москвичей и 57% молодых жителей городов с населением до 100 тыс. человек.

Возможность получать хорошие деньги как мотив поступления в вуз наиболее значима для молодых респондентов, живущих в малых городах — 57% (москвичи — 49%); молодые же москвичи много чаще других говорят при этом о возможности «полнее реализовать себя» (50% при средней 36%), что представляется нам воспроизведением общего и не слишком внятного интеллигентского клише, а также чаще выбирают более прагматичную и современную позицию — возможность получения специальности, востребованной на рынке труда (47% при средней 38%).

В целом фактор наличия денег как условия получения хорошего образования наиболее значим в самой старшей возрастной группе го-

рожан России (70% при средней 64%); в остальном мнения различных половозрастных групп почти не отличаются.

Относительно дифференцированную картину мнений об условиях получения хорошего образования и возможностях, которое оно открывает для человека, дает сравнение ответов взрослых горожан, живущих в разных типах поселения, а также имеющих различный потребительский статус. Наличие денег опять-таки наименее значимо в Москве (56%) и растет по мере «отдаления» от социального центра: в средних городах — 64, в малых — 70%. Москвичи отличаются от остальных горожан все тем же упором на «способности» (65% при 54% в среднем), но также чаще называют «усидчивость, готовность много работать» (40% при средней 32%). Помимо прочего, этот упор на роль интенсивного труда объясняется и тем, что среди них выше, чем в других городах, доля людей с относительно высоким потребительским статусом (люди, которые могут без проблем покупать товары длительного пользования, но не действительно дорогие вещи — автомобиль, квартиру и пр.). Декларирование достигательских ценностей, значимости индивидуального усилия и самоконтроля сильнее выражено именно в этой среде, тогда как низкостатусные группы демонстрируют пассивно-зависимые установки и ориентации, подчеркивая сильнее других роль денег и связей для получения хорошего образования.

При оценке преимуществ, которые дает хорошее образование, москвичи чаще называют возможность «самореализации» (46% при средней 36%), они считают, что хорошее образование делает жизнь интереснее (33% при средней 23%), а также отмечают престиж и уважение, которое оно дает (21%, показатель падает по мере уменьшения размеров населенного пункта, достигая в малых городах всего лишь 12%). В то же время жители городов среднего и малого размера чаще упоминают материальные преимущества хорошего образования. Несколько возрастает от центра к периферии и показатель значимости получения специальности, востребованной на рынке труда (39% в малых городах, 32% в Москве), что косвенно указывает на разницу в степени развитости рынка труда в центре и на периферии, а также на более острое переживание угрозы безработицы в провинции.

По мере роста потребительского статуса растет значимость ценности «самореализации» (средневысокий статус — 43, низкий — 23%), с одной стороны, а с другой — престижности

Таблица 6

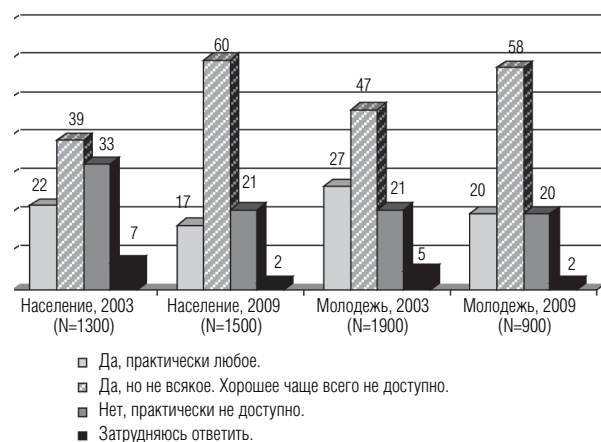
ЧТО, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ТРЕБУЕТСЯ СЕГОДНЯ ОТ ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ХОРОШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ? (в % от числа опрошенных в соответствующей группе)

Вариант ответа	Потребительский статус			
	Низкий	Средне-низкий	Средний	Средне-высокий
Наличие денег	81	69	66	57
Воля, целеустремленность	40	44	46	56
Способности	49	51	53	58
Усидчивость, готовность много работать	17	29	30	39
Связи и знакомства	38	36	31	28
Образование и кругозор родителей, культурная обстановка в семье	13	9	12	15
Ориентация на мировой уровень науки и производства	7	9	7	6
Затрудняюсь ответить	2	1	1	0
<i>Число опрошенных</i>	<i>50</i>	<i>231</i>	<i>754</i>	<i>445</i>

именно хорошего, а не любого образования (средневысокий потребительский статус – 21%, низкий потребительский статус – 9%).

Добавим, что проблема качества высшего образования за последние годы не только не разрешилась, но, напротив, обострилась. Это осознает как население в целом, так и молодая его часть: группа тех, для кого именно хорошее образование сегодня недоступно, выросла среди тех и других. Сравним данные опросов 2003 и 2009 гг.

График 1
ДОСТУПНО ЛИ ВАМ СЕГОДНЯ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ?
(в % от числа опрошенных по столбцу)

Оценки современной школы. Подавляющее большинство опрошенных (84% населения в целом, 78% молодежи) учились или учатся в обычных средних школах. Если респонденты их и выбирали, то в 60% случаев (63% у молодежи) по самому простому принципу – степени близости к дому. Известную значимость (для

10% населения, 14% молодежи) имела бесплатность обучения в данной школе. С этим фактором, как можно полагать, был связан отказ от обучения в гимназии, лицее: таковые были по месту жительства у 22% опрошенных россиян в целом (учились же в них 4%) и у 39% молодых респондентов (учились в них 8% данной подгруппы). Итого, собственно проблема качества образовательных услуг – хороший уровень преподавания – имела значимость лишь для 13% опрошенных (среди молодежи – для 17%).

Можно предварительно обобщить: подавляющим большинством российского населения, в том числе молодого, школа в ее нынешнем состоянии, привычном и более или менее одинаковом для всех граждан страны, понимается и принимается как данность (родители хотят, чтобы ребенок был занят и находился «в коллективе», «под присмотром», по модели детского сада, дети же так или иначе принимают эту вмененную им роль). Школа, школьная система не оцениваются в содержательных категориях, от них не требуют и не ждут качественного обучения, поскольку учебу в школе не рассматривают как важный этап жизненного пути, школу не связывают с жизнью – дальнейшей работой, учебой, местом в обществе. Как мы предполагаем, именно поэтому преобладающая часть опрошенных оценивают школу, в которой учились или учатся, как более или менее хорошую (57% населения, 59% молодежи); две пятых считают ее никакой, обычной. Между тем, в более детальных оценках респондентами собственной школы проступают несколько моментов, которые свидетельствуют, что картина далеко не столь благополучна.

Казалось бы, учащиеся или отучившиеся вполне довольны знаниями, которые получили по большинству предметов. Но отметим, что в наименьшей степени они удовлетворены знаниями по информатике, компьютерному делу (недовольны 37% молодежи, треть горожан в целом) и по иностранному языку (не удовлетворены ими 46% населения, 42% молодежи). Именно иностранные языки и компьютерная грамотность возглавляют список дисциплин, преподаванию которых в школе, по мнению половины и более опрошенных, нужно уделять сейчас наибольшее внимание (напомним к тому же, что компьютерщик, программист — одна из профессий, наиболее ценимых сегодня россиянами). Это значимые дефициты школьного преподавания, если иметь в виду дальнейшую профессиональную карьеру учащихся, их коммуникации в «большом» мире. Третья главная позиция в списке важных, требующих внимания дисциплин, — русский язык и литература, но их преподаванием в школе свыше 80% россиян как раз довольны. Значение этого предмета, настоятельность его преподавания связаны не с недостаточностью обращения к нему в школе, а с особой ролью в структуре коллективной идентичности россиян: таков один из центральных символов «нашего» достояния, предмет национальной гордости, поэтому его преподаванию следует уделять повышенное внимание.

Удовлетворенность образованием и проблемы сегодняшней школы. Уровень удовлетворенности российского населения имеющимся у него образованием довольно высок и за последние годы еще несколько вырос. Если в 2003 г. им были удовлетворены 56% населения, то в 2009-м — 62% (полностью удовлетворены в том и другом году — 28%). При этом удовлетворенность своим образованием у молодежи в настоящее время несколько ниже средней по стране — им довольны 58% опрошенных россиян 15–29 лет. Среди опрошенных с двумя высшими образованиями удовлетворенных подавляющее большинство — 93%. Отметим, что только в последней группе доля полностью удовлетворенных превышает долю «скорее удовлетворенных» (58 к 36%), тогда как в других подгруппах оценки сдвинуты

к более умеренным. Если рассматривать группу с двумя высшими образованиями как наиболее компетентную, то можно считать, что это и есть «экспертная» оценка нынешней образовательной системы в России. Поскольку из опросов молодежи мы знаем, что получаемым образованием довольны и большинство студентов (от 60 до 70%), то неудовлетворенность остальных можно, по-видимому, в большой мере связать с проблемами доступности высшего образования, особенно платного. Довольных полученным образованием больше среди москвичей и жителей крупных городов (соответственно 70 и 68%), но меньше — среди населения средних и малых городов (соответственно 58 и 57%). Удовлетворенность образованием выше там, где качественное образование более доступно в силу наличия крупных вузов и где благосостояние населения в среднем выше.

Неудовлетворенность полученным на настоящий момент образованием сильнее выражена в молодых возрастах, тогда как самые старшие максимально им довольны.

Несмотря на то, что среди городского населения и городской молодежи, а особенно в группе респондентов с двумя высшими образованиями относительно преобладают положительные оценки системы школьного образования в сравнении с развитыми европейскими странами и США, система преподавания в российских школах преимущественно получает у опрошенных среднюю оценку — «тройку». Здесь явно работает механизм защитного повышения самооценки при сравнении с Западом (символическое значение такого противопоставления для автоидентификации). Вне подобного контекста, сама по себе, российская школа оценивается заметно скромнее.

В оценках российского школьного образования, по сравнению с западным, «патриотические» оценки несколько больше присущи людям с относительно высоким потребительским статусом (42%, с низким — 32%), они же чуть выше среднего (20%) оценивают качество преподавания в школах. Но самыми рьяными сторонниками российского школьного преподавания выступают, как видно из предыдущих данных, респонденты с двумя высшими

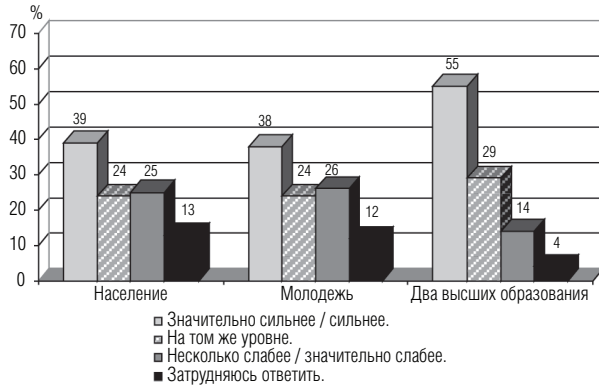
Таблица 7

ВЫ В ЦЕЛОМ ДОВОЛЬНЫ ОБРАЗОВАНИЕМ, КОТОРОЕ ИМЕЕТЕ? (в % к соответствующей группе опрошенных)

Вариант ответа	до 18 лет	18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55–60 лет
Да, вполне / скорее доволен	59	54	61	63	74
Скорее не доволен / совершенно не доволен	41	42	36	36	26
Затрудняюсь ответить	1	3	2	2	1

График 2

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ПО СРАВНЕНИЮ С РАЗВИТЫМИ СТРАНАМИ МИРА – США, АНГЛИЕЙ, ГЕРМАНИЕЙ, – РОССИЯ СИЛЬНЕЕ ИЛИ СЛАБЕЕ В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ? (в % от числа ответивших по столбцу)

образованиями. Вместе с тем они же дают самую критичную оценку качества преподавания в школах. Как нам представляется, это может, во-первых, говорить об известной поколенческой поляризации внутри данной группы. Около половины ее составляют респонденты в возрасте 25–39 лет, обладающие более высоким среднедушевым доходом и статусом, относительно многого добившиеся. По результатам исследования, посвященного изучению этой возрастной группы в крупных городах России, мы знаем, что ей присущ специфический тип адаптации к системе. На декларативном уровне принадлежащие к данной группе скорее поддерживают систему в целом, хотя вполне критически относятся к тому, как она реально функционирует, особенно если говорить о социальной сфере. Обладая большими материальными ресурсами и социальными связями, которые дает им достигнутый статус, они находят для себя обходные пути эффективного решения повседневных проблем, будь то собственное лечение или образование детей. В частности эта группа, судя по возрастному составу, уже имела возможности выбрать для своих детей лучшие школы, в том числе платные.

Сочетание высокой оценки российской школьной системы (по сравнению с западной) и весьма умеренной оценки качества преподавания и подготовки выпускников школ говорит о действии разных комплексов представлений. С одной стороны, это до сих пор распространенное в образованной среде поверхностное представление о превосходстве российского школьного образования перед западными школами, когда чаще всего сравниваются не школьные системы, а отдельные, в той или иной степени привилегированные российские школы

с обычными западными. С другой стороны, здесь явно работает механизм компенсаторного «патриотизма», характерный и для относительно высокостатусной молодой образованной среды, и для поколения их родителей.

График 3

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЮЮ СИСТЕМУ ПРЕПОДАВАНИЯ В ШКОЛАХ (ЛЮБЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ, ДАЮЩИХ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ)? (в % от числа опрошенных по столбцу)

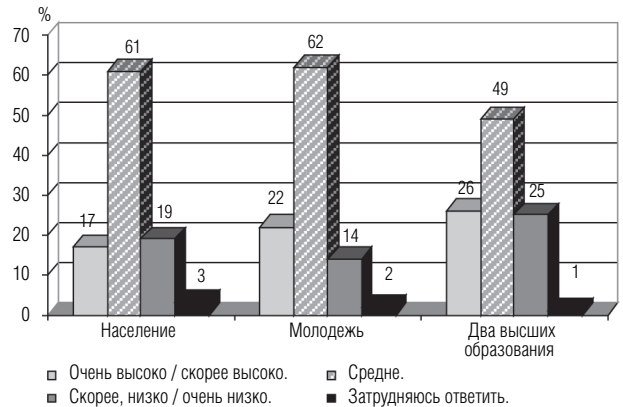

График 4

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИИ? (в % от числа опрошенных по столбцу)

График 5

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЮЮ СИСТЕМУ ПРЕПОДАВАНИЯ В ШКОЛАХ (ЛЮБЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ)? (в % от числа опрошенных по столбцу)

Таблица 8

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЮЮ СИСТЕМУ ПРЕПОДАВАНИЯ В ШКОЛАХ (ЛЮБЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ, ДАЮЩИХ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ)? (в % к соответствующей группе)

Вариант ответа	до 18 лет	18 лет–24 года	25 лет–39 лет	40 лет–54 года	55 лет и старше
Очень высоко / скорее высоко	28	19	19	14	9
Средне	57	63	63	60	55
Скорее низко / очень низко	14	16	15	23	28
Затрудняюсь ответить	2	2	3	3	6

Таблица 9

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ КАЧЕСТВО ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ РОССИИ? (в % к соответствующей группе)

Вариант ответа	до 18 лет	18 лет–24 года	25 лет–39 лет	40 лет–54 года	55 лет и старше
Очень высоко / скорее высоко	23	15	11	13	15
Средне	63	72	72	66	61
Скорее низко / очень низко	11	11	13	18	20
Затрудняюсь ответить	2	2	4	5	4

Городская молодежь в целом менее критична в оценках школьной системы, и по сравнению с данными опроса 2003 г. у нее отмечается даже некоторая тенденция к улучшению этих оценок.

Три четверти опрошенных россиян (и чуть меньше – 73% – опрошенной молодежи) считают, что российское государство выделяет сегодня на образование недостаточно бюджетных средств. С 2003 г. эта доля среди молодежи заметно снизилась: вклад государства как недостаточный тогда оценивали 89% опрошенных молодых людей.

Таким образом, расходы государства подавляющим большинством россиян оцениваются как недостаточные, хотя доля удовлетворенных этим вкладом среди молодежи за последние годы все-таки повысилась с 6 до 19%. Соответственно, нынешнюю систему преподавания в российских школах 22% опрошенной молодежи расценивают сегодня высоко и очень высоко (среди населения эта доля ниже – 17%).

Можно предположить, что соединение высоких оценок собственного образования с высокой же неудовлетворенностью роли государства в организации образования связано с устойчивым мнением большинства российского населения о том, что практически все государственные институты давно уже функционируют плохо и государство «недодает» людям, оно им «задолжало», не исполняет своего «долга». Сам феномен устойчивости подобных оценок – оборотная сторона завышенных патерналистских ожиданий большинства россиян от государства. С этим в немалой степени связаны массовые ощущения разочарования и обиды

на недостаточную «опеку» государства, хотя, конечно же, за данной неудовлетворенностью стоит и вполне реальная плохая работа всей социальной сферы, жилищно-коммунального хозяйства, институтов образования, медицинского обслуживания.

В чем состоит эта «плохая работа»? Покажем это на примере школьного образования. Россиян в целом и молодежь в частности сегодня меньше волнует «плохая материальная база школы», «плохие, устаревшие учебники». Гораздо более серьезной проблемой в данном плане они ощущают коммерциализацию школьного обучения, «высокую плату», «рост дополнительных денежных затрат» семьи на школьника, а с другой стороны – низкий уровень подготовки учителей. Самой же серьезной проблемой респондентам видится состояние самих учащихся – их незаинтересованность в учебе, низкая дисциплина.

Отметим, что ощущение резкой коммерциализации школьного обучения, несоразмерности платы за него низкому качеству получаемых в школе знаний и умений как серьезной проблемы за последние годы выросло.

Вместе с тем значимость ряда проблем современной российской школы за последние годы уменьшилась. Прежде всего это относится к массовой оценке распространенности девиантного поведения в школе – наркомании, преступности, которая сократилась весьма значительно. Ее высокая значимость для большинства в начале 2000-х гг., которая сохранилась сегодня в наиболее высокостатусной и образованной среде, говорила об обостренной чувствительности массового сознания к ситуа-

ции явного разложения системы школьного образования. Сегодня же при незначительном изменении ситуации в лучшую сторону, преобладании «точечных» или частичных мер государства по решению острых проблем школьного образования, но не системных изменений можно говорить о том, что большинство привыкли к социальной аномичности внутришкольной ситуации. К тому же остроту ощущений в данном случае сгладил общий рост удовлетворенности своей жизнью и происходящим в стране, которым была отмечена вторая половина 2000-х гг.

В целом мы фиксируем признаки пассивной адаптации большинства к наличной ситуации с образованием. Это выражается и в общем снижении остроты проблем материального обеспечения школ, низкого качества школьного образования. Кроме того, несколько ослабли критические оценки других школьных проблем («низкая дисциплина, распушенность учеников», «низкий уровень подготовки учителей, падение авторитета учителей у учеников», уста-

релость учебников и др.), хотя ранг их при этом практически не изменился. Напротив, несколько выросла значимость проблемы высоких расходов на школьное образование, и без того занимавшей высокое место, а также оценка несоответствия платы качеству преподавания. Высокий ранг проблемы платности обучения допустимо рассматривать как косвенное указание на углубление неравенства в доступе к качественному образованию – как среднему, так и высшему.

Усиление представлений о том, что у учеников отсутствует интерес к учебе – проблема, выдвинувшаяся сегодня на первое место, – представляется чрезвычайно важным и симптоматичным. В этом можно видеть массовое выражение неудовлетворенности качеством школьного преподавания и системой среднего образования, в наименьшей степени затронутого процессами дифференциации и качественной трансформации (что подтверждают и его весьма средние оценки, как уже говорилось, тяготеющие к «тройке»).

Таблица 10

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ШКОЛЫ КАЖУТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫМИ И ТРЕБУЮЩИМИ РЕШЕНИЯ В БЛИЖАЙШИЕ 5-10 ЛЕТ? (в % от числа ответивших по столбцу, ранжировано по опросу населения)

Вариант ответа	Население	Молодежь	Два высших образования
Отсутствие у учеников интереса к учебе	49	50	38
Рост дополнительных денежных затрат на обучение	40	39	36
Низкая дисциплина, распушенность учеников	38	35	35
Рост наркомании, преступности в школе	32	31	43
Низкий уровень подготовки учителей, падение авторитета учителей у учеников	30	26	44
Плохая материальная база школы (плохие, не отремонтированные здания; отсутствие/недостаток компьютеров; недостаток спортивного инвентаря)	26	25	24
Имущественное неравенство учеников	24	22	21
Необоснованные нововведения в школьном образовании (например, ЕГЭ и пр.)	24	25	40
Несоразмерность растущих дополнительных затрат и качества обучения	21	19	22
Низкое качество образования, невозможность из-за этого поступить в вуз, на хорошую работу	20	19	20
Плохая обеспеченность учебниками	15	17	8
Слабая специализация, отсутствие профессиональной подготовки учеников	11	12	18
Устаревшая система школьного образования	10	10	10
Плохое отношение учителей к ученикам, казарменные порядки в школе	9	10	12
Плохие, устаревшие учебники, не отвечающие современному уровню знаний	7	9	9
Затрудняюсь ответить	4	4	1

Наиболее радикальная оценка системы школьного образования как устаревшей, соответственно, требующей модернизации, характерна лишь для каждого десятого из опрошенных. В целом же полученная динамика оценок остроты проблем школьного образования свидетельствует о нарастании новой волны пассивно-адаптивного отношения россиян к происходящему в стране и повседневной жизни с характерным привыканием к существующим проблемам: они не решаются, не исчезают, но постепенно теряют остроту для массового сознания, которое в подавляющем большинстве поддерживает сложившийся социально-политический порядок без оговорок, не видя ему альтернативы. В данном случае можно говорить и о социальном эффекте пропаганды и официальной риторики, связанной с «национальным проектом» в области образования. Она сопровождалась по преимуществу точечными и частичными действиями, такими, как повышение зарплат учителям, обеспечение школ учебной литературой, улучшение матери-

альной базы и технического оснащения школ. По полученным данным видно, что эти меры распространились по стране неравномерно. Их эффект явно ослабевает от центра к периферии, что указывает на закрепление социального неравенства шансов получить качественное образование в крупнейших городах и на социальной периферии. Так, проблема денежных затрат, понятным образом, больше затрагивает жителей средних и малых городов, проблема имущественного неравенства учеников и их семей наиболее остра в малых городах. В то время как среди опрошенных москвичей лишь 14% указывает на плохую материальную базу школы и лишь 5% – на плохую обеспеченность учебниками, в средних и малых городах эту проблему отмечают уже, соответственно, 29 и 28% опрошенных. Отметим, что на плохую обеспеченность учебниками, их устарелость, как и на низкое качество образования, затрудняющего поступление в вуз, на необоснованность введения ЕГЭ чаще указывают опрошенные до 40 лет, сравнительно недавно закончившие школы

Таблица 11

КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ШКОЛЫ КАЖУТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫМИ И ТРЕБУЮЩИМИ РЕШЕНИЯ В БЛИЖАЙШИЕ 5–10 ЛЕТ? (в % от числа опрошенных в соответствующих замерах, ранжировано по первому опросу)

Вариант ответа	2003	2009	Разность
<i>Рост наркомании, преступности в школе</i>	54	32	-22
Отсутствие у учеников интереса к учебе	45	49	+5
Низкая дисциплина, распушенность учеников	42	38	-4
<i>Плохая материальная база школы</i>	42	26	-16
Низкий уровень подготовки учителей, падение авторитета учителей у учеников	36	30	-6
Высокая плата за обучение	34	40*	+6
<i>Низкое качество образования, невозможность из-за этого поступить в вуз, на хорошую работу</i>	30	20	-10
Имущественное неравенство учеников	24	24	0
Плохая обеспеченность учебниками	19	15	-4
Несоразмерность высокой платы с низким качеством обучения	17	21**	+4
Разрушение прежней системы школьного образования	13	-	-
Плохие, устаревшие учебники, не отвечающие современному уровню знаний	12	7	-5
Плохое отношение учителей к ученикам, казарменные порядки в школе	11	9	-2
Слабая специализация, отсутствие профессиональной подготовки учеников	8	11	+3
Устаревшая система школьного образования	-	10	-
Необоснованные нововведения в школьном образовании (например, ЕГЭ и пр.)	***	24	-
Затрудняюсь ответить	5	4	-1
Число опрошенных	1300	1500	

*Формулировка 2009 – «рост дополнительных денежных затрат на обучение».

**Формулировка 2009 – «несоразмерность растущих дополнительных затрат и качества обучения».

***Вариант ответа не задавался.

сами и имеющие детей в школьном возрасте. Самые молодые, 15–18-летние респонденты, старшеклассники и будущие абитуриенты, в два раза чаще среднего (17% при средней 9%) говорят о плохих отношениях между учителями и учениками, о казарменных порядках в школе как об острой, требующей незамедлительного решения проблеме.

Самое критичное отношение к средней школе характерно именно для москвичей, более благополучных в среднем, чем жители других городов, а главное — имеющих больший выбор в получении школьного образования, обладающих некоторыми представлениями о его возможной дифференциации, соответственно, имеющих опыт и знания, которые позволяют им делать сравнения и более критично оценивать ситуацию. Так, на отсутствие интереса учеников среди москвичей указывают 62% при средней 49%; на низкий уровень подготовки учителей, падение авторитета учителей у учеников — 37% (в малых городах — 24%); на низкое качество образования — 26% москвичей (среди жителей малых городов — 19%); критикуют введение ЕГЭ 32% москвичей (в среднем по городскому населению — 24%).

Такие же тенденции видны и в опросе городской молодежи. Низкая обеспеченность учебниками, их устарелость, плохая материальная база чаще всего указываются молодыми респондентами, живущими в малых городах, тогда как среди московской молодежи неудовлетворенность по этим поводам самая низкая. Молодые москвичи чаще других говорят об отсутствии интереса к учебе (66% при средней 49%), низком уровне подготовки учителей и падении их авторитета (38%, в малых городах — 21%), низком качестве образования (27%, в малых городах — 15%), плохих отношениях между учителями и учениками, казарменных порядках (15% при средней 9%).

Итак, проблема качества получаемого в школе образования, и особенно модернизации школы не является центральной, наиболее острой для большинства населения, хотя массовые оценки качества преподавания и подготовки выпускников школ, как уже говорилось, явно тяготеют к «тройке». Наиболее критичной здесь выступает группа опрошенных с двумя высшими образованиями, но и в этой подгруппе лишь каждый десятый считает российскую школу устаревшей, т. е. требующей модернизации; примечательна и удовлетворенность в этой группе качеством учебников. Вместе с тем об-

ращает на себя внимание то, что именно в данной, наиболее квалифицированной группе особенно высока тревога из-за распространения наркомании и преступности среди подростков. Это говорит о том, что состояние школы в качестве института, в качестве определенной и воспроизводящейся системы отношений воспринимается «экспертной» подгруппой, более продвинутой, привилегированной или состоятельной средой общества как аномичное.

Однако, как мы видели, городское население страны в целом, отвечая на данный вопрос, тоже косвенным образом фиксирует процесс разложения школы как социального института, разложения самой системы школьного образования — разрыв позитивных связей между учениками, между учениками и учителями, низкий уровень тех и других, отсутствие положительной мотивации к преподаванию/обучению, наконец, разрыв между школой и жизнью (непомерно высокие для многих коммерческие запросы школ при низком уровне предоставляемых ими образовательных услуг, которые не дают возможностей ни для дальнейшей учебы, ни для получения достойной работы).

Запрос на повышение образования и предполагаемые функции вузовского обучения. В целом подавляющее большинство опрошенных в 2009 г. считают высшее образование необходимым для молодежи — таково мнение 87% городского населения и 89% самих молодых горожан 15–29-ти лет. При этом представления о функциях учебы в вузе — достаточно бедные в смысле их разнообразия и очень прагматичные по смыслу. Главное в них — без высшего образования не найдешь хорошо оплачиваемой работы (мотив — хорошая оплата; он основной и заметно превосходит все другие); без него не сделаешь карьеры (мотив — хорошая карьера); без него не станешь специалистом в избранной области профессиональной деятельности (мотив — хорошая специализация). Эти функции/мотивы учебы в вузе объединяют свыше половины опрошенных россиян в целом и молодежи в частности. Иными словами, это так называемое «общее мнение», устойчивые нормы поведения и суждения, анонимные стереотипы «того, как надо», «того, что есть на самом деле». Остальные пункты несопоставимы с ними по значимости и характеризуют разрозненные, не консолидированные мнения отдельных мелких групп респондентов (табл. 12, можно было выбрать несколько позиций, они ранжированы по убыванию значимости).

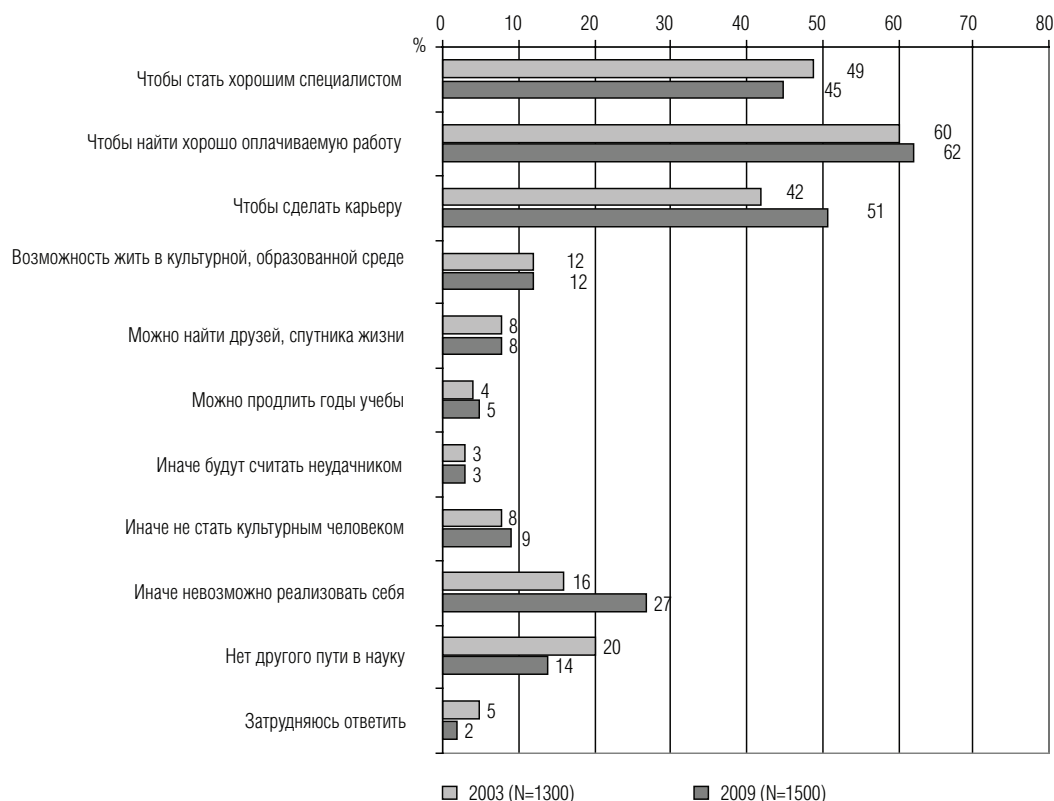
Отметим, что по основным позициям мнения российского населения достаточной устойчивы и не изменились за последние несколько лет — мы здесь действительно имеем дело с

устоявшимися коллективными нормами. Сравним распределение соответствующих ответов по близкому по смыслу вопросу в исследованиях 2003 и 2009 гг.

Таблица 12
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И МОЛОДЕЖИ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
Без высшего образования не найдешь хорошо оплачиваемой работы	62	61
Без высшего образования не сделаешь карьеры	51	52
Без образования не станешь хорошим специалистом в выбранной области	45	44
Высшее образование дает возможность реализовать, осуществить главные устремления в жизни	27	27
Без высшего образования невозможно заниматься наукой	14	12
Учеба в вузе дает возможность жить среди образованных, культурных людей	13	11
В институте можно найти хороших друзей, спутника/спутницу жизни	9	10
Без высшего образования нельзя стать культурным человеком	9	8
В вузе можно продлить годы учебы, пожить студенческой жизнью	5	4
Без высшего образования люди моего круга будут считать меня неудачником	3	4
Затрудняюсь ответить	2	2

График 6
ЗАЧЕМ СЕГОДНЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО НУЖНО ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании, можно было выбрать несколько ответов)

За основным мотивом получения высшего образования, да и за пониманием «хорошего образования», «хорошей работы», стоит, как уже говорилось, чрезвычайно высокое значение денег в нынешних мнениях и оценках практически всех групп российского населения. В теме ценностей и денег как главной ценности существуют два момента: то, что деньгам практически во всех группах населения приписывается самая большая ценность и что эта ценность значима для них в особой модальности дефицита – того, чего нет или очень не хватает. Дело тут не просто в соответствующей форме вопроса («Чего... не хватает?»). По данным других исследований Левада-Центра последнего времени, сбережения есть не более чем в 18% российских семей, и сбережения эти небольшие, в скромных масштабах одной крупной покупки, ремонта жилья и т. п. Приблизительно такова же доля людей, которые смогли за последние годы добиться для себя и семьи «достойного уровня материального благополучия». Зато примерно вдвое больше семей, которые в настоящее время кому-то должны. Те из россиян, кто «ничего не имеет против людей, получающих миллионы», как были 20 лет назад, так и по нынешний день остаются меньшинством: в 1989 г. их было 9%, в 2008-м стало 13%. Доля же инициативных людей, готовых «начать собственное дело, ведя его на свой страх и риск», еще меньше, она за 20 лет и вовсе не изменилась – это по-прежнему 7-8% взрослого населения России.

В этом плане можно сказать, что сверхвысокая и внеконкурентная значимость денег относится к мифологии «бедного» общества. Речь не столько о нехватке денег, хотя и их в большинстве случаев тоже, сколько о дефиците ценностей, их разнообразия и выбора, сложности социальных связей, смысловых ориентиров, культурных посредников (деньги – лишь один из них). А это значит, что речь идет о мифологии фрагментированного, раздробленного, расколотого общества, которое резко разделено по осям власти и богатства и в котором между разными группами (социальными, статусными, профессиональными, этническими, кроме самых близких родственников, в которых объединены люди, так или иначе равные друг другу) воздвигнуты сильнейшие социальные барьеры. Именно поэтому «деньги» в подобном обществе есть в достатке практически всегда не «у нас», а у каких-то «других», неблизких нам и к нам недружественных. Отсюда же идет и мифология всеобщей коррумпированности в современном российском обществе при, конечно, боль-

ших, но все же не астрономических масштабах реальной коррупции и ее далеко не тотальном характере. Объединяющая все группы россиян мифология денег парадоксально соединяется в коллективном сознании с пониманием денег как начала, разрушающего социальное целое и обещающего дальнейшее разделение между верхами и низами в будущем, – точка зрения, характерная для большинства российского населения и его по преимуществу уравнилельных представлений об обществе. Функция подобных мифов защитная, т. е. еще усиливающая барьеры между разными группами, и компенсаторная, иначе говоря, консервирующая, увековечивающая подобные барьеры.

Соответственно, по сравнению с 2003 г., все большая часть и городского населения России в целом, и особенно городской молодежи стала настаивать на необходимости именно бесплатного образования, тогда как шесть лет назад большинство молодежи допускало сочетание платности с бесплатностью.

График 7
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ ДОЛЖНО БЫТЬ...
(в % от числа опрошенных)

Изменились, конечно, не только оценки – другой стала реальная ситуация. В 2003 г. большинство студентов из опрошенной молодежи (61%) учились на бесплатной основе, 36% – на платной, сегодня большинство (51%) учатся на платной основе 48% – на бесплатной.

Важно и еще одно: почти половина опрошенных (44%) считают для себя достаточным образование ниже вузовского – от начального до среднего специального. За последние годы эта доля несколько снизилась, но все же она весьма высока.

Среди молодежи доля ограничивающих себя образованием ниже вузовского составляет 33%. Таким образом, при высоких всеобщих оценках необходимости высшего образования, о которых говорилось раньше, поступать в вуз соби-

раются явное меньшинство нынешней российской молодежи – 26% опрошенных горожан в возрасте 15–29 лет. Самые значимые мотивы отказа от намерений продолжать образование после школы – недостаточность знаний, отрезающая перспективу возможного поступления (25% от числа заявивших, что они не собираются поступать в вуз), и недостаточность связей и денег, которая, по мнению избравших этот ответ, не даст возможности поступить (мнение 20% не намеревающихся поступать в вуз).

Таблица 13
КАКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ ДОСТАТОЧНЫМ ДЛЯ СЕБЯ, ДЛЯ ТАКИХ ЛЮДЕЙ, КАК ВЫ?

Уровень образования	2003	2009
Менее 7–8 классов	3	Менее 1
8–9 классов	6	2
10–11 классов	10	9
ПТУ	9	8
Техникум, ССУ	25	25
Вуз	36	44
Два вуза	4	7
Аспирантура	2	1
Колледж или университет за рубежом	Менее 1	Менее 1
Затрудняюсь ответить	6	3
Число опрошенных	1300	1500

Выбор вуза, подготовка, учеба. Наиболее значимые мотивы выбора вуза относятся прежде всего к содержанию образования и к прагматике его использования:

– здесь лучше всего преподают избранную респондентом специальность (29% намеревающихся поступать в вуз);

– диплом данного вуза позволит получить хорошую работу (28%).

Немаловажную роль при выборе вуза играет совет друзей, знакомых (он значим для каждого пятого из собирающихся поступать): помимо рекомендации данного вуза, он обещает некий круг «своих» среди будущих учащихся, что облегчает новичку адаптацию к еще непривычным условиям. Для 12% выбранный ими вуз вообще единственный, где они хотели бы учиться. Отметим, что отсутствие серьезного конкурса (легкость поступления) или ориентация просто на диплом о высшем образовании как таковой (любой), равно как наличие военной кафедры, освобождающей от воинского призыва, – из наименее значимых мотивов поступления в выбранный вуз, их назвали соответственно 5, 4 и 2% тех, кто собираются поступать в вузы.

Каждый четвертый из молодых людей, собирающихся поступать в вуз, дополнительно готовится к поступлению: половина из готовящихся дополнительно (48%) занимаются самостоятельно по расширенной программе, 31% занимаются с частными преподавателями, 26% берут дополнительные уроки у педагогов из своей школы (по большей части – за плату), 19% посещают подготовительные курсы в выбранном вузе.

89% молодых людей, уже студентов, поступили туда, куда хотели. Треть из четырех поступивших в вузы хватило знаний, полученных в учебных заведениях, дающих среднее образование. Половине непоступивших не хватило школьного объема именно тех знаний, которые были профильными для выбранного вуза; вдвое меньше оказалось тех, кому не хватило общих знаний.

40% поступивших избрали данный вуз из интереса к специальностям, которые он дает, 24% – за то, что набор специальностей в нем обещает интересную работу, еще 24% – за то, что набор специальностей в нем востребован на рынке труда, 17% – по совету родителей, 16% – из-за небольшого конкурса и относительной легкости поступления, 15% – по совету друзей и знакомых, 12% – в уверенности, что выбранная специальность гарантирует им позднее высокооплачиваемую работу.

51% молодых людей, поступивших в вуз или в нем отучившихся, довольны своим вузом, 42% – чем-то довольны, чем-то не удовлетворены. Совершенно не удовлетворены своим вузом лишь 4% поступивших или выпускников. Причины удовлетворенности вузом – их можно было назвать несколько – прежде всего относятся к общему качеству обучения (для 47% молодых людей, учащихся или недавно отучившихся в вузе); высокому профессионализму преподавателей (31%); интересным курсам, семинарам (19%). Другая группа причин позитивной оценки – социальная среда обучения, ощущение принадлежности к группе, слюю: появление друзей, компании близких людей (27%), творческое окружение, стимулирующая атмосфера (16%), возможность жить студенческой жизнью (16%). Третий компонент удовлетворенности – перспектива хорошего диплома, с которым можно рассчитывать на определенную работу, должность (34%).

Причины неудовлетворенности вузом в основном группируются вокруг невозможности для студента активно воздействовать на процесс собственного обучения (16%), на набор

интересных учащемуся спецкурсов и спецсеминаров (15%; 83% нынешних и бывших студентов указали, что обучение в их вузе строится только на обязательном посещении общего для всех набора лекций и семинарских занятий), на невозможность повышать качество обучения за счет стажировки за рубежом (21%). Кроме того, 17% молодежи, учащейся или недавно отучившейся в вузах, — каждый шестой — недовольны малым размером стипендии или вовсе отсутствием ее.

Однако в целом нельзя сказать, что большинство учащихся или недавно отучившихся в вузах молодых россиян по максимуму использовали имевшиеся в их вузе возможности повысить качество своего обучения, проявить себя более активными и целеустремленными студентами. Например, среди тех, у кого была возможность, помимо общей программы, посещать другие курсы и семинары, ею воспользовались 40%. 37% подключились к программам дистанционного обучения. 32% создавали дискуссионные клубы, семинары, группы для обсуждения интересных им тем и проблем. Еще меньшее число студентов (29%) использовали возможность посещать интересные для них курсы и семинары в других вузах. Примерно таков же уровень участия студентов в вузовской научной жизни — в ней хотя бы время от времени участвуют или участвовали 28% учащихся или недавно отучившихся в вузах, и лишь каждый восьмой из них был вовлечен в эту деятельность постоянно.

С одной стороны, возможности активизировать обучение и расширить круг собственных занятий у студентов, по их оценкам, не так велики (у 40–60% учащихся или отучившихся в вузах таких возможностей попросту не было); с другой стороны, даже имеющиеся здесь возможности используются лишь третью студентов. 59% учащихся или недавно отучившихся в вузе молодых людей признают, что ничего не делали для того, чтобы получить более углубленные знания, дополнительную квалификацию по той специальности, которой обучались; лишь один из десяти посещал дополнительные курсы по избранной специальности, один из четырех самостоятельно набирал дополнительные знания, читая специальную литературу. Характерно, что студенты оценивают степень заинтересованности своих однокурсников качеством образования, их активности в обучении столь же невысоко: лишь 32% учащихся или отучившихся в вузах молодых горожан России видят или видели в своих сотоварищах по вузу интерес к учебе,

поиск качественного образования, а по мнению 56%, главное для их коллег — просто получить диплом как таковой.

При этом больше половины (52%) учащихся или недавно отучившихся молодых россиян уверяют, что важно получить высокий уровень знаний, а не просто диплом об окончании вуза. И девять из десяти (87%) нынешних или недавних студентов, по их словам, удовлетворены знаниями, которые они получают или получили в вузах. Здесь можно говорить, с одной стороны, о достаточно низкой активности студентов при получении высшего образования, слабой установке на его качество и подъем этого качества собственными силами, имевшимися в их распоряжении средствами, с другой — о весьма высокой удовлетворенности вузом, преподавательским составом и получаемыми знаниями (при низкой собственной активности, а стало быть, при сниженных запросах к качеству получаемых знаний, все эти моменты связаны друг с другом), с третьей же — о значительном расхождении между оценками собственных образовательных ориентаций, предпринятых усилий, полученных в вузе результатов и оценками соответствующих параметров поведения однокашников. Расхождение трех названных осей оценки заставляет нас предполагать, что в сознании респондентов есть скрытый, неотрафлексированный конфликт между образовательными запросами (в основном достаточно общими и смутными) и реальностью системы высшего образования, учебы в конкретных вузах среди конкретных людей. Этот разрыв — именно потому что он не продуман, конфликт не разрешен и уроки из него не извлечены — ведет к двойным стандартам оценки, компенсируется декларативной удовлетворенностью собственным поведением (компенсаторным повышением самооценки) и столь же декларативной неудовлетворенностью поведением соучеников (переносом недовольства на ближайшее окружение).

Рассмотрим проблему удовлетворенности высшим образованием более подробно. Вот каков уровень удовлетворенности различными сторонами обучения в вузе, где учатся или недавно учились молодые россияне (приводится суммарный процент тех, кто дали высокие и самые высокие оценки, и средний балл по пятичленной шкале):

преподаватели — 72 (3,92),
качество профессионального обучения —
68 (3,82)
престижность вуза — 61 (3,77),

информационная и техническая оснащенность – 58 (3, 68),
 подготовка студентов к практической деятельности – 51 (3, 51)
 возможности профессиональной практики – 47 (3, 37),
 возможность хорошего трудоустройства – 39 (3,28).

Получается, что при общей высокой удовлетворенности престижем и оснащенностью вуза, своими знаниями и дающими их преподавателями (характеристики, которые дает преподавателям абсолютное большинство студентов, вообще исключительно положительные – соотношение суммы позитивных и негативных оценок 7:1), студенты слабо подготовлены к практической деятельности после окончания учебы, они имели мало возможностей профессиональной практики и не могут уверенно рассчитывать на хорошее трудоустройство. Иными словами, мы, теперь уже на другом уровне, снова сталкиваемся с серьезным разрывом между «школой» и «жизнью», о котором говорилось выше.

Характерно, что лишь 16% нынешних или бывших студентов имеют или имели в период учебы представление о предприятии, фирме, где они будут работать. 70% либо не представляли себе этого вовсе, откладывая решение проблемы на будущее, либо представляли сферу будущих занятий лишь в общих чертах. Один из результатов такой неподготовленности – факт, что по специальности, полученной в вузе, работают меньше половины выпускников вузов (49%), остальные либо никогда не работали по полученной специальности, либо оказались вынуждены ее поменять, поскольку были не удовлетворены зарплатой, не имели шансов найти работу, разочаровались в своей специальности.

Оценки вузовского обучения и системы высшего образования. Качество профессиональной подготовки студентов в вузах России население и молодежь оценивают по преимуществу как среднее (хотя и несколько выше, чем подготовку выпускников школ).

При сравнении качества преподавания положительные оценки западных вузов и университетов преобладают заметнее, чем при общих и, как уже говорилось, во многом декларативных, компенсаторных оценках суммарного «преимущества» российского образования, по сравнению с западным. То, что респонденты с двумя высшими образованиями оценивают российские вузы и их выпускников выше сред-

него, мы склонны объяснять большей доступностью для них качественного образования, их собственными достижительскими ориентациями, а также компенсаторным патриотизмом адаптированного слоя квалифицированной, достаточно успешной и в значительной части еще молодой среды. Среди всего опрошенного городского населения оценки куда скромнее (здесь выше доля затруднившихся, в основном это менее образованные и компетентные респонденты). Ниже всего они опять-таки среди москвичей.

График 8
КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАСКОЛЬКО ВЫШЕ КАЧЕСТВО ПРЕПОДАВАНИЯ В ЗАПАДНЫХ ВУЗАХ В СРАВНЕНИИ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ВУЗАМИ ТОГО ЖЕ ПРОФИЛЯ, УНИВЕРСИТЕТАМИ? (в % от числа ответивших в соответствующих группах)

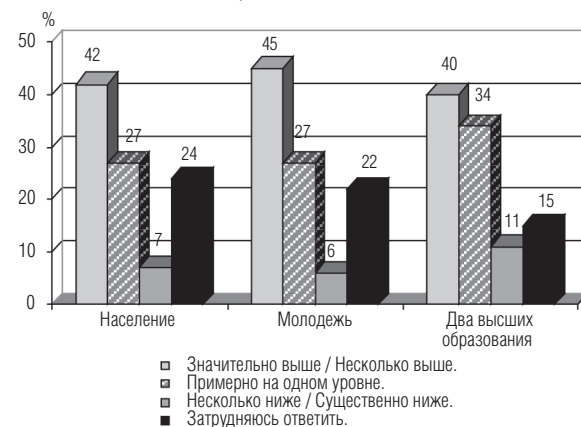

График 9
КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ КАЧЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ? (в % от числа ответивших в соответствующих группах)

подавляющее большинство опрошенных всех подвыборок – особенно респонденты с двумя высшими образованиями – считают, что качество преподавания в столичных вузах выше и значительно выше, чем в региональных.

График 10
КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОЦЕНИВАЕТЕ НЫНЕШНЕЕ КАЧЕСТВО ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ? (в % от числа ответивших в соответствующих группах)

График 11
КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, НАСКОЛЬКО ВЫШЕ КАЧЕСТВО ПРЕПОДАВАНИЯ В СТОЛИЧНЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ, В СРАВНЕНИИ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВУЗАМИ? (в % от ответивших по столбцу)

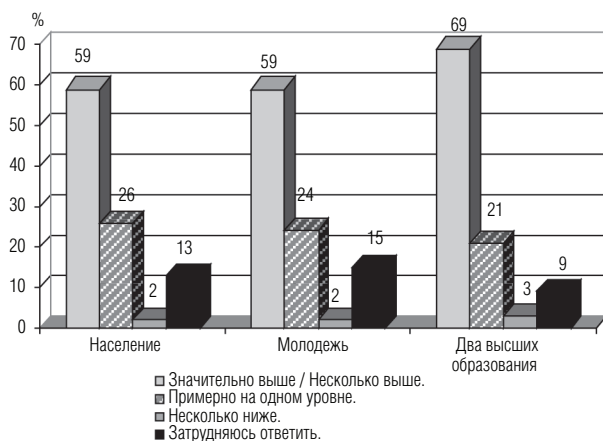

Таблица 14
ОЦЕНКИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вариант ответа	2003, N=2000		2009, N=1500	
	Отношение положительных ответов к отрицательным	Коэффициент позитивности	Отношение положительных ответов к отрицательным	Коэффициент позитивности
Дает хорошие специальные знания	51:24	2,125	77:16	4,8
Дает широкий кругозор	43:27	1,59	58:29	2,0
Позволяет реализоваться наиболее одаренным	45:32	1,4	67:22	3,04
Дает возможность хорошей работы	37:47	0,79	53:39	1,36
Соответствует стандартам Западной Европы и США	16:41	0,39	30:41	0,73
Дает равные возможности всем бесплатно учиться	10:76	0,13	22:71	0,31

Оценки различных социально-демографических групп почти не расходятся. Выделяются как среди городского населения в целом, так и среди городской молодежи только москвичи, которые оценивают преподавание в столичных вузах и университетах еще выше, чем остальные (позитивные оценки, соответственно, 67 и 68% при средних 59%).

При этом россияне – и городское население в целом, и городская молодежь – высоко оценивают отдельные стороны российской системы высшего образования. Так, по оценкам большинства, она дает возможность получить хорошую работу (так считают 53% населения, 57% молодежи 15–29 лет); дает широкий кругозор, общее знание мировой культуры (58 и 62% соответственно); позволяет реализоваться наиболее одаренным (67 и 71%); дает хорошие специальные знания (мнение 80% населения и молодых россиян).

Более того, оценки всех сторон системы высшего образования в России за последние годы повысились, причем по некоторым позициям очень значительно.

Но, несмотря на улучшение всех оценок, по мнению подавляющего большинства опрошенных, нынешняя система вузовского образования в России не дает равных возможностей получить образование бесплатно. Так считают 71% россиян в целом и 67% молодых россиян, в частности.

В сравнении с Россией, качество преподавания в вузах развитых стран Запада (США, Германии, Великобритании и др.) респонденты, в особенности молодые, оценивают как более высокое.

Таблица 15

СРАВНЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗАХ РОССИИ И ЗАПАДА (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
Выше	41	46
На том же уровне	27	27
Ниже	7	6
Затрудняюсь ответить	25	21

По оценкам большинства опрошенных, нынешняя система высшего образования в России не соответствует западным образовательным стандартам.

Таблица 16

ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
Определенно и скорее соответствует западным образовательным стандартам	30	32
Определенно и скорее не соответствует западным образовательным стандартам	41	39
Затрудняюсь ответить	29	29

Наиболее важно здесь то, что российская вузовская система слабее западной в подготовке специалистов именно тех профессий, которые россияне считают самыми лучшими для молодых людей и в наибольшей степени обещающими хорошие деньги (табл. 17, без указания затруднившихся с ответом).

Поэтому наиболее серьезной проблемой высшего образования, требующей решения в ближайшие годы, 67% взрослого населения и 69% российской молодежи считают высокую плату за обучение (вариант того же ответа – неравенство в доступе к высшему образованию, ущемление бедных или провинциальных абитуриентов, на этот момент указали 25% населения и 23% молодежи). В косвенном виде здесь находит выражение спрос на более качественное образование, которое в нынешних условиях связывается с необходимостью серьезных финансовых вложений, а их у большинства населения и молодых россиян по-прежнему нет. Такая, **негативная** форма признания и демонстрации значимой ценности – через чувство дефицитности и неудовлетворенности, смутной обеспокоенности данным положением дел – в высшей степени характерна для российского общества как хронически «бедного» социума

(в том социальном и культурном смысле, о котором говорилось выше).

Таблица 17

В СРАВНЕНИИ С ЗАПАДОМ РОССИИ... (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Молодежь
в области высшего естественнонаучного образования		
сильнее	31	31
на том же уровне	27	27
слабее	23	25
в области высшего технического образования		
сильнее	37	36
на том же уровне	25	26
слабее	22	23
в области высшего гуманитарного образования		
сильнее	32	32
на том же уровне	28	27
слабее	21	23
в области высшего экономического образования		
сильнее	22	22
на том же уровне	26	28
слабее	35	34
в области высшего юридического образования		
сильнее	20	22
на том же уровне	27	25
слабее	35	34

Как видим, в понимании острых проблем высшего образования согласованность мнений ниже, чем в случае школьного обучения. В данном случае с большим отрывом лидирует проблема высокой платы за обучение. Это понятно, если учесть интенсивный рост за минувшие годы числа платных мест и бурный рост размеров платы, особенно в сильных и престижных вузах. С этими моментами связана и вторая по значимости проблема – новое неравенство в доступе к высшему образованию, ущемление прав менее обеспеченных или провинциальных абитуриентов. 57% работающего городского населения, у которого в последние годы возникла необходимость в дополнительном образовании, были вынуждены от него отказаться, поскольку у них не хватало на него денег; среди работающей молодежи были вынуждены в последнее время отказываться от возможности повысить образование 46%. Высокая плата за образование чаще всего называется среди наиболее серьезных проблем самой молодой группой нынешних и будущих абитуриентов (74% при средней 67%), жителями малых городов (74%), тогда как возникающее неравенство иму-

шественных шансов чаще упоминается самой старшей и наименее обеспеченной возрастной группой, к тому же привычно ориентированной на уравнилельные стандарты советской идеологии и пропаганды, а потому острее реагирующей на проявления социального неравенства. Среди столичной молодежи проблема высокой платы наименее значима в сравнении с жителями других городов (51%), менее значима для них и для жителей крупных городов, также имеющих больший доступ к крупным вузам и университетам, и проблема социального неравенства, возникающая из-за высокой платы за образование. Разрушение советской системы

бесплатного образования занимает относительно высокий ранг (6 позиция), но упоминается реже, чем каждым пятым опрошенным. Более острой эта проблема видится пожилым россиянам, здесь ее отмечают 26%. Но в целом большая часть населения видит главные проблемы высшего образования не столько в его качестве, сколько в доступности.

Интересно, что довольно явно выражена в ответах и прагматическая ориентация в оценках проблем высшего образования – неконвертируемость дипломов большинства отечественных вузов в мире, несоответствие преподаваемых предметов требованиям рынка труда. На этот

Таблица 18

КАКИЕ СЕГОДНЯШНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ КАЖУТСЯ ВАМ НАИБОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫМИ И ТРЕБУЮЩИМИ РЕШЕНИЯ В БЛИЖАЙШИЕ 5-10 ЛЕТ? (в % от ответивших по столбцу, ранжировано по опросу населения)

Вариант ответа	Население	Молодежь	Два высших образования
Высокая плата за обучение	67	69	50
Неравенство, несправедливость в доступе к высшему образованию – ущемление бедных или провинциальных абитуриентов	25	23	25
Неконвертируемость дипломов большинства отечественных вузов в мире	23	20	33
Несоответствие набора преподаваемых предметов требованиям рынка труда	19	17	31
Коррупционированность административно-преподавательского состава	19	19	22
Разрушение советской системы бесплатного высшего образования	19	15	20
Невозможность самому студенту определять, какие предметы, у каких преподавателей и в каком объеме изучать	17	18	23
Слабая материально-техническая база вузов	17	15	20
Низкий уровень качества образования в российских вузах, по сравнению с мировым уровнем	15	13	16
Отсутствие ответственности преподавателей перед студентами	16	16	19
Низкий культурный уровень учащихся, их слабая заинтересованность в качественном образовании	16	15	22
Недостаточно специальных курсов, преобладают общие	13	13	22
Отсутствие развитой практики приглашения иностранных преподавателей	10	9	17
Слабая связь между качеством преподавания, авторитетом преподавателя среди студентов и коллег и размером зарплат	10	10	17
Крайняя поверхностность и формализм, догматизм в преподавании	8	7	12
Внедрение в высшую школу образцов западной культуры, не совместимых с российскими национальными традициями	8	8	14
Низкий профессиональный уровень преподавателей	7	5	11
Избыточный госконтроль над вузами, давление стандартизации преподавания	5	5	5
Необеспеченность студентов учебной литературой	5	6	3
Устаревшие, идеологизированные или конъюнктурные учебники и пособия	6	6	6
Отсутствие реального студенческого самоуправления	2	3	2
Затрудняюсь ответить	6	8	3

отрыв российских вузов от мира и от реальной практики значительно чаще среднего указывает наиболее компетентная, профессиональная и потенциально мобильная группа респондентов с двумя высшими образованиями.

Как ни удивительно, проблема коррумпированности вузов, постоянно находящаяся на слуху и тиражируемая средствами массовой информации, упоминается менее чем каждым пятым из опрошенных; причем чаще это делают москвичи в целом (25%) и молодые москвичи (26%). Возможно, коррумпированность для многих не полностью отделяется от самой платности образования – последняя часто воспринимается как проявление скрытой коррупции, а в реальности нередко и является таковой.

В десятку проблем, требующих скорейшего разрешения вошли и те, что действительно затрагивают серьезнейшую общую задачу необходимой реформы и модернизации системы, подъема качества высшего образования. С одной стороны, это проблема отставания российских вузов от мировых по качеству образования, которая несколько чаще упоминается москвичами (19%), а также представителями старших поколений (19%). С другой – отсутствие ответственности преподавателей перед студентами за качество преподавания (16% в среднем); особенно остро эта проблема воспринимается москвичами (29%), прежде всего, молодыми москвичами (39%!). Примерно каждый десятый из них отмечает и относящиеся сюда же аспекты низкого профессионального уровня преподавателей (соответственно 11 и 10%), а также их догматизм, поверхностность и формализм (соответственно 12 и 11%).

Другая, связанная с качеством обучения и преподавания проблема, также вошедшая в «десятку», – это невозможность для студентов свободно выбирать предметы и преподавателей (в среднем 17%, среди респондентов с двумя высшими образованиями – 23%, среди молодых москвичей – также 23%). Однако тесно связанные с этим чрезмерный контроль государства над вузами, стандартизация преподавания осознаются как проблема лишь 5% опрошенных и опять-таки острее всего – москвичами и московской молодежью (по 9%). Массовому сознанию более важной представляется – традиционная для советской системы – слабая материально-техническая база вузов, сегодня эта проблема более существенна для периферии.

Способы улучшить нынешнюю систему высшего образования в России в первую очередь связаны для респондентов с развитием

современных информационных ресурсов вузов (мнение 88% населения и 89% молодежи); с созданием механизмов ответственности преподавателей перед студентами за качество преподавания (по 78%); с расширением для студентов свободы выбора преподаваемых предметов, спецкурсов (75 и 78%); наконец, с созданием механизмов конкуренции между преподавателями за студентов, а значит, за качество преподавания (57 и 54%).

Одним из механизмов усиления ответственности преподавателей за качество их работы и вместе с тем механизмов обратной связи между преподавателями и учащимися является, например, практика оценки преподавателей студентами: она получила одобрение абсолютного большинства опрошенных (70% населения и 74% молодежи).

Заметно менее важна для опрошенных такая сторона необходимого реформирования нынешней вузовской системы как развитие самоуправления вузов (его сочли важным 44% россиян в целом и 46% молодежи, в частности). Учитывая крайнее недовольство россиян явно недостаточным, по их оценкам, участием государства в организации и школьного, и вузовского образования в России, можно понять, что и такая мера, как «ограничение государственного контроля над вузами, учебными стандартами», не представляется российскому населению существенной для улучшения вузовской системы: важным этот момент считают 39% опрошенных, неважным – 38%, т. е. мнения разделились поровну. Для молодежи эта стороны дела (и, соответственно, расширение независимости вузов) несколько более значима: ее считают важной 40% россиян 15–29-летнего возраста, неважной – 34%.

Ориентация на продолжение вузовского образования. Считают для себя недостаточным одно высшее образование и видят необходимость в продолжении учебы в высшей школе 8% российских горожан в целом, 13% городской молодежи. В прожективном плане – для детей, внуков – установки на продолжение образования за пределами одного высшего выражены сильнее: 18% россиян считают нужным, чтобы их дети, внуки имели образование сверх высшего, среди городской молодежи такое пожелание высказывают 21% опрошенных.

Реально получают или уже получили второе высшее образование 6% российских горожан с вузовским образованием и 4% городской молодежи, считая от числа тех, кто учится или уже

отучился в вузах (10% от молодежи, уже имеющей один вузовский диплом). Еще 12% учащихся или отучившихся в вузе горожан России и 19% учащейся или отучившейся в вузе городской молодежи хотели бы, по их словам, закончить второй вуз (23% от тех, кто один вуз уже закончил).

Ведущим мотивом тех, кто имеет или получает вузовское образование, но не собирается поступать во второй вуз, выступают: удовлетворенность тем образованием, которое они имеют (38% молодежи, 40% среди всего населения); желание или необходимость начать работать, а уже потом так или иначе решать вопрос о возможном повышении образовательного и квалификационного уровня (20%).

Каждый четвертый в данной подгруппе не думает о повышении образования, поскольку не имеет на него денег и вынужден идти работать по личным или семейным обстоятельствам.

Ведущие стимулы к поступлению во второй вуз: желание иметь больше возможностей для устройства на хорошую работу (43% молодежи, имеющей, получающей или желающей получить второе образование, 54% — среди соответствующей подвыборки всего городского населения); престижность обладания в настоящее время двумя дипломами (28% от соответствующей подгруппы в городском населении страны, 22% — от соответствующей подгруппы среди городской молодежи).

подавляющая часть получивших и получающих второе образование или ориентированных на него поступала или предполагает поступить для этого в другой вуз (72% — от соответствующей группы в населении страны, 65% — от соответствующей группы молодежи). Но для 80% речь при этом идет не просто о другом вузе, но и о другой сфере занятий, иной специальности. Четверть молодых людей в данной подгруппе, имеющих за плечами один вуз и учащихся либо собирающихся учиться во втором, предпочли бы при возможности свободного выбора, дополнять и совершенствовать свое образование за рубежом.

Большинство городского населения России и российской городской молодежи получают или хотели бы получить второе высшее образование в заочной форме. Таковы установки 63% городского населения, ориентированного на второе высшее образование, и 77% горожан-студентов, собирающихся получить или уже получающих второй вузовский диплом. Поскольку дневное образование подразумевает более активную включенность в образователь-

ный процесс, не говоря уже о широких информационных и коммуникативных возможностях, открывающихся для студента в другом, более крупном городе или в столице, то преобладающую ориентацию на заочную форму обучения (кроме всего прочего, за ней, вероятно, стоит необходимость зарабатывать деньги на учебу и на жизнь, и место такой работы проще найти сегодня у себя дома, чем в ином городе, а тем более — в Москве) стоит рассматривать как понижающую запрос на качественное образование, отрицательно влияющую на социальную мобильность и общественную динамику в целом. Отметим, что установка на заочную форму образования гораздо более характерна для жителей малых городов, чем, скажем, Москвы, но при этом для людей с более высоким потребительским статусом. Скорее всего, за подобным распределением оценок опять-таки скрывается социальное неравенство жителей центра и периферии: относительно более высокий потребительский статус и соответствующие доходы не «выталкивают» более активную часть внестоличного населения, например в Москву, а напротив, заставляют держаться места, где человек живет и сумел обеспечить себе сравнительно более высокие возможности (родной город или ближайший к нему городской центр). Говоря короче, на второе высшее образование у данной части молодежи уже есть деньги, но их недостаточно, чтобы перебраться в другой, более крупный город и учиться там на дневном или хотя бы на вечернем отделении. Это снижает «потолок» ориентаций и запросов даже у более активного российского населения и его молодой части. Тем самым воспроизводится несогласованность социального и продвижения людей по различным осям социальной мобильности (доход, образование, имущественный и профессиональный статус и т. д.), что размывает и расшатывает существующую стратификационную структуру российского населения, но не видоизменяет, не реформирует ее.

Имеющие или получающие второе образование как социокультурная группа: социально-статусные характеристики. В основном данную группу образуют женщины (76%), люди 25–39-ти и 40–54-лет (54 и 34% соответственно). Треть группы еще учится (30% учатся и работают), две трети закончили два вуза (62% работают после окончания учебы, 4% не учатся и не работают). При этом две трети учащихся учатся заочно.

Четверть группы (27%) – руководители разного уровня, свыше половины (54%) – специалисты с высшим образованием без руководящих функций. 16% относят себя и свою семью к верхней части среднего слоя (по стране соответствующая доходная подгруппа составляет 7%), свыше трех пятых (63%) имеют высокий потребительский статус, могут без труда приобрести товары длительного пользования и даже дорогостоящие вещи (по стране к соответствующей подгруппе себя относит 31% населения). У 46% родители имели высшее образование (по стране – 17%). 77% членов данной группы закончили обычную среднюю школу, но все же каждый десятый прошел школу с углубленным изучением отдельных предметов (по стране – 3%), 4% учились в спецшколах (по стране – 0,5%), 28% параллельно основной учебе занимались в музыкальных школах (половина из них эти школы закончили). Представители этой, более квалифицированной сегодня группы, учась в школе, гораздо активнее занимались в различных кружках, на языковых курсах и с репетиторами, посещали дополнительные занятия и т. п.

Если в начале 1990-х гг. семьи опрошенных данной подгруппы были относительно близки по статусу и доходам к средним по стране (занимавшие три высшие ступени на 10-позиционной лестнице статусов составляли 10% данной группы при 8% среди населения в целом), то за прошедшие годы они осуществили заметный статусный подъем. В целом по стране сегодня три высшие статусные ступени занимают 11% (почти столько же, сколько в начале 1990-х), тогда как в данной подгруппе таковых уже 23%. Характерно, что в будущем, через 10 лет, подобное положение рассчитывают занять уже 42% членов данной подгруппы (по стране – 25%). 45% расценивают свое нынешнее положение как более высокое, в сравнении с положением их родителей в том же возрасте.

Информационные горизонты. В данной подгруппе нет семей без домашней библиотеки (менее 2%, по стране – 16%), тогда как 35% обладают домашними собраниями свыше 300 книг (по стране – 15%). Иными словами, это семьи с известным культурным капиталом. Показательно, что члены этой подгруппы значительно чаще средних российских читателей обращаются к книгам следующих жанрово-тематических комплексов (в %):

литература по специальности – 37 (по стране – 21),
русская и зарубежная классика – 32 (по стране – 14),

книги модных российских авторов – 29 (по стране – 8),
книги модных зарубежных авторов – 24 (по стране – 6)
нон-фикшн – 11 (по стране – 6),
книги на иностранных языках – 4 (по стране – 1).

Практически все в данной группе (96%) пользуются Интернетом, 80% – для переписки, 70 – для поисков справочных материалов, необходимых для работы, 43% – для чтения периодики. Все эти показатели заметно выше среднегородских по стране и среди городской молодежи, тогда как использование Интернета в развлекательных целях и для отдыха явно ниже молодежных показателей.

43% в данной группе свободно говорят на английском языке, тогда как по стране в целом им владеют 9%. 60% бывали за границей (по стране – 25%).

Жизненные ориентации. Сравним ценностные ориентиры и дефициты данной, наиболее квалифицированной и взыскательной группы с соответствующими характеристиками населения (последние уже приводились в начале статьи, даем здесь лишь те позиции, по которым есть значимое расхождение, и выделяем максимумы в каждой строке).

Таблица 19
НЕ ХВАТАЕТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО...
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Два высших образования
денег	74	64
хорошей работы	31	20
здоровья	30	17
возможности отдохнуть	28	34
культуры, воспитанности окружающих	18	22
хорошего образования	18	4
возможности сделать хорошую карьеру	18	25
свободы делать, что хочется	14	19
возможности влиять на ситуацию в моем районе, городе селе	12	17
уважения окружающих	4	8
политических, гражданских прав и свобод	4	9
Затрудняюсь ответить	2	2

Подчеркнем, однако, что расхождения в ценностных ориентирах и смысловых дефицитах между городским населением и данной, более квалифицированной и требовательной подгруппой градуальны, но не радикальны. Это разница в единицы, а не в разы, но она относится к нескольким характерным моментам. Для подгруппы с двумя высшими образованиями проблема денег тоже наиболее значима, но уже не столь остра. Дефицита хорошего образования в данной группе почти не ощущают, а вот дефицит хорошей работы есть, пусть эта нехватка и ощущается более мягко, чем среди населения в целом. Острее данной группой переживается ограниченная возможность хорошей карьеры. Иными словами, хорошее образование в сегодняшней России пока что не решает проблем трудоустройства. Это значит, что для более квалифицированных групп общества далеко не всегда есть место на рынке труда, и внутри них накапливается неудовлетворенность собой, своими социальными и культурными ресурсами (напомним, что лишь 12% данной группы принадлежат к самым молодым, остальные уже вправе претендовать на достойный их статус и доход). Кроме того – и до определенной степени в связи с неудовлетворенностью – в данной группе растет усталость. Проблема тут не просто в том, что россияне, имеющие два высших образования, уделяют работе и учебе больше времени и сил, чем остальные группы российского населения, а в расхождении, даже разрыве, между их ценностными ориентациями и предпочтениями (запросы же у них, как уже говорилось, выше, чем у населения России в среднем), существующими возможностями реализовать их там, где они живут, учатся, работают, и социальным признанием эффективности их усилий, различными формами вознаграждения за активность и успех. Астенический синдром поражает не просто переработавших, «надорвавшихся», а недостаточно вознагражденных, будь то деньгами, статусом, общественным одобрением или тем или иным символическим подкреплением. Это проблема не физическая или физиологическая, а ценностная, культурная. Наконец показательно, что именно в данной группе острее, чем среди населения в целом, ощущается не только дефицит возможностей «делать то, что хочется», но и ограниченность возможностей влиять на окружающую ситуацию там, где живешь, – ограничение политических, гражданских прав и свобод.

Ориентации в сфере образования и работы. Сравним понимание хорошей работы и хоро-

шего образования в данной группе с соответствующими оценками среди населения в целом (ограничимся и здесь лишь пунктами, дающими значимое расхождение).

Таблица 20
ХОРОШАЯ РАБОТА – ЭТО... (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Население	Два высших образования
интересная, требующая всех знаний и умений	38	53
работа в хорошем коллективе	38	31
работа с хорошим пакетом социальных гарантий	27	20
дающая возможность продвигаться	18	25
спокойная, когда от тебя не слишком много требуют	10	6
живая, требующая постоянных контактов с людьми	10	14
современная, высокотехнологичная (с компьютерами и др.)	8	12

Решающая значимость хорошей оплаты характерна, конечно же, и для наиболее квалифицированной группы; более того, если понимать оплату как вознаграждение не за стигму тяжелого труда, а за его квалифицированность, то претензия данной группы на достойную оплату даже более обоснована, чем в других группах. Вместе с тем для данной группы гораздо более, чем в среднем по стране, значимы интересность работы, необходимость в максимальной мере использовать имеющиеся знания и умения, плотность коммуникаций с людьми, уровень технологического обеспечения. В целом допустимо сказать, что население в среднем выше ценит *гарантии*, которые дает работа, более же квалифицированный контингент людей с двумя образованиями – *возможности*, которые она открывает (конфликт между двумя этими установками – один из основных в российском обществе, в том числе на протяжении последнего двадцатилетия).

Соответствующие характеристики данная квалифицированная группа выделяет и в трактовке «хорошего образования». Это образование, помогающее расти дальше, постоянно повышать квалификацию (20%, среди населения – 15%); позволяющее работать со сложными технологиями (20%, среди населения – 14%); открывающее возможность творческой работы

(17%, среди населения – 12%); делающее более конкурентоспособным, способным вписаться в мировое производство и науку (16%, среди населения – 10%).

Оценки образовательной системы и значение второго образования. В целом данная группа оценивает российскую систему среднего и особенно высшего образования, а также законченный ими вуз более позитивно, чем население в целом. Вероятно, здесь сказываются характеристики собственного образования членов данной группы, сумевших, можно сказать, по максимуму реализовать возможности российской образовательной системы. Единственная позиция, по которой более квалифицированная группа оценивает российскую образовательную систему с большей критичностью, чем население, – это высшее экономическое образование в России, по сравнению с западным: его в данном контексте, напомним, негативно оценивает и население (21% – сильнее западного, 26% – на том же уровне, 35% – слабее западного), но группа с двумя высшими образованиями еще усиливает этот негативизм (22: 32: 42% соответственно).

Характерны проблемы сегодняшней средней школы, которые особо выделяет именно данная квалифицированная группа (приводим только те позиции, по которым есть значимые различия между населением и группой респондентов с двумя высшими образованиями).

Более квалифицированная группа, в сравнении с населением, выделяет именно системные черты кризиса средней школы как социально-го института, низкое качество преподавания,

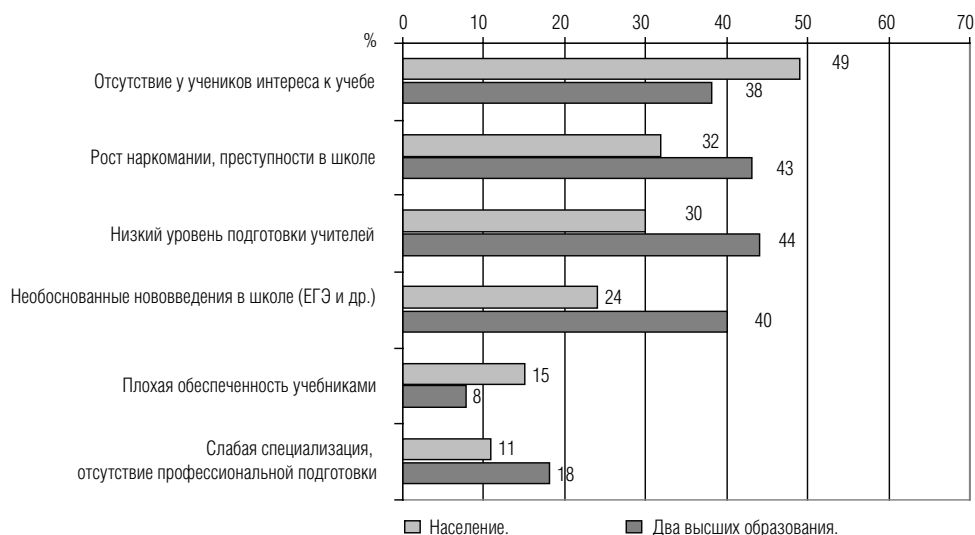
оторванность школы и образовательных экспериментов в ней от реальной практики, профессиональных запросов рынка труда.

В высшем образовании более квалифицированная группа подчеркивает его творческую и культурную составляющую, значение профессиональной специализации: без высшего образования не стать хорошим специалистом в избранной области (50% против 45% среди населения), высшее образование дает возможность индивиду полнее реализовать его склонности и стремления (34% против 27% среди населения), без высшего образования невозможно заниматься наукой (23% при 14% среди населения), без высшего образования невозможно стать культурным человеком (13% при 9% среди населения).

Среди важных для себя характеристик обучения в высшей школе данная квалифицированная группа выделяет не только высокий уровень получаемых знаний (64% и при 52% в среднем по населению), но и обучение возможностям в дальнейшем самому овладевать новыми знаниями (44% при 33% среди населения), а в особенности наличие конкурентной среды вокруг, высокого уровня сокурсников (70% при 61% в среднем по населению).

Именно данная квалифицированная группа более остро ощущает разрыв между требованиями российской высшей школы и образовательными стандартами на Западе. Все требующие скорейшего решения проблемы российской высшей школы, за исключением слишком высокой платы за обучение, члены данной квалифицированной группы чувствуют острее,

График 12
ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЫ (в % от числа опрошенных)

чем население и его молодежная часть. В особенности это относится к следующим проблемам: неконвертируемость дипломов большинства российских вузов (на эту позицию указали 33% респондентов с двумя высшими образованиями и 23% населения); несоответствие набора преподаваемых предметов требованиям рынка труда (31% в квалифицированной группе, 19% среди населения); невозможность студенту самому формировать план своего обучения (23 и 17% соответственно); преобладание общих курсов, недостаточная специализация (22 и 13% соответственно); незаинтересованность большинства учащихся в качестве преподавания (22 и 16%); недостаточное привлечение зарубежных преподавателей (17 и 10% соответственно); отсутствие связи между качеством работы, авторитетом преподавателя у студентов и размером его зарплаты (17 и 10%) и т. д.

Соответственно, данная квалифицированная группа чаще выделяет среди негативных сторон учебы в вузе, который члены этой группы закончили, именно невозможность влиять на процесс и формы преподавания, его качество (23% при 14% в среднем по населению), невозможность стажироваться в зарубежных университетах (22% при 16% в среднем по населению), наконец, невозможность самому студенту определять программу интересных для него спецкурсов и спецсеминаров (19% при 11% среди населения).

Второе образование облегчило тем, кто его имеет, устройство на работу. Дело здесь не только в том в самом факте, что у респондента два вузовских диплома, и не только в большом спросе на полученную респондентом во втором вузе специальность, хотя оба эти момента оказались важными, но и в том, что 26% работающих по специальности, полученной во втором вузе, уже во время учебы активно готовили себе место работы — рассылали свои данные по различным предприятиям, фирмам.

Общие выводы. 1. Основной ценностью и вместе с тем ценностным дефицитом нынешнего российского общества в высказываниях практически всех опрошенных социальных групп выступают деньги. Такова «плата» за слишком большой и скоростной разрыв между богатыми и бедными группами населения, социально-статусными верхами и низами, социокультурными центрами российского общества и его гигантской по географическому масштабу и по объему населения периферией, между более успешными фракциями общества,

сравнительно адаптировавшимися к экономической и социальной ситуации последнего десятилетия-двух, и массами «лузеров», возрастным, образовательным, статусным большинством (оно по разным параметрам составляет не менее 60–70% сегодняшнего населения страны). Данный социальный фактор и смысловой момент определяет понимание ценности «хорошей работы», ценности ведущего к ее получению «хорошего образования», а также путей к получению такого образования и сертификата о нем, диплома.

2. Подавляющим большинством российского населения, в том числе более молодого, школа в ее нынешнем состоянии, привычном и более или менее одинаковом для всех граждан страны, понимается и принимается как данность. Система преподавания в школах, уровень профессиональной подготовки выпускников подавляющим большинством населения, его молодой части расценивается как средний (по школьной системе оценок, на «тройку»). Доля учившихся в спецшколах и лицеях, активно занимавшихся в кружках, использовавших дополнительные возможности наращивать и обогащать знания не выходит за пределы нескольких процентов населения, она ощутима лишь в рамках количественно малой группы респондентов, имеющих или собирающихся получить два образования. От школы не требуют и не ждут качественного обучения, поскольку учебу в ней не расценивают как самостоятельный и важный этап жизненного пути, связанный с овладением первоначальным культурным капиталом, дальнейшей профессионализацией, претензией на определенный социальный статус. В ответах респондентов о наиболее острых проблемах сегодняшней школы фиксируется процесс разложения данного социального института, разложения самой системы школьного образования — разрыв позитивных связей между учениками, учениками и учителями, низкий уровень тех и других, отсутствие положительной мотивации к преподаванию/обучению, наконец, разрыв между школой и жизнью, школой и дальнейшей учебной, школой и работой.

3. Ведущим, внеконкурентным мотивом получения высшего образования для подавляющей части населения в целом и молодежи, в частности, выступает получение хорошо оплачиваемой работы. Почти половина взрослых опрошенных (44%) считает для себя достаточным образование ниже вузовского, среди молодежи эта доля составляет 33%. При высоких общих

оценках необходимости высшего образования поступать в вуз собирается явное меньшинство нынешней российской молодежи – 26% опрошенных в возрасте 15–29 лет. Самые значимые мотивы отказа от намерений продолжать образование после школы: недостаточность знаний (итог обучения в школе) и недостаточность денег и связей как наиболее мощных, по мнению большинства россиян, механизмов и гарантов профессионального и социального подъема.

4. Возможности активизировать обучение и расширить круг собственных занятий у студентов сегодняшних российских вузов не так велики, но и имеющиеся здесь возможности используются учащимися не более чем на 30–40%, считая от числа тех, у кого подобные возможности имелись либо имеются (от 40 до 60% учащихся или отучившихся в вузах, по их оценкам, таких возможностей просто не имели). Трое из пяти учащихся или недавно отучившихся в вузе молодых людей признают, что ничего не делали для того, чтобы получить более углубленные знания, дополнительную квалификацию по той специальности, которой обучались; лишь один из десяти посещал дополнительные курсы по избранной специальности, один из четырех самостоятельно набирал дополнительные знания, читая специальную литературу. Качество профессиональной подготовки студентов в вузах России население и молодежь оценивают по преимуществу опять-таки как среднее. Нынешняя система высшего образования в России, по оценкам учащихся, не соответствует западным образовательным стандартам. Более того, она, по их мнению, слабее западной в подготовке специалистов именно тех профессий, которые россияне считают самыми лучшими для молодых людей и в наибольшей степени обещающими «хорошие деньги». При общей высокой удовлетворенности престижем и оснащенностью вуза, своими знаниями и дающими их преподавателями опрошенные студенты слабо подготовлены к практической деятельности после окончания учебы, они имели мало возможностей профессиональной практики, не могут уверенно рассчитывать на хорошее трудоустройство. На уровне высшей школы мы снова сталкиваемся с тем же серьезным разрывом между «школой» и «жизнью», что и в оценках школьного образования.

5. Центральной проблемой высшей школы для большинства населения и его молодой части выступает непомерная плата за учебу и ее несоответствие качеству получаемого студентами

образования. Вариант той же проблемы – возникшее за последние годы новое неравенство в доступе к высшему образованию, ущемление прав менее обеспеченных или провинциальных абитуриентов.

6. Проблема качества высшего образования за 2000-е гг. не снизилась, а напротив, только обострилась. Это чувствует на себе как население в целом, так и его более молодая часть, находящаяся перед выбором жизненного и профессионального пути. Способы улучшить нынешнюю систему высшего образования в России для респондентов в первую очередь связаны с развитием современных информационных ресурсов вузов; с созданием механизмов ответственности преподавателей перед студентами за качество преподавания; с расширением для студентов свободы выбора преподаваемых предметов, спецкурсов по собственному интересу и плану; с созданием механизмов конкуренции между преподавателями за студентов.

7. Свообразными ориентирами при разработке путей реформирования системы образования в России могут выступать оценки и рекомендации «экспертной» подгруппы респондентов – россиян, имеющих или собирающихся получить второе высшее образование. Его получают или уже получили 6% россиян в целом и 4% молодежи, считая от числа тех, кто учится или уже отучился в вузах. Обращает на себя внимание, что эта подгруппа, так же, как население в целом, ощущает дефицит хорошей работы, хотя, казалось бы, имеет на ее получение повышенные шансы. При этом данной группой гораздо острее, чем всем населением, переживается ограниченная возможность хорошей карьеры. Таким образом, хорошее образование в рамках сегодняшней российской социальной системы не решает проблем трудоустройства, а это значит, что для более квалифицированных групп общества далеко не всегда есть достойное место на рынке труда. У них накапливается неудовлетворенность собой, своими социальными и культурными ресурсами. В данной подгруппе нарастает усталость, разочарованность в пройденном пути, неуверенность в собственных возможностях и перспективах. Показательно, что именно в данной подгруппе острее, чем среди населения в целом, ощущается не только дефицит возможностей «делать то, что хочется», но и осмысленно и результативно влиять на окружающую ситуацию – ограничение политических, гражданских прав и свобод в стране.

ЕГЭ как зеркало проблем российского образования

Проблемы образования в последние годы неизменно занимают в России одно из первых мест в общественном дискурсе. Причем в значительной степени эти обсуждения сконцентрировались в одной точке — точке перелома, когда происходит массовый переход от школы к вузу. Качество школьного и вузовского образования, проблемы выбора школы и вуза, школьные программы — все это тоже является предметом общественных дискуссий, но не они находятся в центре внимания. При этом сами проблемы выпуска/набора в последнее время резко сузились, сфокусировались на единственном моменте: это ЕГЭ¹. А уже внутри проблемы ЕГЭ дискутируется, причем очень активно, широкий круг вопросов: нужен ли ЕГЭ или его следует отменить, что он дает и чего не дает, решает ли он проблемы современного российского образования или только обостряет их.

На первый взгляд этот вопрос может показаться достаточно локальным: как лучше проводить выпускные и вступительные экзамены: по старой системе, когда школьники сдают экзамены дважды, или по новой, когда баллы, набранные во время выпускных испытаний (ЕГЭ) засчитываются при поступлении в вуз. Но переход из одной образовательной системы в другую наиболее проблематичен: он является конкурсным, а потому есть победители и проигравшие, он требует специальной подготовки, иногда весьма длительной, и именно от успешности в этом конкурсе, по мнению основной части общества, зависит судьба миллионов молодых людей.

При анализе СМИ и, особенно, Интернет-форумов и Интернет-дневников создается впечатление, что страсти по ЕГЭ кипят даже сильнее, чем по поводу экономического кризиса, а в социальной сфере нет более больного места,

чем это. В связи с ЕГЭ создан портал с экспрессивным названием «Спасем российскую школу»², на котором существует коалиция «НЕТ ЕГЭ!», в которую приглашают вступить всех желающих. Против ЕГЭ резко выступает спикер Госдумы, председатель партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, по мнению которого «Единый госэкзамен — это инструмент коррупции среднего и высшего образования сверху донизу»³. Более того, «Миронов уверен, что безответственные эксперименты над образовательной системой могут закончиться ее окончательной деградацией и развалом»⁴. Какой же силой должен обладать способ аттестации знаний, чтобы быть в состоянии разрушить всю систему образования?!

В статье «ЕГЭ сделает Россию малограмотной?» президент Всероссийского фонда образования Сергей Комков заявил, что проведение ЕГЭ является нарушением Конституции Российской Федерации⁵. И действительно, летом 2008 г. группа родителей выпускников пыталась подать иск в Конституционный суд на предмет проверки того, насколько Единый госэкзамен соответствует российской Конституции⁶. Противниками ЕГЭ являются многие правозащитники⁷ и политики⁸. Много ли мы помним проявлений такой массовой социальной активности в последние годы?

Но и это еще не все. Летом 2008 г., когда стали известны результаты ЕГЭ по русскому языку и математике, которые впервые сдавали все российские выпускники, страницы печати запестрели заголовками такого рода: «ЕГЭ довел девочку до самоубийства»⁹, «ЕГЭ довел

¹ Летом 2008 г. я набрала в Яндексе аббревиатуру ЕГЭ. В ответ на мой запрос было найдено 7 млн. страниц, в марте 2009 — 10 млн., а в сентябре — уже 16 млн. страниц. Это один из лидеров запросов в Интернете. Конечно, число таких запросов по ЕГЭ уступает теме «Путин» — 63 млн. страниц, но опережает число запросов по темам «Сталин» — 14 млн., «Евровидение» — 13 млн. и, например, «Олимпиада в Сочи» — 6 млн.

² http://spasem-shkolu.p-rossii.ru/20/256_1.shtml

³ <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=8BBFE3673B0C424298ADFE81BC3E136>

⁴ Там же.

⁵ <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=6EB9C8868D544741A931EFE28E63C626>

⁶ http://zakon.edu.ru/news.asp?ob_no=13258

⁷ <http://www.novayagazeta.ru/st/online/540929/>

⁸ Дмитриева О. ЕГЭ — это экстрим. <http://vz.ru/society/2009/2/2/252333.html>

⁹ <http://www.ctege.org/page.php?pageid=3403>

отличницу до самоубийства»¹, «ЕГЭ убивает школьников»². Правда, вскоре выяснилось, что покончила с собой после неудачного экзамена 9-классница, а в девятом классе ЕГЭ не сдают, но все равно этот трагический случай остался в общественном мнении связанным именно с пресловутым единым экзаменом.

Эта проблематика обсуждалась в программе «Пусть говорят» Андрея Малахова, где рыдающие выпускница и ее мама говорили, что ЕГЭ разрушил жизнь девочки и всей ее семьи. Безутешная девочка рассказывала, что с первого класса мама ориентировала ее только на медаль, но из-за скромной оценки за ЕГЭ она медали лишилась и не хочет больше жить. Мама вторила дочке, заявляя, что поставила на карту всю свою жизнь, лишь бы дочь стала медалисткой, и это обязательно случилось бы, если бы девочка сдавала экзамены в школе. Она больше не знает, как жить³. Так что проблема ЕГЭ из образовательной сферы перешла в область экзистенциальную, жизни и смерти.

А летом и осенью 2009 г., когда ЕГЭ перестал быть экспериментом, по его результатам проходил набор во все вузы, в ход пошла традиционно наиболее сильная риторика: ксенофобская, чего не происходило в предыдущие годы. Причины и характер использования антикавказской риторики для борьбы с ЕГЭ будут рассмотрены ниже, отметим только, что это, по видимому, самое сильное и беспроявленное оружие, которое применяется, если не сработали остальные. В этом смысле дискурс самоубийств, т. е. смертельной опасности таких экзаменов для людей, показался менее сильным, чем апелляция ко ксенофобским чувствам.

Для того чтобы разобраться, почему вокруг ЕГЭ кипят такие невероятные страсти, действительно ли он разрушает и скоро разрушит всю систему российского среднего и высшего образования, я взяла серию интервью с учителями московских школ. Поскольку разговор был весьма откровенным, я не буду называть ни своих респондентов, ни номеров школ. Мы знаем, какие неприятности обрушились на голову учительницы Натальи Мелиховой, когда она показала «Новой газете» два журнала, которые существовали в ее школе: один — обычный, где фиксируются оценки школьников, второй — где

эти оценки корректируются, чтобы вытянуть выпускников на медаль⁴.

Практически общепринятым в нашей стране является мнение о том, что советское образование было лучшим в мире, но оно пострадало от реформ, а многие полагают, что именно ЕГЭ — это гвоздь в крышку гроба бывшего лучшего образования. Если отменить ЕГЭ, то еще можно что-то спасти.

Я не буду сейчас возвращаться к советским временам и спустя 20 лет оценивать тогдашнюю ситуацию в области образования. В данной работе будет анализироваться уже существующая ситуация и роль ЕГЭ в ее дальнейшем развитии.

Российское образование: результаты международных исследований. Международное исследование образовательных достижений учащихся (PISA) проводится раз в три года. Россия принимала участие в четырех из них (2000, 2003, 2006 и в 2009⁵ гг.). От раза к разу география исследования расширяется: в 2000 г. было 32 страны-участницы, в 2003 — 41, а в 2006 — уже 40 тысяч участников из 57 стран мира. В России в исследовании 2006 г. приняли участие 6154 15-летних подростков из 210 образовательных учреждений 46 регионов⁶, половина участников — 10-классники средней школы. Полученные данные являются репрезентативными для России.

В ходе исследования ребятам даются письменные тесты, касающиеся математики, естественных наук, грамотности чтения, а также умения решать проблемы. При этом от подростков требуется умение логически мыслить, сопоставлять факты, делать выводы и здраво рассуждать. В тестах рассматриваются ситуации, взятые из реальной жизни. Несмотря на значительные сходства, каждое исследование имеет тематическую специфику, упор делается на отдельные сегменты знаний и умений подростков.

Результаты первого же исследования PISA, в котором приняли участие россияне, вызвало шок в педагогическом сообществе: по всем трем компонентам исследования наши подростки оказались в третьей десятке среди 32 стран. Тремя годами позже (в 2003 г.) ситуация не улучшилась: по чтению, пониманию прочитанного

¹ <http://www.dni.ru/incidents/2008/6/10/143899.html>

² <http://www.novoteka.ru/sevent/4123493>

³ Отметим, что Андрей Малахов пытался вразумить маму девочки, объяснить, что школьная медаль никак не может быть целью жизни, но убедить героиню программы, как и аудиторию, собравшуюся в студии, ему не удалось.

⁴ <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/72/16.html>

⁵ Результаты исследования, проведенного весной 2009 г., будут опубликованы в декабре 2010 г., поэтому здесь не анализируются.

⁶ PISA-2006 Отчет «Основные результаты международного исследования образовательных достижений учащихся PISA-2006». <http://www.centeroko.ru/public.htm>

Россия оказалась на 32 месте среди 41 страны, по естественным наукам — на 24, а по математике — на 29. И это при том, что наши школьники исправно занимают призовые места на олимпиадах по математике, физике и программированию, становятся чемпионами мира. Прошло еще три года, и вновь никаких позитивных сдвигов: 37-40 место по чтению, 32-36 — по математике и 33-38 — по естественно-научному знанию. А число званий и регалий на всемирных и других международных олимпиадах у ровесников тех, кто принял участие в исследовании, за это время еще увеличилось. Так что, с одной стороны, российское образование позволяет талантливым детям достичь блестящих успехов, с другой — знания и умения обычных школьников, т. е. деятельность системы среднего образования в целом, сложно назвать даже удовлетворительными. В последние десятилетия сложилась и все более усугубляется ситуация, когда разрыв между сильным, элитарным и массовым образованием все больше растет. Казалось бы, ЕГЭ не имеет к этому прямого отношения, но ниже мы покажем, что это не так.

Через государственную школу проходит практически все население России. Даже в Москве и Санкт-Петербурге частное школьное образование затрагивает минимальную часть детей, не получило сколь бы то ни было значительного распространения. При этом качество современной массовой школы не удовлетворяет большинство наших соотечественников: по опросам Левада-Центра, только четверть населения удовлетворены качеством современного образования, а не удовлетворенных им почти вдвое больше¹. Если в 2000 г. четверть россиян полагали, что сейчас учат лучше, чем во времена их обучения в школе, а треть — хуже, то в 2006 г. число «оптимистов» сократилось до 18%, а «пессимистов» выросло до 43². При этом 60% жителей России полагают, что для будущей карьеры ребенка важно хорошо учиться в школе. Так что хорошо учиться в школе очень важно (и это при том, что в 2007 г. лишь 17% жителей России полагали: что знания — это главное для поступления в вуз), но учат в школе плохо.

Из любой неблагоприятной ситуации, тем более затрагивающей социум в целом, всегда

ищется и находится какой-то выход, так происходит и со школой. Раз массовая школа не удовлетворяет запросам, значит, нужно искать не массовую школу, а «хорошую». И вот в городах, и чем крупнее город, чем больше в нем школ, тем более явной становится тенденция: одной из важнейших родительских забот является выбор подходящей школы. На многочисленных Интернет-форумах обсуждаются достоинства и недостатки школ, гимназий и лицеев, даже конкретных учителей³. В журналах и на Интернет-сайтах публикуются многочисленные рейтинги школ⁴, и интерес к этим рейтингам огромен. К поступлению в подходящую школу готовятся загодя: год или два ребенок посещает платные подготовительные курсы, которые еще и не дают гарантии поступления. В престижную школу поступить иногда труднее, чем в престижный вуз. Но сильная школа, а потом еще репетиторы — все это в дальнейшем дает возможность стать студентом престижного же вуза и сделать карьеру. Поступление в «правильную» школу сегодня превратилось в первое нажатие кнопки социального лифта. Вторым нажатием станет через 11 лет собственно поступление в вуз.

Но что делать тем, кто отдал ребенка в обычную массовую школу? Такие школы стали не слишком почтительно называть «дворовыми». В значительной части случаев ребенок окажется в ситуации достаточно слабого окружения одноклассников, с которыми не слишком активно занимаются родители, детей, не имеющих ранних навыков интеллектуальной деятельности. В такой школе часто формируется негативное отношение к самому образовательному процессу и к детям, на этот процесс ориентированным, культ силы, маскулинности. Очень остро переживают многие родители и то, что в обычной школе их дети будут окружены детьми-кавказцами. Эту проблему иногда политкорректно определяют как «контингент», а иногда пишут без всяких эвфемизмов: «В школу номер такой-то своего ребенка не отдам — там учатся одни черные».

А на выходе из такой школы значительная часть детей, по мнению образованных родителей, уже не сможет претендовать на поступление в сильный институт и дальнейшую карьеру. Более того, в массовой школе немалую часть

¹ <http://www.levada.ru%2Feducation.html&text=%EB%E5%E2%E0%E4%E0-%F6>

² Это свидетельствует, не только о том, что, по мнению людей, российская школа учит все хуже, но и о том, что советское школьное образование все больше воспринимается как образцовое. Отсюда, кстати, позитивное отношение к возвращению таких элементов советского прошлого, как обязательная школьная форма и единые учебники.

³ См., например, конференции «Школьное образование». «Подростки», «Дети от 7 до 10 лет» и пр. на сайте «7я.ру» <http://www.7ya.ru/>.

⁴ http://www.mosparents.ru/ru/education/best_schools_moscow/, <http://www.ucheba.ru/school-rating/63.html>, <http://www.proorientator.ru/ucheba/school.html>, <http://ratings.7ya.ru/schools/>

обучающихся составляют те, для кого в силу разных причин школьные программы просто слишком сложны. Им тяжело, подчас просто невозможно учиться в старших классах, но деваться некуда, школа обязана их обучать и выпустить с аттестатом о среднем образовании.

Аттестат нужен практически каждому хотя бы потому, что высшее образование у нас стало практически обязательной нормой для всех выпускников. Этого не было в советское время, тогда существовали другие закономерности: например, у родителей, имеющих высшее образование, дети шли в институты, для остальных это не было обязательным. Что мы видим теперь? Только 1% участников всероссийского опроса Левада-Центра полагают, что неполное среднее образование достаточно для их детей и внуков, еще 4% считают достаточным образование в размере средней школы¹. Это означает, что средняя школа сегодня — лишь плацдарм для получения «настоящего» образования. Ее дело чему-то научить (чему, это уже зависит от амбиций родителей, школу выбирающих) и выпустить. А вот после этого речь пойдет собственно об образовании. Для 56% это итоговое образование — вуз, еще для 18% — второе высшее и аспирантура. Мы столкнулись с новым социальным феноменом, который до конца еще не осознали — людей, стремящихся, чтобы их дети получили два высших образования или ученую степень, лишь немногим меньше, чем было в советское время ориентированных на получение их детьми высшего образования². Но если вуз — норма для всех, то два высших — для тех, кого раньше называли интеллигенцией, а теперь чаще средним классом. Немалую часть остальных на выходе из школы ожидает вуз попроще, иногда частный, где нет вступительных экзаменов или эти экзамены номинальны. И вот здесь ЕГЭ начинает создавать проблемы.

Кому мешает ЕГЭ? Школа. Во время выпускных экзаменов каждая школа прилагает все усилия, чтобы у ребят не было двоек. Это норма, которая практически никогда не нарушается. Даже самые слабые выпускники получают свои тройки, а с ними и аттестат, после чего учителя с облегчением с ними прощаются.

¹ <http://www.levada.ru/education.html>

² При этом среди студентов государственных вузов больше тех, родители которых имеют высшее образование, а среди студентов частных, более доступных для поступления вузов, — тех, чьи родители в институте не учились, а потому в меньшей степени были озабочены выбором сильной школы, да и помочь детям в процессе школьного обучения им было труднее.

На противоположном полюсе находятся ребята, которым «требуется» медаль. Если требуется, они ее, вероятнее всего, получают. Во время экзаменов в школе учителя всегда могут им «помочь», что повсеместно и делается³.

Наличие единого экзамена предполагает государственный стандарт образования, поскольку все: и сильные, и слабые — сдают одни и те же тесты, которые (в идеале) оцениваются одним и тем же образом. Формально такого стандарта пока не существует, но фактически ЕГЭ этим стандартом и становится⁴. И вот здесь возникают практически неразрешимые проблемы. Выпустить с аттестатом нужно всех, а знаний, даже для минимального уровня «А», у многих нет. В старой ситуации проблем здесь не возникало, а ЕГЭ их создал, причем неудовлетворительно для обеих сторон. В 2008 г. более 20% выпускников, писавших ЕГЭ по математике, получили двойки. Да, это обнажило проблемы образования, но что с ними делать дальше, если не касаться вещей содержательных, т. е. уровня школьного преподавания и усвоения знаний?

Учителя и школьники активно начали решать эту проблему: подсказки по мобильным телефонам, например. Но всем не поможешь, и не везде можно было такого рода приемы применять. Для учителей положительные оценки их учеников чрезвычайно важны еще и потому, что они уверены: ЕГЭ ставит оценки не только ученикам, но и им самим, что учителям придется отвечать за них перед органами образования, да и перед родителями тоже.

Оказалось, что уже на этом этапе необходима помощь еще одного субъекта взаимодействия — государственных органов образования, да и у государства в целом. Что можно было сделать в такой ситуации? Повторю, «успешно» выпустить из школы надо всех или почти всех. Казалось бы, ответ очевиден: сделать задания ЕГЭ максимально простыми, чтобы все могли с ними справиться. Но тогда у очень большого числа сильных школьников будут слишком высокие отметки, и это создаст проблемы при поступлении в вузы.

³ История с переписыванием школьных журналов в интересах «желающих» получить медаль, по-видимому, являлась массовой. По крайней мере, об этом мне сообщили все респонденты — московские учителя, у которых я брала интервью весной 2008 г., когда медаль еще давала льготы при поступлении в вуз. Они говорили, что наличие не только «настоящих», но и «липовых» медалистов не являлось тайной ни для учителей, ни для школьников, которые наблюдали за процессом «вытягивания» медалистов на всех этапах: от школьных уроков до выпускных экзаменов.

⁴ Другое дело, что сами материалы часто далеки от совершенства, а потому вызывают огромное количество нареканий.

Эта ситуация предполагает только один способ решения: максимальное упрощение первой части тестов, чтобы с ними справлялись все или почти все школьники, и нормальный, достаточно сложный уровень двух остальных частей, чтобы происходило четкое дифференцирование набранных баллов. Тогда будет воспроизводиться существующая ситуация, когда ориентированная на всех без исключения детей школа обеспечивает им получения аттестата, не гарантируя знаний. А уж сами выпускники имеют возможность распорядиться этим аттестатом, передав его в вузы, на которые могут претендовать. После неудачного опыта 2008 г. порог положительной оценки по математике опустили до 21 балла, что и позволило почти всем выпускникам получить аттестаты¹. По мнению учителей математики, у которых я брала интервью, получить искомый балл было возможно даже случайным выбором ответа. Тем более, что получившие «неуд» сдавали тест еще и повторно², причем, по мнению главы Рособнадзора Любови Глебовой, многим сдававшим ЕГЭ повторно «помогали» получать тройки³.

А значит, школа свою функцию выполнила — дала возможность выпускникам продолжить образование. Разброс требований при поступлении в вуз велик, и это хорошо, потому что для слабых выпускников вуз фактически берет на себя ту функцию, которую не в состоянии выполнить школа: дает что-то вроде окончательного среднего образования. Когда говорят о «высшей школе», второе слово в этой композиции приобретает совершенно точное значение.

Школьный способ функционирования не слишком престижных, зачастую частных вузов четко виден вот на каком примере. Я много лет преподавала в одном частном университете и заметила странную тенденцию: уровень начальной подготовки студентов с каждым годом падал, а их грамотность росла. Выяснилось, что

в институте начали на вполне школьном уровне преподавать русский язык. Сначала только на 1-м курсе, потом и на 2-м тоже, а затем в течение четырех лет обучения. В результате, ребята, которые пришли в институт практически неграмотными, хотя успешно написали сочинение, сдали школьные экзамены, к моменту получения диплома уже научились относительно грамотно писать. Во всяком случае, слово «учусь» они писали уже не через «ю», как на первом курсе⁴. Но как с такими знаниями сдавать обязательный ЕГЭ по русскому языку? Если на экзамене по математике вместо логарифмов и производных можно предложить тесты на таблицу умножения, то какие доступные для всех тесты давать на экзамене по русскому языку? Только снижая минимальный балл, что благополучно и делается.

Я не ишу путей законсервировать сложившуюся систему, когда школьное образование на выходе скрывает отсутствие у школьников минимально требуемых программой знаний, не пишу о необходимости повышения качества образования в школе. Это очевидно, как очевидно и то, что нет понимания, как этого достичь. А учить и выпускать «в большую жизнь» всех детей без исключения нужно уже сегодня. Без аттестата у них нет никакого будущего, более того, они будут представлять большую опасность для общества. При традиционной системе обмана и приписок у них есть возможность пойти в вуз — школу второй ступени, а без аттестата это невозможно. Это очень серьезная проблема, поскольку таких ребят очень много.

То, что почти четверть школьников не справилась в 2008 г. с экзаменом по математике, нормальный результат, так как даже в идеальной ситуации все без исключения со школьной программой справиться не могут. Другое дело, что эти двойки создают такие социальные проблемы, что они оказались социально неприемлемыми. Если раньше тройки «рисовала» школа, то теперь этим занимается уже государство, и это в чем-то облегчило жизнь школы, частично снимая с нее обязанность заниматься обманом и подлогами вроде переписывания журналов.

¹ Дело в том, что в 2008 году двоек, строго говоря, не было — всем, не получившим положительного результата, даже сдавшим пустой лист бумаги, ставилась положительная оценка, а в 2009 г. этого делать не предполагалось, что и вызвало панику накануне экзаменов.

² Отметим, что в общественном дискурсе вообще эти двойки рассматривались не как достоинство ЕГЭ — большая честность, отсутствие приписок, а как его недостаток. В частности в своем интервью «Новой Газете» накануне ЕГЭ-2009 Сергей Комков и Людмила Алексеева сетовали на то, что в результате ЕГЭ по разным оценкам от 100–120 до 400–500 тыс. выпускников (т. е. половина) получают двойки, останутся без аттестата и не смогут получить высшее образование. Иными словами, «липковые тройки» — это нормальная, социально позитивная ситуация. См.: <http://www.novayagazeta.ru/st/online/540929>

³ <http://www.izvestia.ru/education1/article3132562/>

⁴ Я не случайно привела пример правописания именно этого слова. Более 20 лет назад, в середине 1980-х гг. я начала работать с анкетами, заполненными молодежью, и была потрясена тем, что примерно в половине случаев было написано «учюсь». А в одной анкете молодой человек написал это слово даже как «учёсь», с точками над ё. Так что почти поголовная неграмотность появилась не в последние годы, а значительно раньше. Видимо, не все было замечательно с уровнем образования и в советское время.

Хуже другое: у большинства остальных выпускников оценка была бы в пересчете не выше тройки. Менее половины из 100 тестовых баллов по математике в 2008 г. получили почти 4/5, а более 80 баллов — лишь 2,9%. То есть с программой по этому предмету плохо справляются большинство выпускников, а значит, программа является скорее номинальной, чем обязательной, реализуемой. В 2009 г., когда проблема доек была решена, высокие результаты оказались тоже редкостью: в среднем по России с общим результатом по ЕГЭ выше 80 баллов оказались лишь 1,3% выпускников¹ и даже в благополучной Москве — 3,3%. Иными словами, хорошо усваивают школьную программу абсолютное меньшинство школьников.

С такими плачевными результатами очень трудно согласиться, не хватает психологической готовности принять такую ситуацию. Раньше в этом было принято обвинять сложность школьной программы (возможно, и справедливо), а теперь такая неудовлетворенность переносится на ЕГЭ.

Первое из такого рода обвинений, наверное, в немалой степени справедливое, касается качества тестов. По поводу заданий ЕГЭ по математике я опросила целый ряд учителей (преимущественно из спецшкол), и они находят качество заданий не очень хорошим, но удовлетворительным². Никто не сказал, что эти тесты хуже, чем задания на традиционных экзаменах. Только к небольшой части заданий предъявлялись претензии, да еще возражения вызвало то, что в тестах очень мало заданий по геометрии.

Вторая претензия касается следующего: дети пишут ЕГЭ вне родной школы, в незнакомой обстановке, без любимых учителей. В переводе на обычный язык это означает, что ребятам некому помочь и потому результаты всегда будут ниже, чем в стенах родной школы. К этой же группе относятся высказывания, что учителя знают ребенка, его способности и возможности, если он переволновался, то они это поймут и учтут при выставлении оценки. Можно не сомневаться, что в большинстве случаев, конечно, учтут. Но тогда надо ответить на вопрос: зачем нужны выпускные экзамены? Достаточно выставить в аттестат годовые отметки. А если

¹ <http://www.izvestia.ru/education1/article3132562/>

² Хотя находят явно неправильным и несправедливым, что за одну нерешенную задачу в части С снимается сразу 13 баллов, но этот недостаток как раз легко исправить. См.: Мы живем на границе возможного и разрешенного. Интервью с директором московской 57 школы Сергеем Менделевичем. <http://polit.ru/science/2009/08/31/mendelevich.html>

экзамен — это оценка именно ответа, решения, то при чем тут прежние успехи?

Третья претензия — тесты всегда письменные, возможны случайные ошибки, описки. При устном ответе учитель их может «простить», а жестокая и бездушная машина ЕГЭ к этому не способна. Надо сказать, что более половины участников всероссийского опроса Левада-Центра (54%) полагают, что с помощью устных экзаменов можно точнее определить уровень знаний школьников, и ровно вдвое меньшее число ответивших (27%) придерживаются противоположной точки зрения³. Правда, ответ на вопрос о том, какой экзамен более «честный», где появляется меньше возможностей для злоупотреблений, оказался гораздо менее очевидным, мнения сблизились. Более «честным» устный экзамен считают 43%, а письменный тест — 35%. Но ведь и вступительные экзамены в вузы, как и ЕГЭ, практически повсеместно проводятся сейчас в письменной, а не в устной форме.

И, наконец, четвертое — тесты оценивают «натасканность», а не умение нестандартно мыслить. Талантливые, нестандартные дети пройти это жесткое сито имеют гораздо меньше возможностей, чем унылые зубрилы. Наверное, это действительно проблема, но о ней мы поговорим ниже. Отметим только, что письменный вступительный экзамен здесь ничем не отличается от ЕГЭ: тоже требует точности и карает за ошибки, даже случайные.

Казалось бы, надо радоваться тому, что ЕГЭ вскрыл нарыв — показал, что современная массовая российская школа учит далеко не всех и далеко не всему, что предусмотрено программой, открыл, наконец, правду, «какой бы горькой она ни была». Когда я высказывала такую точку зрения во время бесед с учителями, причем хорошими учителями из хороших школ, то слышала в ответ примерно следующее: «Мы-то действительно учим детей, у нас и с ЕГЭ проблем нет. А что творится в дворовых школах, и так все знают. Кому нужно доказывать, что дети выходят из школы без знаний? И что с этими детьми дальше делать? Оставлять на второй год в 11-м классе? Отправлять на улицу?» Так что не нашлось субъектов, чтобы узнать эту правду. Как справедливо замечали мои респонденты: «А кто этого не знает?» Решение нравственных проблем, какими бы болезненными они ни были, привело бы к появлению проблем гораздо более серьезных.

³ <http://www.levada.ru/education.html>

Не случайно в Государственной Думе выдвигалось предложение отказаться от ЕГЭ на время кризиса, а точнее было бы сказать: **пока** на время кризиса! Этой цели пытались добиться и в Москве, где результаты ЕГЭ не слишком сильно отличаются от общероссийских — в 2008 г. было получено столько же двоек по математике, как в других регионах, хотя, как отмечалось, доля ЕГЭ с высокими результатами здесь значительно выше. На заседании столичного правительства в ходе рассмотрения городской целевой программы «Столичное образование — 5» на 2009–2011 гг. глава Департамента образования Москвы Ольга Ларионова сделала заявление по поводу корректности ЕГЭ как инструмента оценки знаний выпускников: «ЕГЭ не должен быть единственной формой оценки успешности наших выпускников. Мы должны смотреть на так называемое портфолио ребенка, то есть просматривать то, как он учился все время пребывания в школе с первого класса... Механическая оценка знаний не всегда хороша»¹. Понятно, что этот гуманный подход фактически дезавуирует ЕГЭ с его однозначностью оценок.

Интервью с московскими учителями показало, что негативное отношение массовой школы к ЕГЭ имеет и еще одну причину. До введения ЕГЭ делом школы было чему-то научить и выпустить учеников. Все прекрасно знали, что школьные и вузовские требования очень сильно расходятся и для подготовки в вуз требуется репетиторство, предпочтительно преподавателями того же вуза. От школы (в очередной раз повторю, массовой городской школы) давно уже перестали требовать, чтобы полученных ее выпускниками знаний было достаточно для поступления в престижный вуз. А теперь через ЕГЭ, как замечательно сформулировала одна из учительниц, «вуз приблизился к школе, задышал нам в лицо». Это означает, что родители стали гораздо больше требовать от школы: чтобы она выпускала ребят с хорошими отметками, позволяющими им поступить в институт, где есть конкурс.

Институт. Школы борются за сильных детей, поскольку хорошие выпускники создают им имидж. Это особенно важно в современной ситуации, когда по демографическим причинам число детей невелико. По тем же причинам за сильных абитуриентов борются вузы, особенно сильные, престижные. Чем выше конкурс, чем больше желающих и строже отбор, тем луч-

ше. Но наличие конкурса, когда принимают не всех, у нас неизбежно приводит к появлению коррупционной составляющей.

Наши сограждане знают, что поступление в вуз требует денег, они к этому привыкли, это превратилось в своего рода норму. Это очень четко характеризуют ответы россиян на вопрос Левада-Центра: «Что сейчас более всего необходимо для поступления в высшее учебное заведение?» Ответ «Знания» дали только 17% участников опроса, еще меньшее число ответов пришлось на «Связи» — 13%, а 2/3 (67%) выбрали вариант ответа «Деньги». Если же просуммировать ответы «Связи» и «Деньги», то мы получим 80%, т. е. 4/5 россиян не связывают возможность поступить в вуз со знаниями абитуриентов или, в лучшем случае, только со знаниями. Если это частный (неконкурентный) вуз или платное отделение не слишком престижного госвуза, то выбор ответа «Деньги» понятен: заплатил и учись либо заплатил, позанимался на подготовительных курсах или с репетиторами, и ты студент. Но такой ответ выбирали и родители студентов бюджетных отделений.

Сложилась определенная система, когда всем было более или менее ясно, что надо делать и как себя вести. Эта система работала, работала неплохо, хотя вызывала и вызывает всеобщее возмущение: мы участвуем в коррупционных отношениях, но они вызывают у нас чувство праведного негодования. Но при этом мы упускаем из виду важное обстоятельство: традиционно принято было считать, что в институт идут мотивированные молодые люди, рвущиеся к знаниям вообще и к получению конкретной специальности, в частности. А инициация жесткими, иногда жестокими вступительными экзаменами — это проверка на соответствие этим требованиям. Не будем обсуждать, существовала ли когда-либо такая ситуация в реальности, но сейчас она точно отсутствует. Как известно, около 70% выпускников вузов не работают по специальности, об этом говорят разные исследования и разные оценки².

Более того, в большинстве случаев вуз не выбирает для получения конкретной специальности как обязательного будущего места работы. В течение семи лет я проводила опрос студентов скромного частного вуза, а в течение двух — престижного государственного, где изучала мотивацию студентов при поступлении

¹ <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id={D23348CA-2EA1-43C6-B535-3862ABA37797}>

² http://www.hrmonitor.ru/index.php?pname=news&news_id=4866, <http://www.zarplata.ru/n-id-14230.html>, <http://www.volgainform.ru/allnews/848732>, <http://www.faito.ru/archnews/1182632184,1194342915>

в вуз и их ориентацию на работу по специальности после получения специальности. Уровень студентов этих двух вузов очень сильно различается, есть и мотивационная специфика, но выяснились и общие черты. Во-первых, мотивация выбора вуза в обоих случаях слабо коррелирует с интересом к профессии¹.

Частный вуз выбирают в основном потому, что необходимо соответствовать норме — получить высшее образование, а шансы поступить в серьезный вуз невелики. Здесь же можно учиться, не сдавая экзаменов. После введения ЕГЭ — имея аттестат с любыми оценками. А выбор факультета (среди других факторов) во многом определяется представлением о том, какая профессия престижна и может стать социальным лифтом для людей, преимущественно находящихся в слабом положении, в этом лифте нуждающихся. Получение знаний лишь в некоторых случаях воспринимается как возможность быстрее подняться по социальной лестнице: в среднем гораздо более высоко оценивается профессиональный опыт, накопленный в процессе работы во время обучения в институте, совсем не обязательно по той специальности, к которой они готовятся. Как уже отмечалось выше, институт большинству своих студентов обеспечивает минимальную социализацию — умение относительно грамотно писать, прочесть какие-то книги, научиться устно выразить мысль и пр.

Несколько иная ситуация в престижном государственном вузе. Здесь в гораздо меньшей степени присутствует отношение к вузу как к социальному лифту, поскольку большинство студентов растут в семьях, находящихся на значительно более высокой ступени социальной иерархии. Многие из них учатся в хороших школах, занимаются с репетиторами, т. е. возможность выбрать вуз у них гораздо шире. Но лишь незначительная их часть при поступлении ориентировалась на выбор специальности: главное — поступить в вуз с хорошей репутацией, получить в нем достаточно широкое образование, а уже потом думать о той сфере, где они будут работать, делать карьеру. Здесь очень широко распространена идея о том, что бакалавриат — это первая ступенька, когда еще рано думать о будущем. Вопрос о специальности — это дело магистратуры или второго высшего образования (иногда в России, иногда за рубежом). И в этом случае можно говорить

¹ Я не буду говорить о такой очевидной вещи, что вуз для многих молодых людей — это способ не идти в армию или хотя бы отсрочить призыв.

о том, что при выборе вуза и факультета мотивация в слабой степени связана с получением конкретной специальности и, следовательно, получением знаний именно в данной области. Но представление о перспективных и бесперспективных специальностях — фактор очень важный и в этом случае.

При всеобщей ориентации на получение высшего образования интерес к специальности и не может быть решающим фактором хотя бы потому, что подростки в большинстве своем мало что знают о той специальности, которую собираются получать. Очень часто это не их выбор, а выбор родителей. К тому же выбор вуза, который происходит на конкурсной основе, — всегда поиск компромисса между желаемым и реальным, а потому и вузы, заявляющие о том, что какая-то форма набора дает им мотивированных студентов, либо лукавят, либо скрывают подлинные мотивы своих заявлений. В современной ситуации прием в вузы (за некоторыми исключениями, разумеется) представляет набор людей, которые по уровню своих знаний в принципе способны здесь учиться. Не больше, но и не меньше.

Поэтому я не думаю, что в мотивационном смысле прием в вузы на основе ЕГЭ что-то меняет в худшую сторону, как это ему инкриминируют некоторые руководители вузов². Действительно, получив в результате возможность подавать документы в большое число вузов, абитуриенты так и поступили, что привело к чудовищной неразберихе при наборе. Но они именно потому так и поступили, что им, в общем, все равно, куда поступать и кем стать, финансистом или, допустим, психологом, или социологом. ЕГЭ не снизил мотивацию, а продемонстрировал, что она у большинства абитуриентов низкая.

² Об этом руководители вузов говорили в программе «Родительское собрание» на радиостанции «Эхо Москвы». А. Кутузов, ректор Московского гуманитарного педагогического института: «Результат, который ЕГЭ дает, давайте считать его условно презентабельным. Условно, потому что для ВУЗа важна мотивация, а вот есть мотивация или нет мотивации, это мы посмотрим. Я думаю, что к несчастью в силу массы причин мотивация этого года резко упала». М. Искендаров, ректор Финансовой академии при правительстве РФ: «Теряется весь смысл нашей работы со школами, когда мы говорили о профориентационной работе, когда мы знали, что этот человек придёт, что он настроился именно стать финансистом. А ему сейчас всё равно, он рад поступить на любое бюджетное место хоть куда». Г. Канторович, проректор ГУ-ВШЭ: «Особенность этого года, что во всех ВУЗах, особенно в ведущих, давайте я другое слово употреблю, много случайных людей. Это одна из основных особенностей, потеряли люди ориентиры, и на всякий случай пробежим везде, ведь ничего не стоит, надо отдать». — <http://echo.msk.ru/programs/assembly/613971-echo/>

ЕГЭ оказывается нежелательным, поскольку он ломает сложившуюся систему, в общем приемлемую для всех субъектов взаимодействия при наборе студентов в вузы. Сломалась и пока не сформировалась в новом виде система набора в ситуации, когда можно подавать документы хоть во все вузы¹. ЕГЭ может стать угрозой для частных вузов, которым в связи с сокращением (из-за «демографической дыры») числа выпускников и так не хватает студентов, а в связи с экономическим кризисом и снижением финансовой состоятельности людей их будет не хватать еще больше.

Достаточно неожиданной оказалась еще одна проблема, которую наглядно продемонстрировал и обострил ЕГЭ: почти полное отсутствие у школьников знаний по отдельным предметам, которые учитывают вузы, но не ЕГЭ. О ней говорит категорическая противница ЕГЭ, депутат Госдумы Оксана Дмитриева. В качестве сильного аргумента против ЕГЭ она заявляет, что из-за его введения Россия потеряет технические вузы. Аргументация здесь такая: всем, в том числе руководству и преподавателям технических вузов, известно, что школа очень плохо учит физике, у школьников нет знаний, чтобы сдать ЕГЭ по этому предмету. Раньше таких абитуриентов все-таки принимали в технические вузы и уже там дотягивали до необходимого уровня, ликвидировали основные лакуны школьного образования. Школьники понимают, что ЕГЭ по физике они не сдадут, а потому не пойдут в технические вузы, в которых будет недобор, что совершенно недопустимо, поскольку страна лишится инженерных кадров².

Но все же для государственных вузов главная проблема — всем понятная опасность снижения запроса на услуги репетиторов. Нужно искать какие-то другие способы получения доходов, а значит, родителям выпускников надо быстро сориентироваться в новой, непривычной ситуации.

Если верить родителям старшеклассников, то поиск в этом направлении уже идет. В частности с помощью вузовских олимпиад, победители которых имеют право на поступление. В 2009 г. право проводить такие олимпиады, победители которых получают 100 баллов по профильным предметам, получило более 100 вузов.

¹ Тут же появились многочисленные требования ограничить абитуриентов, чтобы они не имели возможности так «разбрасываться» своими документами. Но ведь ЕГЭ отчасти для того и принят, чтобы эти возможности были шире.

² См.: <http://www.echo.msk.ru/programs/klinch/580684-echo/>, <http://vz.ru/society/2009/2/2/252333.html>

И большинство таких олимпиад имеет четко выраженную коррупционную составляющую. Приведу два примера такого рода, размещенных на семейном сайте Интернета: «Была моя дочь давеча на олимпиаде в одном заштатном вузике. Потрясло то, что к некоторым абитуриентам подсаживались тетеньки-экзаменаторы и писали с ними работы в соавторстве! Вот мне подумалось, если в таких местах поступление куплено, то что же творится в приличных?» и «У меня сын писал олимпиаду в МИИТе в свое время. Та же самая картина: преподаватель решал и относил девушке на последней парте, а остальная аудитория злобно скрипела зубами и молчала. Бедные ребята!»³

Очевидно, что проблему коррупции ЕГЭ полностью решить не в состоянии, но переход на единый экзамен — шаг в этом направлении. Однако при крайне низких официальных доходах преподавателей вузов многие из них просто вынуждены жить за счет репетиторства и «помощи» студентам в процессе поступления, а в дальнейшем и обучения. Перенос акцента со вступительных экзаменов в вуз на школу (ЕГЭ) создает при этом много проблем. Оппоненты сразу возразят, что и к ЕГЭ надо готовить, что репетиторство при этом не исчезнет. Это так, но теперь им смогут столь же успешно заниматься не только вузовские преподаватели, но и школьные учителя, а это неизбежно приведет к снижению цен на подготовительные услуги. Если в большинстве популярных вузов была своя местная «специфика» в программе приемных экзаменов, которую нужно было знать для успешной их сдачи, а потому требовались репетиторы именно из этого вуза или хотя бы подготовительные курсы именно в нем, то ЕГЭ принципиально единообразен. Подготовить к сдаче ЕГЭ школьников, имеющих по предмету определенный уровень знаний, может любой специалист, включая сильных школьных учителей. Разумеется, университетское лобби стремится сохранить свои преимущества, а потому наиболее престижные вузы добиваются права проводить свои дополнительные экзамены, что, я думаю, будет и впредь.

Но, может быть, самым престижным вузам требуются особенно одаренные и особенно мотивированные абитуриенты, и обладатель аттестата с 95 баллами по требуемым предметам не в состоянии там учиться⁴? Приведу пример это

³ <http://conf.7ya.ru/frameaset.aspx?cnf=Teenagers>

⁴ Разумеется, речь не идет о творческих (музыкальных, театральных и пр.) и некоторых других (например, спортивных) вузах, где требуется особый дар, который с помощью ЕГЭ оценить нельзя. <http://www.volgainform.ru/allnews/848732>, <http://www.faito.ru/archnews/1182632184,1194342915>

опровергающий. Один из наименее коррупционных столичных вузов, ГУ–ВШЭ начал прием студентов по результатам ЕГЭ в первые годы его существования. А потом проводилось сравнение академических успехов студентов, поступивших по ЕГЭ и традиционным образом. Оказалось, что практически все студенты, поступившие по ЕГЭ, оказались в верхней трети рейтинга студентов, т. е. в среднем учатся лучше своих однокурсников, единого экзамена не сдававших. Так что набор студентов с помощью ЕГЭ вряд ли так уж опасен для хороших вузов. А вот для хороших школьников из глубинки он, несомненно, предпочтителен, поскольку к ЕГЭ при должной мотивации и достаточном трудолюбии можно готовиться самостоятельно. Во всяком случае, это проще, чем готовиться к традиционным экзаменам, где, кроме собственно знаний, часто нужны представления о специфичности требований в данном конкретном вузе. И вот здесь начинается наиболее острая борьба – борьба за ресурс.

Москва – для москвичей: борьба за дефицитный ресурс. Исследования показывают, что наиболее негативное отношение к ЕГЭ характерно для жителей Москвы¹. Не случайно в столице дольше всех воздерживались от участия в этом эксперименте, что позволяло столичным выпускникам поступать в вузы с помощью вступительных экзаменов.

В июле 2009 г. студенты соцфака МГУ под руководством сотрудников Левада-Центра провели опрос 800 выпускников московских школ, большинство из которых собирались поступать в столичные вузы. Это был момент, когда все ЕГЭ были сданы, документы, скорее всего, поданы в вузы, но зачисление еще не начиналось. Так что уверенности в том, что итоги ЕГЭ оказались успешными либо неудачными, еще не было, но 3/4 респондентов полагали, что студентами они станут². Это означает, что настрой у них был достаточно позитивным, большинство из них не считали, что из-за ЕГЭ разрушатся их жизненные планы.

По данным, предоставленным Левада-Центром, около половины респондентов считали, что результаты ЕГЭ соответствуют уровню имеющихся у них знаний, 5% получили более высокие баллы, чем они (по собственному

мнению), заслуживали, еще 9% полагали, что по одним предметам оценки выше заслуженных, по другим – ниже. Суммарно доля таких «необिженных» ЕГЭ абитуриентов составила 62% против 36 недовольных своими оценками. В общем, треть недовольных – это нормальная ситуация, хотя их было бы очевидно меньше при обычных выпускных экзаменах в школе, которые принимают свои собственные преподаватели. Выпускники/абитуриенты проявили лояльность к ЕГЭ и при ответе на вопрос «Как вы относитесь к отмене вступительных экзаменов в вузы и поступлению в вузы по результатам ЕГЭ, который сдается по окончании школы?» Можно предположить, что сдавать экзамены дважды тяжелее, чем только один раз, и 54% участников опроса высказались за такую систему положительно (целиком или частично), противников такой системы 39%. Но при этом лишь 16% московских абитуриентов полагают, что ЕГЭ точнее оценивает знания, чем обычные экзамены, против 49% придерживающихся противоположной точки зрения – разница трехкратная³.

В ходе ЕГЭ немалая часть выпускников имели возможность пользоваться «вспомогательными средствами» – шпаргалками (27%), мобильными телефонами (26%), учебниками (4%), подсказками преподавателей в зале (7%). Только 54% сказали, что никакой помощью они не пользовались, т. е. экзамен проходил действительно честно. Все-таки школьникам «помогали», и в этом ЕГЭ уже сблизился с обычным школьным экзаменом, хотя помощь во время ЕГЭ получить было все же сложнее.

ЕГЭ обладает немалым количеством очевидных недостатков, это ясно. Но все же у него есть и преимущество, заключающееся в том, что у выпускников из других регионов оказывается больше шансов на поступление в столичный вуз, чем это было прежде⁴. Но это амбивалентное достоинство – оно является таковым для иногородних, но очень сильным недостатком

³ По мнению 30%, разницы между этими системами в оценке знаний не существует.

⁴ Когда набор шел как москвичей по вступительным экзаменам, так и иногородних частично по ЕГЭ, то многие московские вузы закрывались от излишнего наплыва немосквичей тем, что ставили москвичам явно завышенные баллы, необходимые для поступления. В одном из престижных экономических вузов минимально необходимый для поступления балл ЕГЭ по математике составлял на разных факультетах от 95 до 98 баллов. Это ставило московских и немосковских абитуриентов в заведомо неравные условия. Проходной балл для москвичей был значительно ниже. Или по ЕГЭ принимали на менее престижные факультеты, ограждая их от иногородних обладателей даже наивысших ЕГЭ и пр.

¹ <http://bd.fom.ru/pdf/d26ege.pdf>

² Такая уверенность молодых людей была вполне обоснованной – их результаты ЕГЭ значительно превысили среднемосковский уровень. Вероятно, это связано с тем, что в выборку попало много детей из высокообразованных семей: у 71% из них отец имеет высшее образование, у 68,5 – мать.

для москвичей. Поэтому Москва стремилась максимально долго сохранить разделение способов приема «своих» (по обычным экзаменам) и «чужих» (по ЕГЭ). Это удавалось до 2008 г., когда и москвичи вынуждены были начать сдавать ЕГЭ по русскому и математике, а с 2009 г. и по всем остальным предметам.

Уровень претензий к ЕГЭ, способы его дискредитации прямо зависели от того, сколько экзаменов надо таким образом сдавать москвичам. Пока их было два, самым сильным оружием была жалость: страдания и волнения несчастных школьников, доведение самоубийства и пр. Когда все экзамены в Москве стали сдаваться по новой системе, пришлось использовать еще более «тяжелую артиллерию» — апеллировать к чувствам москвичей по отношению к приезжим, т. е. к кавказцам.

В СМИ появляется большое количество публикаций совершенно ксенофобского толка, которые массово перепубликовывались на многочисленных Интернет-сайтах, цитировались в блогах и Интернет-дневниках. Наиболее сильной и открытой оказалась большая публикация в газете «Комсомольская правда» под заголовком «Вузы захватили “отличники ЕГЭ”, плохо говорящие по-русски»¹ с подзаголовком «В этом году, пользуясь возможностью поступить в университеты по результатам ЕГЭ, в столицу хлынули тысячи абитуриентов со всей России». Далее сообщалось, что чуть ли не все места в престижных московских вузах заняли представители Южного округа, «причем иногда горячие кавказские парни начинают выяснять друг с другом отношения уже в очереди в приемную комиссию». Говорится о том шоке, которые испытали руководители вузов и члены приемных комиссий, получив явно липовые документы и о том, что «высокая концентрация студентов с Кавказа грозит новой волной межнациональных конфликтов в студенческой среде, считают руководители столичных вузов. И это не домыслы, а реальность». В главке «История вопроса» рассказывается о том, что «этнический беспредел» в Москве возник уже давно, но сейчас он может принять массовый характер, о бандитских студенческих группировках из числа кавказцев, о том, что с ними уже не справляются столичные правоохранительные силы и пр.

Устрашение продолжило информационное агентство «Новый регион» в статье: «Преподаватели бьют тревогу: вузы Москвы и Питера штурмуют неграмотные джигиты с сотнями

по ЕГЭ»², где сообщалось, что все заполонили безграмотные, но агрессивные «джигиты» из Чечни, Дагестана и Ингушетии. Причем если в столицах количество сдавших профильные ЕГЭ на 100 баллов едва достигает полутора сотен (в основном это выпускники специализированных школ), то в кавказских республиках «таких выращено — едва ли не четверо из каждых пяти выпускников». При этом «вундеркинды из глубинки» прямо и откровенно заявляют, что просто хотят «зацепиться в столице», чтобы «хорошо жить», им абсолютно наплевать и на избранную специальность, и на то, в какой вообще вуз они поступают: главное, — «чтобы поступить на бесплатное бюджетное место, и чтобы диплом был хоть чуть-чуть престижным, а учеба необременительной».

Нагнетание страстей так велико, что эта тема обсуждается повсеместно, причем противопоставляются талантливые, умные, образованные, но непробивные и бедные московские абитуриенты и эта страшная безграмотная, богатая, опасная орда³.

Руководитель Рособрнадзора Любовь Глебова пытается с помощью цифр доказать, что ситуация не такова. В частности она отмечает, что в Чечне, Дагестане очень низкие показатели по ЕГЭ, в Чечне вообще нет выпускников, получивших 100-балльные результаты, слабые результаты по русскому языку получены и в Кабардино-Балкарии. Действительно, явно завышенные результаты отмечаются в Карачаево-Черкессии (доля ЕГЭ выше 80 баллов — 5,5%), в Ингушетии (2,1%), но суммарно счет идет на десятки, может быть, несколько сотен выпускников на всю страну. Тем более, что явно завышенные ЕГЭ отмечались далеко не только там, но и, например, в Воронежской (3,5%) и Липецкой (2,6%) областях.

Но информация уже воспринята, поскольку она соответствует массовым ожиданиям. И вот родители абитуриентов и будущих абитуриентов заходят на сайты вузов, где публикуются списки поступивших, в поисках кавказских имен и фамилий. Все это широко обсуждается, вызывая некоторую антикавказскую истерию. Интересно, что сообщения о том, что нечестные результаты были получены в русских областях, никакого особого отклика не получают.

Для москвичей их право на собственные ресурсы является неотъемлемым, и любые (действительные или мнимые, как в данном случае)

¹ <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2Fkpb.by%2Fdaily%2F24335.3%2F526221%2F&text=%E2%F3%E7%FB%20>

² <http://www.nr2.ru/society/240377.html>

³ К большому сожалению, этот курс поддержали и некоторые издания либеральной направленности.

покушения на него вызывают острый протест. Москва — для москвичей в том смысле, что только москвичи имеют право на «добавочные», недоступные другим ресурсы. А места в хороших вузах сегодня — это один из остро конкурентных ресурсов наряду с таким же «естественным» правом на более высокий уровень жизни, на лучшее рабочее место и пр. Жизнь в столице особая, так больше нигде не живут, и никто не имеет права на нее покушаться.

Уже в 2004 г. я проводила опрос московских студентов, который показал, что они в целом неодобрительно относятся к своим однокурсникам из других регионов, поступившим по ЕГЭ¹, рассматривают их как недобросовестных конкурентов. Но тогда москвичи еще находились в привилегированном положении, поскольку сами шли в вузы другим путем, отличались от приезжих. Попытка уравнивать тех и других в правах не могла не вызвать очень сильного протеста просто потому, что никто не имеет права покушаться на московские блага.

Следовательно, необходимо было максимально опорочить тех, кто нарушил равновесие, покусился на те блага, которые им не принадлежат по праву рождения. И вот здесь самый сильный ход — перевести проблему в этническую плоскость, показать, что «захватчики» — как раз те люди, которые, по определению, ниже. К тому же их массовое появление в Москве не на рынке в качестве продавцов (что уже нежелательно, лучше, если торгуют наши старушки), а в лучших вузах приводит к таким угрожающим последствиям, как снижение государственной безопасности. Это не только бандитские группировки в лучших вузах, но и будущие врачи-убийцы, и безграмотные учителя, которые будут выращивать в высококультурной столице безграмотных москвичей.

Очень четко сформулирована эта позиция в одном из Интернет-комментариев к публикации в «Новом регионе»: «ВУЗы существуют не для того, чтобы каждый законный наследник отары в пару сотен курдючных баранов мог похвастаться в родном ауле «корочками». Но это еще полбеда. А вот когда этот самый законный наследник отары, который не может без ошибок даже заполнить заявление о приеме, начнет нас лечить, судить, вести следствие или учить наших детей (не знаю, что хуже) — вот это уже беда. И она не за горами. Спасибо Фурсенке с его ЕГЭ. Отдельное спасибо правозащитникам»².

Заключение. У российских педагогов есть мрачная шутка: «Наше образование — лучшее в мире, только в остальных странах об этом не знают»³. Результаты международного исследования знаний и умений 15-летних подростков PISA показывают, что это не только шутка. Правда, нередко результаты PISA подвергаются сомнению так же, как российская общественность отвергает объективность результатов ЕГЭ. Но какими бы необъективными ни были результаты того и другого, они очень близки между собой. Как отмечал Виктор Болотов, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования: «Результаты PISA хорошо соотносятся с баллами Единых Государственных Экзаменов». Не справились с заданиями ЕГЭ в 2008 г. и тестами PISA примерно равное число школьников⁴. Это позволяет предположить, что действительно около четверти школьников даже на минимальном уровне не осваивают предмет, а большинству остальных это удается на уровне «тройки».

Если согласиться с этими результатами, а не просто снижать количество решенных заданий для получения приемлемых баллов, то выясняется, что современная школа находится в кризисе, требует концептуальной перестройки. Но у нас нет концепции школы: чему, как и для чего она должна учить. Более того, новая концепция образования требует участия всех заинтересованных субъектов — от государства до родителей школьников и самих школьников. Образование — институт консервативный и инерционный, серьезные изменения в нем возможны только в том случае, если на них есть реальный и настоятельный запрос.

Сегодня этого запроса, в общем, нет. Несмотря на ритуальные жалобы на коррупцию в сфере образования, на неудовлетворенность качеством школы, зарплатой учителей и пр., существующая система функционирует и законы, по которым это движение происходит, известны всем участникам процесса. Появление ЕГЭ оказывается здесь скорее опасным, чем полезным: он показывает проблемы, но их не решает, потому что организации и содержания образовательного процесса не касается. Более того, внедрение ЕГЭ создает огромные сложности: как можно организовать единый экзамен, чтобы это не потребовало слишком больших перемен, к которым государство и общество просто не готовы?

¹ Борусяк Л. Патриотизм как ксенофобия // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. С. 58–70.

² <http://www.nr2.ru/society/240377.html>

³ <http://www.abitura.com/man/pisa.html>

⁴ <http://www.abitura.com/man/pisa.html>

Пока происходит только «латание дыр»: слишком много двоек, снизим требования, и их не будет. Если они будут, это приведет к социальным проблемам, несопоставимым с преимуществами честного оценивания. А если продолжать выставлять «липовые» тройки, то выпускники спокойно для себя и для общества продолжат идти намеченным курсом, т. е. в институт, что считается необходимым для достижения приемлемой для дальнейшей жизни и работы социализации, а не окажутся в числе безработных.

К тому же это позволит не погубить частные вузы, которым и так с каждым годом будет все больше не хватать студентов: ведь преподавателям этих вузов надо жить и кормить семью.

За счет чего будут жить со своими мизерными зарплатами преподаватели государственных вузов, если снизится запрос на репетиторство и оказание «помощи» во время приемной кампании в вузах? Значит, надо искать какие-то пути вроде олимпиад, позволяющих «помогать» при приеме в вуз. Олимпиады вызывают общественное возмущение? Найдутся какие-то другие формы «помощи» вузовским преподавателям.

Протесты вызывает слишком большое количество мест, куда абитуриенты получили возможность подавать документы? Можно подождать, пока система придет к какой-то стабильности, путем проб и ошибок найдется равновесие. А можно запретить это делать, и тогда, как и раньше, студенты пойдут в два или три вуза.

Оказалось, что ЕГЭ вызывает возмущение у жителей двух столиц (прежде всего, у москвичей) и это ведет к резкому росту ксенофобии? Можно с этим смириться, а можно найти какие-то способы, которые позволят жителям крупнейших мегаполисов сохранить свои преимущества. В этом направлении уже работают

представители московского образования, предлагая всем школьникам собирать свои «портфолио», где фиксируются все их достижения за 11 лет учебы. Возможно, удастся добиться того, чтобы эти «портфолио» учитывались при зачислении в московские вузы.

Вопросов много, а ответов на них не видно. Прежде всего, именно поэтому, а не из-за недочетов самих экзаменационных тестов или организации экзаменов ЕГЭ вызывает столько протестов и общественного возмущения. Образование — процесс крайне инерционный, что быстро изменить в нем просто невозможно. Любые попытки серьезных изменений, даже внешних, как ЕГЭ, всерьез не затрагивающих систему, приводит к огромному числу новых проблем, а старые при этом тоже сохраняются. Для того чтобы что-то серьезно изменить в этой сфере, нужна реальная потребность в этом со стороны всех субъектов взаимодействия, а именно она в общем отсутствует.

Мне кажется, что полного перехода на ЕГЭ, когда он станет единственным способом набора, скорее всего, не произойдет, хотя и совсем отказаться от него теперь уже сложно. Будут идти те же процессы, что и сейчас: вузы продолжают борьбу за право принимать студентов на основе дополнительных испытаний, т. е. традиционных вступительных экзаменов, будет введен учет прежней успеваемости («портфолио») и прочего для итоговой аттестации и работать будет смешанный вариант, включающий и старую систему выпуска-набора, и новую. А борьба против ЕГЭ будет продолжаться во все новых и новых формах. До тех пор пока не установится удовлетворительный, пусть во многом коррупционный, но понятно коррупционный тип взаимодействия, как это было при традиционной форме выпуска/приема.

МАССОВЫЙ ОБРАЗ ПРОШЛОГО И ПОЛИТИКА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Лев Гудков

Время и история в сознании россиян (часть I)

Путешествуя в прошлом году по Каналу и беседуя с множеством людей, в том числе с детьми ссыльных и бывших ээка, я с изумлением обнаружил, что все они гордятся этой стройкой — словно египтяне своими пирамидами.

В. Вильк¹

Время: предварительные замечания. Данная статья продолжает серию публикаций сотрудников Левада-Центра, выполняемых в рамках сквозного для нас исследовательского проекта «Советский человек»². Прежде чем перейти к содержательному анализу временного, в том числе и исторического, сознания «советского человека» необходимо определить, что такое «время» с точки зрения социолога и каковы его типы и разновидности, включая и те представления о прошлом, которые в обиходе называют «историей». В своем понимании социального времени я исхожу из трактовки времени И. Канта, утверждавшего, что время — это априорное условие предметных созерцаний (порядок последовательных представлений)³, и определяю социальное время как порядок, последовательность социальных действий индивида, ожидаемую или предполагаемую частоту повторения взаимодействий индивида с другими акторами, чья принадлежность к определенным социальным группам или к социальным институтам оказывается значимой для самой этой последовательности действий. В соответствии с этим подходом в качестве меры времени могут приниматься лишь различные типы социального действия, выступающие в качестве средств согласования (сопоставления) одних последовательных действий с другими, выстраивания порядка их организации, последовательности,

приоритетности (иерархичности)⁴. Содержательность (специфика, структура) социального времени зависит именно от того, какое именно социальное действие принимается в качестве нормы «времени», какие конвенции устанавливаются (принимаются, навязываются и кем) в отношении подобного порядка согласования социальных взаимодействий.

В редких исследованиях времени (культурологов, историков, социологов) внимание в первую очередь обращают на частоту повторения однотипных форм социального действия (взаимодействия), тогда как организация более сложных, агрегированных форм согласования действий, повторяющихся временных порядков, социальных «ритмов», определяющих циклы коллективной жизни, обычно остается на втором плане. Важнейшей задачей для анализа временных аспектов социальных образований становится необходимость установления связи между семантикой времени (идейными, культурными, ценностными значениями временных порядков, ритмов, смыслов действия) и социальными формами обобществления (устойчивыми социальными структурами взаимодействия — группами, сословиями, институтами,

¹ Вильк М. Волок. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. С. 60.

² См. предыдущий номер «Вестника». С. 8.

³ Кант И. Собрание сочинений: В. 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 135–139.

⁴ Важнейшими для меня в данном отношении работами являются две статьи Ю.А. Левады: К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации; О построении модели репродуктивной системы (проблемы категориального аппарата) // Он же. Статьи по социологии. М., 1993, с. 39–49 и 50–60. О времени и часах см. также: Гудков Л., Левинсон А. Вещь глазами социолога // Декоративное искусство СССР. 1987. № 7. С. 14–18.

общностями, слоями и т. п.). «Убыстрение» или «замедление» социального времени означает усложнение структуры социального действия или, напротив, ее упрощение, примитивизацию нормативной структуры социального взаимодействия и изменение ритмов социальной жизни.

Выделение (растущая относительная автономизация) различных систем времени и все большее и большее подчинение в современных обществах различных явлений социальной жизни наиболее формальным, универсальным средствам согласования социальных ритмов становятся производными от усложняющихся структур социальной организации. Чем интенсивнее идут процессы отделения места и времени работы от дома, культовых ритуалов от производства, домашних занятий и связанных с ними представлений семьи от других типов общностей, «свободного времени» (т. е. собственного времени «индивида», субъективно распоряжения собой и своими ресурсами), символических институтов от тех, которые обеспечивают соблюдение общих правил поведения, а их вместе, в свою очередь, — от производственных или, в самом широком плане, инструментальных типов действия, тем больший объем определенных социальных функций (видов деятельности) переходит от одного института другим, специализированным институтам. Например, обучение и социализация, забота о пожилых, лечение, производство, поддержание порядка и прочие особые виды деятельности, которые раньше составляли повседневную жизнь семьи, в современных обществах все в большей степени раздаются специализированным учреждениям. А это означает усиление значимости медиаторных структур — коммуникаций, согласования, соизмерения, интеграции, общей социализации.

Умножение типов социального времени в этом ряду сопряжено как с увеличением диапазона и растяжением самих «шкал» перемещений (т. е. с горизонтальной или вертикальной мобильностью), так и с изменениями в социальной морфологии общества: появлением досуга и его усложнением, участием в разнообразных формах социальной жизни — экономической, политической, общественной, любительской и т. п. Другими словами, в самом общем виде аналитическая фиксация структуры времени обусловлена возможностями интерпретации структуры ценностей данного общества и его составляющих, степенью ее автономизации, «обобществления», как говорили немецкие со-

циальные философы, в том числе и К. Маркс. Чем сложнее структура общества, тем в большей степени индивиды, составляющие это «общество», эмансипируются от принадлежности к каждому отдельному кругу социального взаимодействия, к отдельной социальной группе или институту, тем в большей степени человек выступает распорядителем собственного «социального времени», определяя его порядок в соответствии со своими приоритетами и действиями. И, напротив, чем проще (или в известном плане — архаичнее) социальная структура (групповая и институциональная морфология), тем более жестким и принудительным является порядок социального взаимодействия. Предельным случаем почти полностью тотальной, а потому самой примитивной организации времени в современности (в XX в.) оказывается концлагерь — нацистский лагерь уничтожения или ГУЛАГ. С ними не могут сравниться любые иные формы «узилища» (Asylum), описанные И. Гофманом (монастырь, больница). Не может сравниться даже армия (казарма), хотя она, особенно в советско-российском варианте массовой мобилизационной армии, всеобщей обязательной службы по призыву, также являет собой образец современного крепостного состояния человека, не имеющего свободного времени или очень ограниченного в своем «личном» времени. Как и в традиционном социуме, в концлагере нет необходимости в часах (как механическом средстве внутренней, субъективной синхронизации ритмов социальной деятельности), поскольку весь порядок отношений регламентирован «извне», а спектр наказаний за отклонение неширок и предельно репрессивен.

Время «линейное», или «физическое», «объективное», направленное из прошлого в будущее, измеряемое равномерными отрезками «пустой», «внесобытийной» или «формальной» шкалы, — самая поздняя форма времени. Ее распространение (но не возникновение!) соответствует периоду утверждения «современной» европейской «культуры», просвещения, образования (а позднее — модерности) с характерными для нее атрибутами — инструментальной рациональностью, техничностью, трагической разорванностью индивидуального существования (в силу конечной бессмысленности жизни), «борьбой» или «смертью богов». Авторитет представителей этих сфер, выступавших в качестве новой элиты, пришедшей на смену аристократии, — ученых, инженеров, промышленников, финансистов — оказался настолько высок,

что присущие им категории мышления в новом «обществе» воспринимались как «естественные», а соответственно, и само линейное время оказывалось универсальной, и в силу этого — «изначальной» формой времени вообще. Линейное время — такой же (гомологичный) продукт эпохи Нового времени (протомодерности), как и другие универсальные системы координат и техники измерения — линейная перспектива в живописи, идеи универсальной истории человечества, литературы, географической сетки широт и меридианов, понятия метода в позитивной науке, позитивное формальное право, представительская форма правления, метрическая система мер и весов, кантовская философия разума и морали, распространение почты и всеобщих транспортных коммуникаций (железных дорог, морского и наземного регулярного сообщения), всеобщего (реального) образования¹, а позднее — массовой призывной и мобилизационной армии, прессы, индустриальной технологии и основанной на ней и на универсалистской финансово-кредитной денежной системе свободной рыночной, т. е. капиталистической, экономики и других подобных институциональных форм.

Легитимность этих новых институциональных форм была настолько сильна для относительно образованных групп, составлявших то, что мы теперь называем «обществом», что они подчинили себе более архаические формы времени и организации социального поведения, изменив соотношение символических и инструментальных функций. Самые высокие для нас ценностные значения коллективной жизни, смыслы группового или институционального поведения мы можем выразить только в языке архаических форм, в том числе — и форм времени (циклического, литургического, мифологического, времени обетования и т. п.), но никак не современных значений, или, точнее, значений «современности», оперирующей либо с категориями линейного времени, либо с «субъективным», но потому не подлежащим генерализации, а часто — и квантификации, временем. Такова роль праздников и ритуалов (семейных, государственных, общественных), воспроизводящих порядок циклического времени и имеющих статус воспоминаний о реальном или символическом событии, в которое верят, значимость которого для некоторого

¹ Именно тогда же возникает идея университета нового типа, образцом или моделью которого стал новый, ориентированный на гуманитарные дисциплины и практический реализм университет в Геттингене, а также гимназии.

коллективного целого признают. Апелляция к прошлому играет роль традиционной или традиционалистской легитимации существующего порядка или отдельных его элементов². Литургическое время церковного или религиозного обряда соединяет в единое состояние «начальное» и настоящее время, время свершения события, время испытаний, жертвы, спасения и время воспоминания о нем³. Переживание

² В основе любого подобного праздника лежит очень стертая или вырожденная структура аграрных обрядов и ритуалов — похорон и воскрешения — с элементами особой еды, «жертвы», симпатической магии, оргиастики, опосредования сил потустороннего и тутошного, земного мира. Особая атмосфера ожиданий, приподнятости, повышенной знаковости поведения (одежды, отношений, жестов, языковых кодов и т. п.) указывает на проигрываемые при этом, т. е. представляемые, ресемантизируемые значения части и целого. Поэтому в самих праздничных формах, циклически повторяющихся ритуалах и церемониях (смерти и воскрешения или нового «рождения»), всплывают и оживают слои магического сознания, возникают тождества «заключения и действия», пожелания и исполнения, снимающие границу различности разных модусов реальности.

³ Характерно, что мир высших значений семантически может быть представлен лишь как сфера неизменных сущностей, образов и символов (как говорил Кант, «звездное небо над нами»); он статичен, неподвижен, вечен, т. е. изъят из «времени», лишен временных влияний. Там нет поля для человеческих, индивидуальных, субъективных действий. Значимость ценностных представлений в некоем условном пространстве предпочтений или иерархии ценностей, ограниченной перспективой рассмотрения, может быть выражена только через постепенное устранение временных характеристик значений ценностей. «Вечность», собственно, и означает изъятие возможности влияния на них человека, несоизмеримость повседневных человеческих значений и смысловых сущностей этой зоны, неприкосновенность, несоизмеримость для профанов мирового порядка и собственной жизни. Этим этически рационализированная идея надличного бога отличается от сферы магического. Магия (культ) предполагает возможность воздействия и влияния на высшие силы, связь с ними настоящего и повседневности через акт сверхъестественной коммуникации и воздействия (что предполагает наличие у посредника харизматических способностей). Однако в этом случае боги, божества, божественные силы (демоны, святые и духи и проч.) не совместимы с этической (или ценностной) рационализацией мира, который как целое остается поэтому иррациональным, многоставным, множественным. Напротив, идея безличного бога включает в себя совершенство всего мыслимого и сущего, возможность интеллектуального снятия всех противоречий, но именно поэтому он недоступен для воздействия, а значит, и изменения; он вечен и вездесущ, а потому лишен характеристик изменчивости. Поэтому, кстати, идея конструирования системы ценностей как выражения полноты культуры, выдвинутая и защищаемая, например, Г. Риккертом, немедленно натолкнулась на резкую методологическую критику со стороны Э. Трёлча. (см.: *Trölsch E. Historismus und seine Probleme. Buch 1. Das logische Problem der Geschichtsphilosophie. Ges. Werke, Bd. 3. Tübingen, 1922*). Перенос значений предельной длительности времени на значения и символы более низкого порядка, например, политические образования или союзы (тысячелетняя Россия, тысячелетний Рейх и т. п.) указывает на стремление идеологов этих образований к иммунизации подобных значений от критической рефлексии (от понимания генезиса и функций этих идеологических образований) и отключение внимания обывателя, массового человека от характера организации власти, суггестию коллективных символов целого.

его в момент церемониала обеспечивает выход «из себя», из связанности повседневными отношениями и заботами и соединяет конечные значения или состояния с актуальным положением вещей, проявляя их трансцендентальный смысл, статус в иерархии соотношений, переопределяя значения части и целого (жизни, народа, веры), невыразимых на языке обыденности. Язык экстраординарности апеллирует к таким категориям, как вождь и чудо, враг рода человеческого и условия спасения от полной гибели, абсолютной смерти, мифологическое тождество слова (клятвы, пожелания, обетования, угрозы) и действительности, т. е. соединение времени тревоги, заботы и надежды, модальности осуществления.

В противоположность этому восстановлению смыслового целого, которое может быть только мифологическим (проступающим сквозь современные формы идеологии и практического поведения), секуляризованное время мечтаний, грез, желаний, включая и консьюмеристскую психологию обыденного, представляет собой цепочки или звенья прежних мифологических образований, радикалы архаики (трикстерские посещения верхнего и нижнего мира, помощь «чудесных помощников» или обратное течение времени, как в платоновском мифе о том, что люди рождаются стариками и постепенно молодеют, пока не становятся бессмысленными младенцами и не исчезают).

Линейное или универсальное время охватывает все прочие формы организации времени, синхронизирует их на чисто условной, формальной шкале бессобытийного, бескачественного порядка, допускающего любые действия и взаимодействия (по масштабу, протяженности, конструкции представлений, вектору направленности событий и т. п.). Устойчиво воспроизводящийся социальный порядок взаимодействий задает всеобщие шкалы социального времени, тем самым вводя известный релятивизм в проблематику социального времени отдельных групп и институтов. Но релятивизм этого рода не содержательный, а методический: он требует принимать во внимания субъективно полагаемые самим действующим смыслы действия (своего и своего партнера или третьих лиц), их сочетания и последовательные порядки согласования. Универсальное время может возникнуть только в границах современного общества или синхронизации действий с ним. А это означает наличие многообразных и дифференцированных социальных институтов и сложнейшей групповой структуры, коорди-

нируемых универсальными формами синхронизации времени.

Возможно существование едва, полу- или недомодернизированных обществ, *некоторые* институты которых (при исключении всех остальных) функционируют в режиме универсального времени. Таковы были при Сталине научные институты, связанные с военным производством или разработкой атомного оружия, разведка и другие, выпадавшие из состояния закрытого социума и имевшие доступ к мировым каналам информации. Но сохранять подобный режим закрытости на протяжении долгого времени невозможно, поскольку такое состояние означает отсутствие институциональной дифференциации, а значит, стагнацию общества, экономики, науки или их деградацию¹.

Для нас здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что широкое распространение в России линейного времени и соответствующих социальных и культурных форм сознания и поведения, — достижение самого недавнего прошлого. Сами механические часы (напольные), в отличие от Западной Европы, появились в России лишь при Алексее Михайловиче, т. е. в конце XVII в., когда в Европе давно уже производились часы для персонального пользования — в виде брелка («луковицы»), кулона или даже перстня, а при поездках использовались более громоздкие часы в специальных футлярах размером с наш будильник. То же самое можно сказать и о появлении городских часов — курантов в Москве, которые, в сравнении с западноевропейскими городами, запоздали на два-три века. Конечно, в монастырях и центрах церковной жизни были свои системы литургического времени, но они, как правило, не оказывали влияния на порядок организации жизни вне своих пределов.

¹ Выход из режима закрытого общества тоже происходит «не вдруг», не «революционным путем», а постепенным расширением круга допущенных к информационным каналам. Рано или поздно ослабляется режим спецхрана в крупнейших библиотеках, а сами библиотеки классифицируются по ступеням доступа: то, что закрыто в ГБЛ и, тем более, в областных или университетских библиотеках, может находиться в открытом доступе ИНИОН, — увеличивается выезд за границу, чтение на иностранных языках и т. п. О цене этой закрытости (задержках во времени) мы можем пока лишь догадываться, судя по той степени интеллектуальной неразвитости или некомпетентности российских элит, оказавшихся не готовыми к социальной модернизации страны, что с такой силой проявилось в 1990-е гг. и позже. Об «отсталости» основной части населения России, в сравнении даже с обществами других восточноевропейских стран, таких, как Чехия, Польша, Словения, можно судить по скорости «возвращения» на более низкий уровень культурного и социального развития, о чем свидетельствует «выход на поверхность» традиционалистских стереотипов, социальных предрассудков, комплексов национальной неполноценности и фобий.

За исключением тончайшего слоя урбанистической культуры в императорской России, носителями которой были аристократия, служивое дворянство, чиновничество, купечество, промышленники, представленные не только в немногочисленных городах, но и в усадьбах с их характерным образом жизни, средства измерения времени, как и сознание сложности самой структуры времени, в России отсутствовали. Поэтому можно сказать, что идея сложного времени — актуального, прошлого, будущего, — тем более идея универсальной истории, в которой отечественная история составляет лишь часть всего целого, начинает усваиваться обществом лишь с появлением массовых социализационных институтов: высшего общедоступного (а не сословного) образования, средней школы, СМИ, всеобщей армии по призыву (внутри которой работают, кстати говоря, военные школы, инициированные военным министром Д. Милютиним), развитой транспортной системы (железных дорог), а также практики тотальной индустриальной войны — Первой мировой войны. Величина слоя, пользовавшегося часами (и соответственно, имевшего какое-то понятие о линейном времени), в конце XIX — начале XX вв. в России не превышала 2% населения, но и этот тонкий, хотя и быстро растущий вплоть до начала Первой мировой войны слой урбанистической культуры был «уполовинен» к середине 1920-х гг.

Вопреки кажущемуся хаосу размерностей, следующему за такой посылкой («время — последовательный порядок социальных действий»), типы времени, как и другие типы устойчивых взаимодействий в обществе, не представляют для социолога бесконечного многообразия. Как и другие социальные формы, временные размерности взаимодействия обусловлены коллективными формами регуляции поведения, а это значит, что время может быть сведено к институциональным, групповым (большим или малым групп) или конвенциональным формам определения взаимодействия. «Отсутствие» времени или «выпадение из времени» («влюбленные часов не наблюдают», состояние культурной или психологической прострации или религиозной медитации) означает лишь то обстоятельство, что в данном взаимодействии нет фиксированного, т. е. нормативно определенного, порядка согласования последовательных действий или, напротив, он настолько жесткий, что не требует специальных, выделенных регуляций и определений. Сверхрегламентированный, а потому полностью соответствующий

нормативным ожиданиям или традиционным предписаниям порядок последовательных действий (взаимодействий), упраздняющий любые ожидаемые — приятные или неприятные, желаемые или нежелаемые, оцениваемые каким-то образом в соответствии с значимыми ценностями — события, выступает как «скука», «неинтересность», «рутина» повседневности («День тянется, а годы скачут», — как утверждают бывшие заключенные концлагерей).

Основная масса повседневных действий протекает в рамках групповых или институциональных *ролевых взаимодействий*, а значит, и нормативных определений и характеристик действий: семейных, рабочих, экономических, учебных, дружеских и т. п., или *игровых структур социального действия* — флирта, конфликта, демонстраций, исполнения ритуалов и т. п.

От социального (актуального) времени следует отличать специфические формы временных представлений действий, не связанных с непосредственно актуальным взаимодействием (или взаимодействием с мнимыми партнерами):

1) **аттенциональное (или субъективное) время** воспоминания, фантазий, мечтаний, воображения, переживания, проектного расчета, а также

2) различные формы **культурного времени**. Последние представляют собой формы и способы упорядочения (символизации, синхронизации) различных *систем записей времени* или *систем фиксации представлений* социального времени.

Культурное время, в отличие от социального, лишено идеи или представлений о конкретном субъекте действий и взаимодействия и предназначено для систематического выстраивания последовательных порядков согласования различных типов социального времени. Именно к области культурного времени принадлежат различные виды конструкций истории (построенные в виде историографий, хроник, различных вариантов и наборов *Exempla*, сюжетных нарративов, событийных изложений в определенной содержательной логике — например, творения, расцвета, зрелости и заката культуры, смерти каких-то форм социальных образований и т. п.) или времени социальных процессов (прогрессирующего развития или его типов — например, модернизационных или глобализационных процессов информатизации или, напротив, процессов социальной деградации и дегенерации, различные виды финалистских, телеологических процессов — урбанизация, распространение грамотности,

интегративные процессы, технологические революции, процессы диссоциаций и ассоциаций, формирование массового общества и проч.). Помимо них, к культурному времени принадлежат разного рода утопии (проспективные и ретроспективные), священные истории (теологические конструкции времени, в основе которых лежит идея спасения или Страшного суда, литургические времена), мифологические конструкции времени и безвременья (начальные состояния «до времени» — «жили-были», «в некотором царстве-государстве», «once upon a time») и проч.

Формы культурного времени зависят от базовых представлений о социуме и его конструктивной основе, типах действия, которые считаются доминантными в организации данного общества и власти в нем. Соответственно, мы можем говорить о *циклическом* времени (основанном на традиции, традиционном порядке представлений о реальности, структуре и распределении ролей и мало изменяемых механизмах его организации и воспроизводства), *линейном*, наиболее позднем и сложно устроенном о нем позже), *векторном* времени, или об *истории*, т. е. идеологических конструкциях времени — обусловленности настоящего цепочками или логикой событий прошлого, включая и версии «path dependency».

История в данном отношении не совпадает с тем, что называется «хрониками», «историографией», сводящейся к более или менее отрефлексированному перечислению важнейших (для держателей национальной культуры или идеологии) событий, выступающих в виде скрытых причин движения времени, или к «памяти», которая представляет собой индивидуальную версию событий, выстроенную как ответ на идеологическую конструкцию истории. «Память» (индивидуальная или коллективная, которая построена по схеме как бы субъективного воспоминания или набора опорных точек, символов для «воспоминания», т. е. образования связной «истории» целого или включения в целое) всегда альтернативна «истории», она отрывочна, эпизодична и подчинена логике частного или группового действия. «История» как содержание времени прошлого в коллективных представлениях представляет собой относительно систематизированные или упорядоченные массовые проекции на прошлое современного положения вещей, т. е. различные версии «происхождения» и «развития» больших коллективов или институтов — государства, «народов», «искусства», «религии», философии,

науки, нравов (или для более рафинированных и продвинутых любителей и знатоков — изучение истории идей и отдельных сфер культурной жизни: истории болезни, морали, стирки, популярной науки, спорта, секса, торговли, великих открытий), которые продвинули «вперед все человечество» или стали существенным вкладом отдельных народов в общий процесс цивилизации человечества.

Без каких-либо исторических компонентов невозможны устойчивые структуры массовой идентичности, поскольку они играют роль фиктивного генезиса настоящего положения вещей. Как показывает опыт всех наших исследований, социальные трансформации постсоветских обществ сопровождаются заметными напряжениями в структуре коллективной идентичности. Об этом свидетельствует усиление массового интереса к прошлому, попытки заново ответить на вопросы: «Кто мы?», «Откуда наши беды?» «Чем нам гордиться, а что, напротив, вызывает стыд?» Социологические исследования показывают устойчивое повышение спроса на историческую литературу, связанную с национальным прошлым, будь то массовая беллетристика, документальная проза или мемуары¹. Ответом на него оказывается, прежде всего, появление массы историков-любителей и разнообразные версии «подлинных событий», «разгадки истории». Возникают новые национальные мифы и легенды, узаконивающие давность и славу того или иного народа. Предметом гордости выступают военные победы в прошлом и величие державы, а стыдятся, главным образом, хронической бедности, неустроенности жизни, грубости нравов, произвола власти и неизбывной забитости населения «великой страны».

За право «правильно» интерпретировать прошлое конкурируют самые разные политические силы и группы — от «партий власти» до церкви. Академическая наука в России, несмотря на значительные достижения в последние годы, не в состоянии удовлетворить общественный голод на интерпретации прошлого и рационализировать понимание той ситуации, в которой оказались после краха коммунизма постсоветские страны. Она слишком зависима от государства, а потому, чтобы сохранить пространство своей профессиональной работы, старается казаться аполитичной и всеми силами дистанцируется от актуальных оценок событий и публичных интерпретаций прошлого.

¹ См.: Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 6. С. 38–39.

Но проблема остается. Важно, что сегодня в российском обществе нет тех влиятельных интеллектуальных фигур и моральных авторитетов, мнения которых могли бы влиять на массовое понимание истории. Общество, несмотря на весь свой интерес к «истории», оказывается в ступоре перед фатальностью происходящего.

Кто держатель времени? Держателем времени, как и хозяином пространства, является тот (те), кто «делает время», кто определяет и задает общий последовательный порядок массовых социальных взаимодействий. Если схематически представить институты и влиятельные группы, задающие типы времени, то можно выделить два полярных типа инстанций. В зависимости от характера общественного устройства, здесь могут доминировать либо слабо дифференцированные властно-государственные институты («император», церковь, традиционное патерналистское или тоталитарное государство), либо «общество» («город» как воплощенное многообразие), представленное системой дифференцированных, а значит, относительно автономных институтов, функционально взаимосвязанных друг с другом и подчиняющихся представительным органам власти и управления¹. В первом случае мы имеем централизованное директивное управление, плановую распределительную экономику, производство, подчиненное задачам руководства сверхдержавы и ориентированное на интересы власти, армии, управления пространством, контролируемого силовыми ведомствами, типовую школу, единую транспортную сеть, отвечающую представлениям власти о необходимости и достаточности коммуникативной системы в стране. Во втором случае сталкиваемся с резким увеличением числа относительно независимых субъектов действия, руководствующихся собственными интересами и своими частными или групповыми мотивами, а значит, выбирающих по своему усмотрению партнеров и устанавливающих собственные сроки и параметры взаимодействия, хотя и при-

¹ Поскольку для наших задач – изучения посттоталитарных трансформаций – собственно традиционные институты не так важны (они служат лишь в качестве крайних значений шкалы различных типов организации «домодерность-модерность»), то мы принимаем во внимание прежде всего советский и постсоветский типы организации времени. Но для понимания природы социального и культурного времени представляется не лишним указать на то, что именно в городе начинается интенсивная дифференциация времени как эффект институциональной и социально-структурной дифференциации – появления цеховых образований, общностей разного рода, профессиональных различий (финансовых, торговых, производственных, религиозных, правовых) – и отделения этих нормативных порядков от семейно-родовых.

нимающих во внимание другие общие временные ритмы и размерности.

Время и история. Историческое сознание входит в систему временных представлений последовательности событий и знаний о них (если можно говорить об этом наборе воззрений как о «системе», а не об их «конгломерате»). Поэтому для начала разведем понятия «социальное время» и «культурное время». Если первое включает в себя совокупности порядков различных социальных действий (и взаимодействий), не всегда последовательных (поскольку время можно мыслить не только проспективно, как ориентированное на будущее, но и как обратимое, а также – воображаемое, параллельное действиям самого действующего), то второе – культурное время – представляет собой различные способы фиксации (записи) этих порядков последовательных представлений о действиях различных акторов, включая и самого действующего. Правильнее, может быть, было бы сказать, что культурное время – это способы фиксации различных ритмов (сочетаний, соединений) способов записей о порядках последовательных временных рядов и событий, действиях – реальных или воображаемых, иллюзорных, мифологических – тех или иных социальных фигур или лиц. Хозяевами «времени» могут быть только те, кому принадлежит действительность, т. е. у кого право господства, право управления собой и другими, право определения и оформления, конституирования реальности: государство, бизнес, церковь, школа, семья, производство, транспорт и прочие институты. Время никогда не является независимым и объективным, «свободным», оно всегда лишь порядок согласования поведения действующего с поведением других акторов и институтов. Поэтому порядок самых авторитетных (властных) институтов – институтов господства – определяет структуру социального времени.

В пределе можно выделить две инстанции, фиксирующие пределы свободы в обществе: 1) государственное время, принудительно назначаемое и поддерживаемое государственными ведомствами с помощью как учреждений насилия, так и социальных конвенций, «объективное» время и 2) субъективное время индивида, планирующего свою жизнь, располагающего собственными ресурсами упорядочения жизни и порядком предпочтения тех или иных своих действий и занятий. В традиционном обществе хозяином времени (распорядителем ритуалов)

выступает носитель традиционного авторитета: в Китае — император, в Риме — жрецы и городская администрация, в средневековой Европе — церковь со своим литургическими службами («часами») и магистрат каждого отдельного города; в ГУЛАГе, как пишет Солженицын, время (день, подъем) отсчитывалось ударами по подвешенному рельсу. Тот же порядок воспроизводился в игровых формах — в пионерских лагерях, в войсковых частях, в тюрьмах, в фабрично-заводских слободах и т. п. В СССР государственный день начинался с утреннего гимна по радио и синхронизировался по программе «Время», которую смотрел главный человек — Брежнев и т. п. Сельская жизнь текла по совсем иным ритмам, нежели городская, причем время заметно иным образом структурировалось в зависимости от социальных ролей — женского и мужского поведения (доения коровы и кормления скотины, сезонных работ и т. п.).

1990-е гг. — это период резкого ослабления режима закрытого общества, расширение социальных возможностей поведения, а значит, и появления других типов временных согласований социальных действий, среди которых принудительный порядок согласования государством уже не является единственным или общеобязательным. Но если параметры социального времени заметно изменились за последние 20 лет, то «культурное время» — система записей и согласований ритмов социального поведения, представлений о различных типах времени, характере и направленности социальных процессов, историческом прошлом, воображаемом — желаемом или нежелаемом, но избегаемом, а потому планируемом — будущем по-прежнему находится в подчинении государственным структурам и зависимым от них (кормящимся от них) группам. Культурное время в России не принадлежит обществу, поскольку само общество пока еще находится в зачаточном и очень слабом состоянии, не претендуя на авторитет и автономность.

Поэтому можно выделить следующих держателей культурного времени в России.

1. Авторитарное, самодостаточное государство, независимое от общества или, точнее, неподконтрольное ему — школа, пропаганда, армия и другие авторитарные институты со своим разным или видоизмененным временем, принудительно навязывающие свой порядок организации и управления. С установлением путинского режима государство стремится вернуть себе идеологические функции и контроль над обществом. Властные структуры пытаются вернуться к преж-

ним мерам и формам культурного времени — державной истории, а система записей должна обеспечивать производство государственных ритуалов; этому соответствует повторное, вслед за относительными послаблениями режима секретности, закрытие государственных архивов, ограничение комплектования национальных и общественных библиотек, навязывание единой идеологической конструкции преподавания в школе, сохранение разрыва между академической историей и сферой публичности.

2. Относительно обособленные или автономные (автономизирующиеся) институты (технология, производство, экономика, коммуникации и транспорт, медицина, наука, образование и т. п.), которые располагают собственным временем. Чем более инструментальными и технологическими являются сферы институциональной регуляции, тем менее значимы в них символические и идеологические моменты, и наоборот. В принципе, по мере эмансипации от государства эти структуры и сферы переходят на более универсалистские формы организации времени, или, другими словами, они присоединяются к глобальным системам организации времени либо адаптируют для своих целей и нужд формы и механизмы мирового времени (транснациональных корпораций, мирового рынка, западной науки и культуры). Но в репродуктивных институтах — школа, коммуникации, официальная наука — сохраняются и консервируются главным образом символические и идеологические элементы легитимации политической системы (и власти), а значит, и соответствующие ритуалы времени;

3. Общественные и групповые образования (публичные институты):

а) **общественная история** — история организаций гражданского общества («Мемориал», Союз писателей и т. п.);

б) **академическая история** (тоже весьма неоднородная по периодике, трактовке и самому материалу — в разные периоды в поле внимания историков оказываются разные фактические обстоятельства, действует проекция общественных и групповых интересов на плоскость «исторического»)¹.

¹ В деятельности академических институтов, обслуживающих власть (тоталитарный режим, управляемую демократию), присутствуют разные интенции в конструировании истории: идеологическое обеспечение нужд власти и готовности к фальсификации либо замалчиванию неприятных для властей событий прошлого, или более сложные позиции, обусловленные интересами сотрудничества историков с зарубежными коллегами, сознанием необходимости автономизации науки от власти при явной зависимости от нее в финансовом и административном плане, или достаточно независимой позиции таких индивидуальных

в) **семейная история** — хроники, личная память, пересказанная память, хранящиеся в семье документы; отражение государственной истории в памяти семейной хроники.

В нашем исследовании мы не столько говорим о социальном времени (оно вводится здесь только для того, чтобы сделать более отчетливым и понятным проблематику исторического сознания), сколько о разновидностях культурного времени, т. е. о сочетаниях, сочленениях различных систем записей и представлений социального времени. Поэтому на культурное время оказывают сильнейшее влияние различного рода ценностные факторы: явные и подавленные массовые желания и страхи, фобии, иллюзии, мифы, напряжения и интеллектуальные состояния массы (интеллектуальные способности различных социальных групп мыслить в более или менее рационализированных и инструментальных или технологических, формальных категориях, без которого всеобщность расчета и калькуляции собственного действия — а в этом и проявляется «общество» — оказывается невозможным).

Историческое сознание складывается из довольно сложного набора различных временных представлений, включающих в себя: а) сочетание расходящихся представлений о «большом» и малом времени, задаваемых и поддерживаемых государственными, коллективными и традиционными институтами и общностями, группами, включая семью, группами неформальных отношений и связей — компании друзей, знакомых, сетевых интересов и т. п. объединений, конституированных теми или иными ценностными значениями и символами; б) массовые иллюзии, надежды, страхи, окрашивающие восприятие истории в различные эмо-

историков и др. Но для нас в данном отношении важна прежде всего сама принципиальная роль академической науки в нынешнем российском обществе: полное отстранение от роли просветителей, отсутствие сознания общественной ответственности профессиональных ученых за собственную деятельность, за доступность результатов своей работы для более или менее широких слоев населения, самоизоляция научного сообщества. Нельзя сказать, что эти ученые-историки не совершают серьезные открытия, не появляются значительные работы по интерпретации тех или иных исторических процессов. Все это есть, и в этом плане отечественные историки едва ли уступают своим зарубежным коллегам, а во владении фактическим материалом советской и российской истории, естественно, превосходят их. Но такая корпоративная позиция означает отказ от задач рационализации происходящего, участия в публичных дискуссиях по пониманию прошлого, «Trauerarbeit», («работы траура»), характерных для других современных стран, прошедших фазу тоталитарных режимов. Учет этой общественной самокастрации профессионалов (и не только историков) чрезвычайно важен для понимания ограниченности воздействия элиты и интеллектуалов на общество и процессы социального изменения в посттоталитарной России.

циональные тона, задающие фон понимания или оценки событий, а соответственно, представления о направленности общего движения страны; в) интересы наиболее влиятельных групп, г) aberrации сознания (ошибки представлений и знаний), заблуждения, предрассудки, стереотипы, комплексы ущемленности, превосходства, неполноценности, являющиеся следствием «бессознательной» работы над коллективными травмами и проч. Эти представления структурированы идеологическими схемами (школьными или институциональными парадигмами толкования), мифами, коллективными символами, партийными симпатиями и чувствами принадлежности к той или иной общности. Чего здесь нет — так это рациональности, характерной для академической историографии с ее стремлением к фактичности, репрезентации сложности мотивов и обстоятельств исторических взаимодействий, противоречивости последствий того или иного поведения исторических субъектов.

Естественно, этот список всегда неполон, так как его состав определен задачами настоящего исследования и теоретическим интересом, позволяющим выделять соответствующие ритмы и механизмы согласования действий.

Каждому из названных типов коллективной истории и памяти соответствуют свои ритуалы, праздники, формы символизации памяти (памятники и статуи известных деятелей и фигур, архивы — государственные, публичные или домашние в виде старых документов, вещей, писем и альбомов с фотографиями), воспроизводящие циклическим образом моменты прошлого или, точнее, конструирующие эти моменты в актах «воспоминания», которые не являются воспоминанием¹.

¹ Ритуалы воспроизводства общностей — больших (государственные праздники) и малых (малых групп — семья) или «средних» коллективов (производственных, учебных, территориальных организаций), идеологических (у специальных объединений, вроде отмечаемого Дня политических заключенных», окончания блокады Ленинграда или Курской битвы и т. п.) — могут производиться ежегодно. Другие, имеющие иной тип символизации общности, менее определенной или связанной с конкретным социально-территориальным единством, могут иметь большие циклы и другие, юбилейные средства маркировки. Такого условия и процедуры коллективной меморизации круглых дат — например, 70-летие заключения пакта Молотова-Риббентропа и начала Второй мировой войны, 40-летие Пражской весны и проч. Интересно рассмотреть случаи скрещения двух линий символизации общностей, например, непривычную для современного светского государства картину подключения государства к мифологии сакрального и участия государственной элиты, среднего чиновничества в праздниках РПЦ либо утверждение в качестве праздничных дат совсем уж мифических событий, вроде лужковского Дня города, инициированного как чисто популистское мероприятие для поддержки московского мэра,

Праздники — чрезвычайно важный механизм удержания сюжетки коллективной истории. Они — свернутые коллективные драмы и мифы, периодически разыгрываемые в публичном пространстве и проявляющие надличную смысловую структуру базовых институтов общества, суггестивную картину целого или конструкции реальности, от которой индивид оказывается полностью зависимым и вне которой он лишается какой бы то ни было ценностной значимости. В противном случае (это гипотетическая объясняющая ситуация мысленного эксперимента) отдельный человек оказывается в ситуации гоббсовской «войны всех против всех» или, точнее, против всего целого общественного устройства — войны, обрекающей индивида на предельную маргинализацию. В этом, кстати говоря, одно из объяснений общественной и политической пассивности россиян.

В нашем случае, как мы увидим ниже, сюжетка коллективной российской истории содержит государственническую, имперско-милитаристскую легенду конституции национального целого, возникающего в ходе экспансии империи, предполагающей явное отождествление «народа» с великой державой, а идущую в течение столетий колонизацию смежных территорий и стран определяет как манифестацию национального превосходства русских (россиян), как триумф власти. Незначительность или подмена интересов власти и населения обеспечивают постоянный авторитет и признание статуса бюрократии. Поэтому главные функции истории (в нашем случае: подчинения массовых представлений о прошлом интересам власти) заключаются в следующем:

а) легитимация власти в целом и, в частности, легитимация действующей власти, тех, кто у власти сейчас, с вытеснением альтернативных представлений о прошлом, могущих усилить значимость и независимость влиятельных групп и сил в обществе, стремлением стерилизовать потенциал рационализации прошлого;

б) поддержание коллективной, групповой и личностной самоидентификации;

в) поддержание двоемыслия, сохранение раздробленности сознания (состояния «разбитого зеркала»), убеждение в том, что зло есть необходимый атрибут российской жизни (апологетика зла: все хищники, все гопники, но у некоторых это выходит, а у других нет).

но приобретшего, тем не менее, собственную значимость (см. об этом: Дубин Б. Будни и праздники // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 2. С. 52–62; Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009).

В содержательном плане структура российской истории воспроизводит опорные точки массовых представлений о прошлом, которые являются границами государственного (навязанного) времени и времени актуальной повседневности. Она наполнена остатками школьного обучения и элементами текущей пропаганды, закреплена в топонимике социального пространства и в символике государственности. Вопреки внешней рационализированности и даже светскости, глубинная основа ее конструкций задана мифологическими образами неизбывного зла, в борениях с которым вызывает нация, иррациональных, метафизических сил, противостоящих вневременному единству «мы», разнообразными «вызовами судьбы», актами «творения», архетипами «жертвы», «прихода спасителя» и проч. Но все это имеет место только по отношению к возвеличиваемому прошлому. По отношению же к настоящему мотивы и объяснения действующих лиц низводятся до уподобления их банальным кухонным склокам, мелочным побуждениям, приписывания низменных интересов, лишь слегка переодетых в категории «геополитики».

«...+ часовизация всей страны». Как показали исследования, проведенные Отделом социологии дизайна ВНИИТЭ¹, в России начало массовой социализации к сложным формам осознания и исчисления времени относится к периоду относительно широкого распространения карманных, а затем и наручных часов, без которых невозможно усвоение форм универсального сознания времени (линейного времени). То есть речь идет о середине 1930-х гг., когда стала поступать продукция 1-го и 2-го Московских часовых заводов, оборудование для которых было в 1931–1932 гг. закуплено за границей и по условиям мирового кризиса сравнительно недорого. До этого производство часов в России носило кустарный (в том числе ювелирный), штучный характер, часы импортировались из Европы. Перелом в данной сфере был развитием тех тенденций, которые намечены Первой мировой войной (необходимостью координации управления военными действиями со стороны офицерства), развитием массового спора.

При этом решение о часовизации доступа к новейшим техническим средствам измерения

¹ Социологическое обеспечение дизайн-программы «Часы». Руководитель — А.Г. Левинсон, исполнители — Я.С. Астафьев, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков. Москва, 1985 г.

времени не было обусловлено соображениями культурной политики или социальной благотворительностью сталинского руководства, оно было принято под давлением необходимости модернизировать управление армией и производством, — первые партии часов изготавливались именно для командиров армии и производства. Для основной массы населения — сельских жителей, колхозников, рабочих промышленных предприятий, гулаговской популяции з/к, и других категорий населения, составлявших в общей сложности 85–90% страны, — никакой потребности в достаточно дорогой по тем временам вещице не было. Для них достаточно было фабричного гудка, рельса на вахте, не выключаемой радиоточки в бараке или коммунальной квартире, самого дешевого и громкого будильника. Время, как и свобода перемещения (мобильность), были предельно лимитированы и искусственно ограничены. Доля людей с высшим и средним специальным образованием не превышала нескольких процентов. В массовом масштабе процессы часовизации коснулись населения только вместе с увеличением удельного веса людей с высшим образованием (с 0.2% до 2–3% в 1950–1960-х гг.), урбанизацией (когда детей все раньше стали снабжать собственными ручными часами) и т. п., т. е. к концу 1950 — началу 1960-х гг, когда большая часть населения СССР переместилась в города, пусть даже это были города советского — «фабрично-слободского» — типа.

Предпосылки истории и историй. Для наших сюжетов важно подчеркнуть, что сознание гетерогенности и сложности систем времени задавалось не только изменением условий жизни, работы и коммуникаций, но и переменами в характере и уровне школьного преподавания, а также общей грамотностью населения, его элементарной способностью сознать большое время и удерживать большое число событий, не имеющих отношения к повседневной жизни. Напомню, что институциональные условия для массовой социализации к сложным формам времени сложились очень поздно. Нормативный уровень всеобщего начального образования (3 класса) был достигнут в СССР только к концу 30-х гг. (а это означало, что 15–20% взрослого населения оставались функционально неграмотными, принимая во внимание не только российскую глубинку, но и периферию Средней Азии, Казахстана и Кавказа, где фактически советская власть закончила свое формирование лишь к этому времени). Уровень

неполной средней школы (7-летнее образование) был достигнут к середине 50-х гг. или чуть позже. И лишь со второй половины 1960-х гг., после принятия решения руководства страны о необходимости всеобщего среднего образования (1963 г.), в жизнь стало вступать поколение, получившее учебники по истории и элементарное представление о всеобщей и отечественной истории. Если учесть, что преподавание предмета «История» в средней школе стало восстанавливаться самое раннее лишь с 1935 г.¹, а фактически массовый выпуск учеников, получивших какое-то представление об исторической схематике событий, пошел уже только после войны, в начале 1950-х гг. (война выкосила и первых учителей истории, и их учеников), то вряд ли стоит удивляться тому, что у старших поколений нынешних россиян массовое историческое сознание, массовая историческая память начисто отсутствуют.

Партийное руководство формирующегося тоталитарного режима довольно рано (сразу после смерти Ленина) пыталось выстроить генезис своего правления, но этому препятствовала незавершенность процесса формирования системы господства и сама ожесточенная борьба за власть в высшем руководстве страны, незакрепленность в этом пантеоне «места и роли» множества персонажей, объявляемых врагами народа, шпионами и предателями. Театральные и литературные инсценировки отдельных событий, следующие мифотворческой логике сотворения мира, противоборства с врагом рода человеческого, возвеличивания вождей революции и героизации масс², имеющие мало общего с реальным ходом событий, начались уже с 1919 г., но долгое время они не складывались в единую и цельную картину истории нового общества, времени и человека. Лишь после московских процессов, после Большого террора 1936–1938 гг., окончательно

¹ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) об этом было принято в 1934 г., но его реализация затянулась на несколько лет, пока не был подготовлен в вузах необходимый объем выпуска учителей соответствующего профиля и подготовки. После революции преподавание истории, как и преподавание философии в университетах, было признано нежелательным и прекращено.

² Таков был, например, грандиозный спектакль «Взятие Зимнего» с участием нескольких тысяч солдат и матросов, применением бронетехники, орудий и спецэффектов, поставленный в 1919 г. на Дворцовой площади Н. Евреиновым, эмигрировавшим вскоре после этого из советской России. Его опыт инсценировки использовал С. Эйзенштейн при создании фильма «Октябрь», после чего кадры штурма ворот Зимнего дворца на всем протяжении советского времени использовались в качестве документального свидетельства массового революционного энтузиазма, имевшего место в дни Октябрьской революции.

была зафиксирована легенда власти, излагавшая исторический процесс новейшего времени как героическую историю борьбы за власть с царским самодержавием под руководством партии большевиков и строительства «нового общества». Ее каноническим изложением стал сталинский «Краткий курс ВКП(б)», после смерти Сталина превратившийся в «Краткий курс истории КПСС», который подлежал обязательному изучению во всех вузах страны, а в изложении вошел и в школьную программу. Представленная там периодизация и трактовка событий, набора и ролей отдельных персонажей стала основой представлений советских людей об истории вплоть до самого последнего времени. Всякие выходящие за рамки данной конструкции версии истории подлежали цензуре и суровому осуждению. Так была раскритикована «школа Покровского»¹, и не столько за вульгаризированные марксистские трактовки отечественной истории в духе экономического детерминизма, сколько за «антипатриотизм» и «очернительство», выразившиеся в негативных оценках имперской политики и стратегии централизации со стороны русских царей. (Точно за то же подверглась критике вторая часть фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», где «неправильно трактовались» усиление централизации государственной власти и позитивная функция террора). Важна была именно сама упрощенная схема истории из «Краткого курса», к которой позднее, уже после войны, во второй половине 1940– начале 1950-х гг. присоединялись (придывались) отдельные иллюстративные эпизоды из предшествующей имперской истории: расширение империи, колонизация окраин, милитаризация страны, героизация армии как инструмента национальной консолидации, осуществление политики национального государства как планов мудрой власти и т. п.

Толчками или предпосылками для пробуждения некоторого подобия массового исторического сознания, пусть даже превращенного и мифологизированного, стали осмысление опыта войны, цены потерь и жертв населения, характера послевоенного руководства страной², акции «борьбы с космополитизмом», критика культа Сталина и первые шаги по десталинизации,

начало хрущевских реформ и их свертывание, подавление Пражской весны, показавшей образованному слою, что социализм как система реформированию не подлежит³, а также общее ослабление режима закрытости страны, заставившие усомниться в значимости философии советской истории. Критика сталинизма как основа легитимации преемников его власти стала стимулом к пересмотру господствующих версий истории становления СССР и его достижений⁴. Именно при Хрущеве начинается резкое расширение исторических исследований, происходит реформирование академических институтов (они дифференцируются в соответствии с тематическим профилем исследований), основываются новые исторические журналы, ставшие необходимым условием и пособием для подготовки новых учителей истории, а значит, и для пересмотра некоторых ее опорных моментов⁵.

³ См: Гудков Л. Пражская весна 1968 года в общественном мнении России 2008 года // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 141–151.

⁴ Первые варианты альтернативной истории войны (и характерно, что это были именно альтернативные версии начала войны, а не истории страны), появились и вызвали дискуссию в конце 60–х гг. – это была книга участника войны А.М. Некрича «1941, 22 июня» (М., 1965; книга была осуждена партийными органами и изъята из библиотек, автору – д. ист. н., старшему научному сотруднику Института истории АН СССР – дальнейшая научная деятельность была запрещена). Первой альтернативной, более или менее систематической «историей страны» оказался «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына (вышел на Западе в 1973–1975 гг.), постепенно проникавший в Россию и опубликованный массовым тиражом уже только после перестройки.

⁵ До революции, в середине XIX в. в России выходило более десятка специальных периодических научных изданий по истории, хотя и не журналов («Записки», «Труды», «Известия», «Сборники» и т. д.), выпускаемых научными обществами и университетами. Собственно исторические журналы появились только в пореформенное время (примерно в то же время, что и их европейские аналоги): «Русский архив», 1863–1917; «Русская старина», 1870–1918; «Древняя и новая Россия», 1875–1881; «Исторический вестник», 1880–1917; «Киевская старина», 1882–1906, «Былое», 1906–1907, 1917–1926; «Минувшие годы», 1908; «Голос минувшего», 1913–1923, и другие. Исторические журналы, появившиеся с установлением советской власти и закрытия старых изданий, подчинены потребности новых держателей власти в легитимации своего происхождения, что, собственно, и отражено в их названиях: «Пролетарская революция» (1921–1941, орган комиссии по истории партии при ЦК ВКП(б), «Каторга и ссылка» (1921–1935, орган Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев), «Красная летопись» (1922–1934, 1936–1937, и его украинская и грузинская версии; «Красный архив» (1922–1941); «Архивное дело» (1923–1941) и «Архивна справа» (1926–1931), «Историк-марксист» (1926–1941) и «Борьба классов» (1931–1936). Органом Института истории АН СССР, образованного в 1936 г., был «Исторический журнал» (1937–1945), переименованный затем в «Вопросы истории». (Характерна смена названий, отражающих постепенный отход от экспансии ортодоксального воинствующего марксизма и выработки единственно верного учения об истории, к усилению «нейтральной», а по существу великодержавной тематики). Во время хрущевской оттепели и критики культа личности Сталина возникла нужда в новых научных журналах,

¹ Главный удар по ней был нанесен в 1936 г., уже после смерти самого М.Н. Покровского.

² Критика сталинизма стала толчком к пересмотру господствующих версий истории становления СССР и его достижений, но последовавшая после свержения Хрущева реакция подавила эти импульсы ревизии истории, по крайней мере, в сфере школьного образования, хотя совсем погасить их было уже невозможно.

Отметим вместе с тем, что сами конструкции истории, пусть даже в самом грубом и идеологизированном виде, могли удерживаться лишь в тончайшем слое людей с высшим образованием, да и то не у всех. Академическая история, как и любая другая общественная дисциплина в советские годы, сохраняла свой государственный, сервильный по отношению к власти или обслуживающий ее характер. Историки в массе не были ориентированы на дискуссию, рационализацию истории и темных мест в ней, массовое просвещение, поскольку не чувствовали никакой профессиональной ответственности и этической сомнительности своего положения. Это же состояние сохраняется и сегодня.

Таким образом, параметры массового отношения к прошлому оказываются возможными только при уже сформировавшихся и институционализированных системах времени, при наличии разных «историй», разных источников исторического знания. Субъективная история, включая и личную память, предполагает «эксцентрический» статус личности в большом времени. Индивид в современном обществе, системе отношений со сложно устроенной системой «зеркал» и идентичностей, принадлежит сразу ко многим общностям, оказывается включенным во множество социальных связей, не будучи поглощен никакой из них целиком. В процессе социального взросления (завершения социализации к модерности, что обязательно должно коррелировать с собственно возрастными фазами, вполне допустимо мыслить подобную социализацию для уже «зрелого», по меркам традиционных сообществ, возраста человека, особенно это значимо для стран догоняющей модернизации) возникает дефицит нормативной определенности, становящейся проблемой для личности в ее отношениях с другими. Из этого состояния множества относительно слабых в общем и целом, но весьма значимых по отдельности ценностных ориентаций и ролевых квалификаций рождается потребность в самоопределении и самоидентичности, переопределении собственного отношения к другим, в том числе к тем, кто символизирует большие общности и коллективы.

в том числе и исторических. В 1955–1962 созданы журналы «Исторический архив», «Научные доклады высшей школы. Серия "Исторические науки"». В 1957 г. — «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», в 1959 — «Военно-исторический журнал». Позднее стали издаваться и республиканские исторические журналы, существовавшие при академиях союзных республик (общим числом около 25). Они выходили до конца существования СССР.

История здесь является необходимым компонентом смыслообразования, поскольку она выполняет функции «метода» или способа синтеза «нового» значения, объяснения «генезиса» субъективно полагаемого значения «прошлого», которое и становится основанием самоопределения личности как интегрированной целостности (морального, политического, социально дееспособного и сознающего себя в таком качестве существа) и последующей ориентации в мире. Лишь заново переопределяя для себя, что такое «революция», «ЧК», «сталинские преступления», «Холокост», «русский (российский) империализм», как ощущать себя «русским», сознавая все те преступления перед другими народами (внутри империи или в странах Восточной Европы), которые совершены советским режимом и т. п., человек обретает новую субъективную идентичность, независимую от идеологии и государства. Здесь история является условием социальной и интеллектуальной ответственности, дееспособности индивида, а значит, мерой социальной, политической и моральной вменяемости и дееспособности масс, общества в целом.

Начало истории. Рамки исторического сознания россиян определяются концепцией школьной истории России как истории государственной власти, или, другими словами, истории как легенды власти, которая принята обществом или навязана ему, а потому никакой иной версии истории здесь нет. Это не история нации (на поздних стадиях истории страны), не история ее культуры или «общества» (понятие, не существующее в российском коллективном сознании, поскольку это слово используется либо как эквивалент «населения в целом», либо стыдливый синоним государства в контексте употребления такой формулы, как «интересы общества»). Это история государственной власти в качестве силы, конституирующей и формирующей «страну» — подвластное и в большинстве случаев пассивное население территорий, присоединяемых властями к исходной территории благодаря завоеваниям или политическим интригам и колонизируемых с помощью средств принуждения и повседневного управления.

Начало истории для абсолютного большинства людей в сегодняшней России ничем не помечено, иными словами, нет никакого определенного, фиксированного события, которое могло бы стать основой государственного праздника и ритуала общенациональной

интеграции¹. Абсолютное большинство опрошенных (конститутивное большинство, т. е. та масса, которая несет основные коллективные представления) предпочитают полагать, что история нашей страны идет «с незапамятных времен, испокон века», с «Киевской Руси», с «образования русских княжеств», а это значит, что истоки национальной (или даже этнической) истории лежат в темноте мифологического времени творения или «безвременья» («однажды», «жили-были», «once upon a time») или аналогичного идеологического «и т. д.». Так го-

¹ Такими праздничными церемониалами являются символические события, вроде взятия Бастилии (14 июля) для Франции, Дня Благодарения или Дня независимости для США. Нет в России и какой-либо фиксированной точки истории, конституирующей основы государственного порядка и «демократического» устройства сообщества, договорного или октроируемого порядка всего целого, какой можно со всей условностью считать, например, Хартию Магна для Англии. Как и в других странах, прошедших через период тоталитарного господства (Италия, ФРГ), в России есть несколько формальных государственных дат, фиксирующих события, которые выдвинуты на роль моментов новейшей истории, конститутивных для посттоталитарного государства: День независимости России, День российского флага и совсем уж искусственный День единства, предназначенный заменить прежний коммунистический праздник образования нового, социалистического мира. (В Италии такими праздниками будут 25 апреля – День освобождения от фашизма и немецкой оккупации, 2 июня – День провозглашения республики и 4 ноября – День национального единства; в ФРГ всего один – 3 октября, День немецкого единства). Но все они не обладают достаточной силой для того, чтобы стать опорными символами нации, способными конкурировать сегодня с 9 мая – Днем победы или в советское время с ноябрьскими праздниками. Прежний центральный и опорный советский праздник Октябрьской революции 7 ноября, принятый населением в силу его давности, не так давно отменен сурковским агитпропом и практически уже умер, что говорит о неукоренности советской символики и ритуалов, действительном конце советской эпохи. С «упразднением» 7 ноября резко ослаблена граница между старым миром (дореволюционной царской империей) и новым – миром СССР. День Победы, постепенно выдвигаемый на роль главного государственного церемониала, еще не стал символическим фундаментом государства, хотя, судя по всему, дело идет к этому, так как других символических ресурсов у путинского режима нет (исключая, может быть, суррогаты православности). Признать 9 мая в таком качестве мешают два принципиальных обстоятельства: 1) это не исток, не начало всесильного государства, а лишь манифестация его триумфа, а значит, событие не может служить в качестве «мифа происхождения»; 2) это событие несет другую функциональную нагрузку: оно легитимирует власть (и нынешнюю как преемницу советской системы, и сам предшествующий нынешнему советский тоталитарный режим) и снимает с власти как таковой ответственность, выступает как скрытая апология любого деспотического правления. Попытки выдвинуть на эту роль дату Крещения Руси не проходят, во-первых, за давностью и отсутствием необходимой «образности» действия, а во-вторых, в стране с имперскими традициями праздник этноконфессионального единства не может быть конститутивным в государственном плане. Провозглашение империи при Петре Первом также не может служить символическим началом для истории, так как разрывает доевропейский («московский») период царствований и последующие периоды, характеризующиеся постепенным и частичным усвоением элементов европейской цивилизации.

ворят более 70% респондентов (сумма всех приведенных выше ответов, если к ним прибавить и затруднившихся).

С КАКОЙ ДАТЫ, ЭПОХИ, СОБЫТИЯ НАЧИНАЕТСЯ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ИСТОРИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2003
Начало формы	
С незапамятных времен, испокон веков	39
С Киевской Руси	19
С образования русских княжеств	3
С Крещения Руси	11
С создания Московского царства	2
С царствования Петра I	10
С Октябрьской революции 1917 года	4
С принятия Декларации о суверенитете РФ (1990)	0
С распада СССР и создания суверенной РФ (1991)	1
С избрания президентом В. Путина	1
Другое	0
Затрудняюсь ответить	10
Число опрошенных	2004

Лишь незначительное число более образованных респондентов в состоянии дать несколько более определенную точку временных координат: это либо Крещение Руси (11%), т. е. вхождение региона, населенного славяно-варяжскими племенами, в историю мировой цивилизации на правах далекой периферии Византии, соединение конфессиональной и этнической истории, а значит, придание вневременному существованию этнических массивов символического (религиозного или, в поздних версиях истории, идеологического измерения), либо царствование Петра I (10%). В этих обоих вариантах важнейшим элементом конституции исторического целого оказывается отсчет истории с попыток вхождения в Европу, синтеза значений локального и универсального, без которого не возникает структура большого времени. В первом случае речь идет о включении во время мировых религий, во втором – об образовании империи и о политике протомодернизации страны, а значит, о заимствовании европейских внешних институциональных и культурных форм для определения направленного развития страны, появления «общества», отделенного от «государства». В любом случае условием для кристаллизации истории служат события, придающие внешнюю форму бесформенному племенному или языческому состоянию.

Другие варианты определения начала истории отсчитывают ее течение с Октябрьской революции 1917 г. (4%) или со времени создания Московского царства (2%), или даже с распада СССР, но все они явно не тянут на то, чтобы быть версиями, значимыми для всех. Таким образом, впечатлению «огромности страны» (размеры ее территории) и слабой структурированности символического пространства соответствует аморфность временной структуры событий.

Соображения о неопределенности или невнятности нарративной структуры русской истории в массовом сознании подтверждаются и характером распределения ответов о «хороших» и «плохих» событиях в прошлом, которые могли бы стать опорными точками этой истории. И «самые страшные», и самые радостные события – все сдвинуты к новейшему времени, к единственному бесспорному символу отечественной истории – Победе в Великой Отечественной войне 1945 г. Эту войну, завершившуюся победой, называют главным событием и среди самых ужасных (40%), и среди самых радостных (32%).

Рядом с этими нагруженными датами (победы и начала войны – в сущности, это тот же комплекс представлений) не стоит ничего равнозначного. Следующие по частоте упоминания события не идут ни в какое сравнение с этими, символическими. Из негативных точек на шкале времени приходится назвать (в порядке убывания): «чеченская война» – 7%, «перестройка» – 5, «развал СССР» – 5, «чернобыльская авария» – 2, «теракты 1999 г.» – 2%.

Еще бледнее выглядит положительная история. Здесь затруднившихся с ответов четверо больше, чем в списке отрицательных событий, а сам событийный ряд представлен меньшим числом конкретных дат, чаще называются периоды, воплощающие те или иные идеологические значения («оттепель», «1970-гг. / правление Брежнева», «советская власть», «перестройка», «отмена крепостного права» и т. п.).

Негативный ряд событий сильно сдвинут в сторону последних 25 лет, т. е. ко времени жизни нынешних старших поколений, – таковы 10 из 18 названных событий или периодов истории. Напротив, положительный ряд смещен в сторону эпох, предшествующих появлению на свет

Таблица 1

КАКОЕ СОБЫТИЕ, КАКОЕ ВРЕМЯ В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫ БЫ НАЗВАЛИ САМЫМ ... (в % от числа всех опрошенных; некоторые ответы, данные менее чем 1% опрошенных, не приводятся, поэтому сумма ответов меньше 100%; 2003, N=2000)

страшным?	%	радующим, положительным?	%
Великая Отечественная Война (1941–1945 гг.)	40	Победа в Великой Отечественной войне	32
Чеченская война	7	Полет Гагарина в космос	7
Перестройка	5	Нынешнее время\правление Путина	5
Развал СССР	5	Советская власть	4
1917 г. – Октябрьская революция	4	70-е гг.\правление Брежнева	4
1937 г. / Репрессии	4	Перестройка	3
Сталинское время	2	Революция 1917 г.	2
Чернобыльская АЭС	2	Времена Петра I	2
1991 г. – Путч	2	Период после Великой Отечественной войны	2
Татаро-монгольское иго	2	Смерть Сталина	1
Террористические акты	2	Крещение Руси	1
Настоящее время	2	Олимпиада	1
Вторая мировая война	2	Вывод войск из Афганистана	1
Правление Ельцина	1	Распад СССР	1
Гражданская война	1	Отмена крепостного права	1
Кризис 1998 г.	1	Оттепель 60-х гг.	1
Афганская война	1		
Первая мировая война	1		
Всего упоминаний	84	Всего упоминаний	68
		Такого нет / не было	3
Затрудняюсь ответить	6	Затрудняюсь ответить	24

большой части нынешних россиян. Причем в качестве положительного значения выступает прекращение действия негативного фактора — конец крепостного права, конец Отечественной или Афганской войны, перестройка и распад СССР (видимо, как репрессивной системы), смерть Сталина и наступление «оттепели».

Такой акцент на негативных аспектах истории указывает на принцип формирования исторического времени и массового сознания «истории»: пассивность «субъектов истории» к силам «истории», т. е. зависимость общества, населения от действий властей. Действующими силами в истории оказываются лишь носители авторитета власти или ее оппоненты. Народ безмолвствует, у него нет ни языка для выражения происходящего, ни средств его фиксации и измерения, т. е. нет ни авторитетов, ни символов, ни шкалы для сопоставления значимости и масштаба событий. Те же самые признаки конституции «человека» мы обнаруживаем и в описании этнических типов, включая самоописание, отношении к социальным институтам и в других планах идентификации.

Аморфность исторических представлений россиян может объясняться не только слабостью символической структуры истории (тем, что общество в принципе не является «хозяйном временем»), но и тем, что мы сталкиваемся с разрывами в самой структуре истории, т. е. идущей сменой хозяев, держателей истории, не законченной к сегодняшнему дню, усиливающейся конкуренцией за право истолкования прошлого¹.

Направленность большого времени (векторы национально-государственной эволюции). Представления о направленности времени обусловлены сочетанием оценок фактического положения страны и перспектив жизни самих опрошенных, иллюзиями, надеждами, фобиями, отношением (доверяем/недоверяем) к власти и основным институтам, силой про- или антизападных установок, фазами жизненного цикла, располагаемыми ресурсами и в меньшей степени полученным образованием или социальными компетенциями. Но стоит под-

¹ Собственно, это и стоит за усилением государственного вторжения в сферу преподавания истории, созданием комиссии по борьбе с фальсификацией истории, острыми нервными реакциями на появление «антироссийских» концепций исторических событий в Польше и Украине, странах Балтии (альтернативных оценок Голодомора, пакта Молотова-Риббентропа, оккупации Восточной Европы), все большей помпезностью официального празднования Победы и др.

черкнуть, что степень дифференциации или поляризации оценок здесь незначительна, что само по себе является очень важной характеристикой состояния массового сознания. Проекция на будущее детерминированы не столько ориентациями на общую модернизацию страны, сколько на характер этой модернизации. Выделяются две практически равные группы респондентов: простодушно верящие в то, что «следующее поколение россиян будет жить в такой же стране, что и другие европейские страны», и другая группа, чуть постарше и с чуть более высоким уровнем образования, исходя из опыта последних лет, относится к этой версии с большим скептицизмом: «техника, вооружение будут похожими на западные, но жизнь людей будет иной». Четверть опрошенных (а это очень много в данном случае) затрудняется с ответом, что, в свою очередь, усиливает значимость вывода о неполяризованности, а значит, непрявленности представлений такого рода.

Еще три подгруппы суждений представляются необходимо маргинальными и равными по своим весам: «Россия будет развиваться по примеру азиатских стран (Китай, Индия)» (4%), «Россия вернется к социализму» и ее «ждет неминуемая гибель» (по 3%). Самоуверенность и надежды характерны в первую очередь для самых молодых, но не самых образованных москвичей (как, впрочем, и катастрофические сценарии, т. е. время здесь воспринимается более разнообразно); рутинные прогнозы (экстраполяция сегодняшнего положения) — для людей постарше и чуть более образованных, жителей периферийных городов. Реакционный или ретроориентированный сценарий — для носителей ностальгических и безосновательных представлений вчерашнего дня (см. табл. 2).

Такая невыраженность временных ориентаций — следствие не просто неразработанности перспектив страны, но механизмов фрустрации, подавления мнений о будущем, поскольку трезвое осознание того положения, в котором к настоящему моменту оказалась бывшая великая держава, оказывается в противоречии с общими рамками истории и коллективной самоидентичности. Признание краха идеологии и практики строительства «нового общества», несостоятельность претензий на статус великой державы оказывается слишком травмирующим, поэтому начинают работать механизмы вытеснения этого обстоятельства или его разгрузки, замещения. К концу перестройки (1989—1991 гг.) факт исторического поражения и отсталости России признавался большин-

ством опрошенных, но затем, по мере стабилизации положения вещей, начинал вытесняться, а после кризиса 1998 г. опять то открывался, то вытеснялся (табл. 3–5):

Понятно, почему мнение о принадлежности России к «великим державам» так неустойчиво: главный критерий отнесения из трех: благосостояние граждан, наука и техника, военная мощь — заключается в материальном благосостоянии и его росте. Его назвали 30–33%, однако только от 2 до 4% полагают, что Россия соответствует ему, что уровень жизни в нашей стране приближается к уровню «развитых стран» (табл. 6). Россия не обладает ни высоким уровнем жизни населения (что уже не требует доказательств), ни современной техникой или наукой (14–16% считают, что страна должна иметь высокие показатели по этому критерию,

чтобы войти в клуб великих держав, но лишь мизерное число россиян — 2–4% — уверены, что нынешняя Россия может претендовать на подобный статус по этим характеристикам). Единственно, чем она может сегодня похвастаться, это ракетно-ядерное оружие. Значимость данного показателя вынужденным образом, за неимением другого, в глазах россиян растет — численность группы, отмечающей эту позицию, за последние 10 лет увеличилась с 13 до 20%.

Еще больше вырос такой показатель, который до бума цен на нефть вообще не входил в число приоритетных — сырьевые богатства страны: за 10 лет значимость этого критерия (не связанного с идеей человеческого, морального, интеллектуального, культурного и тому подобного превосходства) выросла в 5 с лишним раз,

Таблица 2

КАК, СКОРЕЕ ВСЕГО, БУДЕТ ЖИТЬ РОССИЯ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ? (в % от числа опрошенных; приведены лишь максимальные значения ответов в разных социально-демографических группах)

Вариант ответа		Максимальные значения
Станет в один ряд с другими развитыми западными странами	33	Мужчины, 16–24 лет, среднее образование, Москва
Техника, вооружения будут похожими на западные, но жизнь людей будет иной	32	25–34 года, высшее образование, средние и малые города
Россия будет развиваться наподобие других великих стран Азии (Китая, Индии)	4	Мужчины, 45–54 года, высшее и среднее образование, малые города и село
Вернется на путь социализма	3	Женщины, пожилые, неполное среднее образование, 65+, средние города и село
Россию ждет неминуемая гибель	3	Мужчины, 16–24 лет, высшее и неполное среднее образование, большие города
Затрудняюсь ответить	25	Пожилые женщины, с низким уровнем образования, село

Таблица 3

СУЩЕСТВУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО НАША СТРАНА СИЛЬНО ОТСТАЛА ОТ ПЕРЕДОВЫХ СТРАН МИРА, И РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ТО, КОГДА ЭТО ОТСТАВАНИЕ НАЧАЛОСЬ. ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ? (выберите одну позицию; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
Не согласен: у нашей страны особый путь и свои достижения	10	28
Не согласен: наша страна — пример всему миру	2	5
Страна начала терять свои позиции из-за нынешней перестройки / Страна начала терять свои позиции из-за горбачевской перестройки	10	16
Отставание началось во времена (брежневского) «застоя»	17	8
Отставание началось во времена Хрущева	4	1
Отставание началось во времена «сталинщины» / Сталина	15	2
Отставание началось после октябрьского переворота	10	6
С татаро-монгольского ига / наша страна была отсталой с незапамятных времен	12	5
Страна перестала развиваться при Путине, начался новый застой	—	1
Затрудняюсь ответить	18	12

N=1500; сумма несогласных: 12 и 33%.

с 6 до 32%, как, впрочем, и другого показателя — размера территории (что тоже не сделано собственными руками), —поддержка которого увеличилась, хотя и не так сильно, — с 8 до 11%. Рост того и другого происходил за счет уменьшения количества «затруднившихся с ответом», другими словами, люди выбирали эти подсказки, разгружая себе от неприятного ощущения аутсайдеров.

Культура (литература, искусство, музыка), защита прав человека, эффективная система

образования не выступают для россиян основаниями гордости за свою страну, что сказывается на оценке качества страны и перспектив ее возможного развития, ее «истории». Поскольку никаких усилий или движений в сторону модернизации страны, существенного изменения ее устройства большинство россиян не видят, то в действие вступают механизмы психологической защиты либо компенсации, направленные на то, чтобы упразднить — но не причину травмы, а ее источник (по схеме: «не больно-то и

Таблица 4

С КАКИМ ИЗ ПРИВОДИМЫХ СУЖДЕНИЙ ВЫ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ СОГЛАСНЫ? (выберите один ответ; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1994	2000	2008
Россия отстала в развитии от большинства передовых стран	41	50	29
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	8	10	20
Россия развивается по особому, своему пути, и ее нельзя сравнивать с другими странами	32	34	46
Затрудняюсь ответить	19	6	5
Число опрошенных:	3000	1600	1600

Таблица 5

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИЯ СЕГОДНЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ ИЛИ НЕТ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1999	2003	2004	2005	2006	2007	2000	2008
Да, является великой державой / определенно да + скорее да	14	50	39	30	43	53	49	76
Нет, нельзя назвать великой державой / определенно нет + скорее нет	72	41	58	67	52	42	31	19
Затрудняюсь ответить	13	10	3	4	5	5	20	5
Количество альтернатив*	2	2	4	4	4	4	2	2
Число опрошенных:	2000	3000	1600	1600	1600	1600	1508	1600

*Чем меньше альтернатив, тем, естественно, более поляризованы оценки.

Таблица 6

ЧЕМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ДОЛЖНА ОБЛАДАТЬ ЛЮБАЯ СТРАНА, ЧТОБЫ ВЫЗЫВАТЬ УВАЖЕНИЕ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ? А КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ВЫЗЫВАЕТ СЕГОДНЯ УВАЖЕНИЕ К РОССИИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ?* (Ранжировано по правому столбцу; без ответов «другое» (=1%))

Вариант ответа	1997		2003		2006	
	Должна	Обладает	Должна	Обладает	Должна	Обладает
Высокий уровень благосостояния граждан	31	2	33	4	30	3
Высокий уровень развития науки и техники	14	2	15	4	16	4
Военная мощь, ядерное оружие	13	13	19	19	18	20
Соблюдение прав человека	9	2	8	1	8	2
Высокоразвитая культура (искусство, литература)	8	4	7	4	11	6
Богатые природные ресурсы	6	23	6	22	8	32
Большая территория	2	8	1	7	2	11
Развитая система образования	1	0	2	1	2	2
Россия сегодня не вызывает уважения в мире	–	25	–	18	–	10
Затрудняюсь ответить	14	20	9	18	7	10
Число опрошенных:	2300	2300	2100	2100	2100	2100

* Вопрос эквивалентен по смыслу: «Чем из перечисленного она сегодня обладает?» (Л. Г.)

хотелось», «у нас особый путь», «надо бороться с чужим влиянием»; см. ниже табл. 7С).

Соотношение мнений — «России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни» и «России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа» — составляло в 1992, 1999, 2003 и 2008 гг. — 1.0, 0.4, 0.5 и 0.7. От состояния, характеризующегося относительно более распространенной ориентацией на внешний мир, желанием большей открытости страны (ожидание перемен, готовность к большей интеграции с западными и европейскими странами в особенности), после кризиса 1998 г. основная часть населения переходит к болезненному, взвинченному состоянию растерянности, в котором преобладают судорожные стремления закрыться, вернуться в знакомое и привычное состояние застоя, изолированности, отсутствия факторов тревоги,

фрустрации, угрозы, беды. Затем медленно и с трудом начинает выходить из него, хотя консерватизм общих настроений и ориентаций все еще преобладает. Защитные и компенсаторные рефлексы и комплексы вступают в действие: в 1999 и 2001 гг. мнение «Русские — великий народ, имеющий особое значение в мировой истории» — разделяли 57–58% опрошенных (по сути, эти суждения вполне справедливы, если учитывать, что каждый народ в Европе, имеющий сильное государство, сыграл особую роль в истории Запада, а лишь она оказывается «мировой»). Но уже вскоре после шока 1998 года первый всплеск русского национализма стал сталкиваться с более умеренным и разумным пониманием: «Русские — такой же народ, как другие» (доля последних ответов увеличилась с 36 до 40% за счет, прежде всего, большего числа затруднившихся с ответом). Иначе говоря, за это же время мнения в обществе стали более определенными и поляризованными.

Таблица 7 А, В, С

НИЖЕ ПРИВОДИТСЯ НЕСКОЛЬКО ПАР СУЖДЕНИЙ, УКАЖИТЕ, С КАКИМ ИЗ СУЖДЕНИЙ В КАЖДОЙ ПАРЕ ВЫ БЫ СКОРЕЕ МОГЛИ СОГЛАСИТЬСЯ? (дайте один ответ в каждой паре суждений; в % от числа опрошенных).

А. Вариант ответа	1992	1999	2008
Россия должна сохранить за собой роль великой державы	72	78	86
России не нужно претендовать на роль великой державы	14	9	6
Затрудняюсь ответить	13	13	8
Число опрошенных:	2069	2000	1508

В. Вариант ответа	1999	2001
Русские — великий народ, имеющий особое значение в мировой истории	57	58
Русские — такой же народ, как другие	36	40
Затрудняюсь ответить	7	2
Число опрошенных:	2000	1000

С. Вариант ответа	1992	1999	2003	2008
России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни	42	23	25	35
России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа	40	58	49	49
Затрудняюсь ответить	18	20	26	16
Число опрошенных:	2100	2000	2000	1500

**Е.М. ЛЕВИНТОВА
Дж. БАТТЕРФИЛД**

КАК ФОРМИРУЕТСЯ ИСТОРИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ: ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ О НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ¹

Начало XXI в. стало очередным поворотным моментом в системе российского образования, моментом, когда началось осмысление национального прошлого, включая совсем недавнее. Когда закончился период 1990-х гг., появилась необходимость выработки официальной версии оценки этой довольно сложной и неоднозначной эпохи отечественной истории. Процесс создания официально признанной трактовки 1990-х гг. наиболее хорошо прослеживается в школьных учебниках истории, одобренных и рекомендованных Министерством образования РФ и выпущенных уже в «путинский» период. В данной статье мы рассмотрим, как развивался этот процесс и какая официальная позиция сформировалась к настоящему времени.

Существует несколько версий того, как и почему различные общества представляют свою историю в школьных учебниках. С одной стороны, как, например, утверждают Х. Шисслер и Я.Н. Соисал, содержание учебников «субординировано по отношению к конкретным механизмам контроля государства и/или доминирующих элит и является частью процесса формирования нации и лояльных граждан»². Эти же авторы добавляют, что «в учебниках мы обнаруживаем то, что общество желает передать последующим поколениям»³, и поэтому эти исследователи рассматривают учебники и учебные планы как национальные версии исторических событий. Е. Лисовская и В. Карпов считают, что такие учебники являются «культурными феноменами, произведенными коллективно и существующими независимо от индивидуальных взглядов их авторов. По существу, учебники мо-

гут рассматриваться как анонимные продукты институализированного издательского процесса, где авторская идентичность играет лишь незначительную роль»⁴.

Тем не менее все эти авторы отмечают, что и «механизмы контроля», и «институализированные издательские процессы» не чужды влиянию более широкого социального, политического и культурного контекста. Именно в этом контексте и происходит борьба за право формировать историю нации. Историческая память в этом случае состоит в том, чтобы транслировать «политическую повестку дня, которая содержала бы конкретную похвалу достоинствам нации ... или действующего правительства»⁵. А то, что считать достоинствами или недостатками, естественно является предметом дискуссий, которые так часто и разворачиваются вокруг интерпретации истории. Б. Форест, Дж. Джонстон и К. Тилл отмечают, что противостояние идей происходит как внутри властных элит, так и между элитой и общественными группами и что «интеракции между многочисленными общественными группами и элитами, отличаясь по существу и интенсивности в зависимости от контекста, сообща формируют сложную канву исторической памяти, в которой не только интерпретируется прошлое нации, но и предлагаются определенные модели ее будущего»⁶.

Для изучения исторической памяти необходимо «проанализировать, как истории о прошлом формируют и в свою очередь сами находятся под воздействием различных версий исторических событий», поскольку «память о прошлом никогда не может быть личным опытом, она кристаллизуется через семейные рассказы,

¹ Исследования в Москве, послужившие основой для данной статьи, были проведены при финансовой поддержке Университета Висконсина в г. Грин-Бей. Авторы также благодарят Б.В. Дубина, Л.Д. Гудкова и Н. А. Зоркую (Левада-Центр), а также Л.Ф. Борусяк (Высшая школа экономики, Москва) за помощь при проведении этих исследований.

² Schissler, H., Soysal Y.N. 2005. Introduction // *The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition* / Eds. H. Schissler, Y. N. Soysal. Berghahn Books, 2005. P. 1.

³ Op. cit. P. 7.

⁴ Lisovskaya E., Karpov V. *New Ideologies in Postcommunist Russian Textbooks* // *Comparative Education Review*. 1999. Vol. 43. № 4. P. 526

⁵ Hodgkin K., Radstone S. *Memory, History and Nation*. Transaction Publishers, 2005. P. 5 (Цит. по: Tilly, K. 2006. *Memory Studies*. 2006. Vol. 62. № 1. P. 326).

⁶ Forest B., Radstone S., Tilly K. *Post-Totalitarian National Identity: Public Memory in Germany and Russia* // *Social and Cultural Geography*. 2004. Vol. 5. № 3. P. 358.

средства массовой информации, музеи, фильмы и *исторические книги*»¹ (курсив наш.— Авт.). Комментируя борьбу идей в учебниках, Х. Шисслер и Я.Н. Соисал, цитируя Л. Хейн и М. Селдом, утверждают, что «приписывание образованию роли "формирования гражданственности" естественно приводит к борьбе за его содержание»². Действительно, в своем обзоре российских учебников, выпущенных в 1990-е гг., Е. Лисовская и В. Карпов находят «противоречивый набор идеологических символов национализма, западничества и реинтерпретации коммунизма»³. Такой вывод не удивителен, принимая во внимание, что отбор и финансирование издания учебников в 1990-е гг. были децентрализованы до уровня регионов и что издательский процесс вышел из-под советской системы контроля со стороны министерства и стал развиваться по постсоветским рыночным принципам⁴.

Однако с начала XXI в. в России происходит очень осмысленный процесс формирования исторических трактовок на государственном уровне. В ходе этого процесса государство «вновь взяло на себя ответственность за сферу образования и стало играть в ней активную роль в целях приведения образования в соответствие с важнейшими требованиями национального развития»⁵. Государство стало настолько озабочено проблемой реформирования исторического образования, что в 2001 г. кабинет министров в полном составе был создан специально для того, чтобы проанализировать содержание учебников и учебных пособий по современной российской истории. Правительство также выразило озабоченность тем, что «в 1990-ых годах в учебниках появилось множество негативных описаний», призвав преподавать историю, способствующую воспитанию «патриотизма, гражданственности, общенационального са-

мосознания, исторического оптимизма»⁶. Действительно, к 2005 г. стандартизация системы образования стала одним из четырех национальных проектов, курируемых Дмитрием Медведевым в его бытность первым заместителем председателя президиума Совета при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов, а затем и председателем президиума этого же Совета. Были приняты и воплощены в жизнь Национальная доктрина образования в Российской Федерации на 2000–2005 гг., Федеральная целевая программа «Развитие единой образовательной информационной среды на 2001–2005 гг.» и Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы»⁷. Процесс централизации отбора и выработки нового официального списка рекомендованных и допущенных учебников был завершён во время первого президентства В.В. Путина, но он начался еще в конце 1990-х гг., когда были созданы первые ежегодные федеральные комплекты официально одобренных и рекомендованных учебников⁸.

Какой же эффект оказала стандартизация отбора учебников на создание официальной и во многом канонической точки зрения на российскую историю, особенно ее первого постсоветского периода? Существует ли среди множества учебников борьба различных подходов к отечественной истории, в частности, по поводу 1990-х гг., или же мы имеем дело с устоявшейся, практически классической версией истории этого периода? Каковы в целом оценки историков описывающих постперестроечное время? Какая картина встает со страниц учебников, положительная или отрицательная, и если превалирует вторая точка зрения, насколько негативно характеризуется интересующий нас период? Ведь не секрет, что именно трактовка постперестроечного периода подверглась наибольшей критике со стороны правительства в 2001 г.

¹ Till K. Memory Studies // History Workshop Journal. 2006. Vol. 62. № 1. P. 330, 338.

² Schissler H., Soysal Y. N. Introduction // The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition. Berghahn Books, 2005. P. 2.

³ Lisovskaya E., Karpov V. Op. cit. P. 523.

⁴ См.: Maier R. Learning About Europe and the World: Schools, Teachers, and Textbooks in Russia after 1991 // The Nation, Europe and the World: Textbooks and Curricula in Transition / eds. H. Schissler, Soysal Y.N. Berghahn Books, 2005.

⁵ Kiselev A. F. Problems Involved in Overhauling Educational Content // Russian Studies in History. 2004–2005. Vol. 43. № 5. P. 51. См. также: Zajda J., Zajda R. The Politics of Rewriting History: New School History Textbooks in Russia // International Handbook on Globalization, Education and Policy Research. / Ed. J. Zajda. 2005. Springer. P. 713.

⁶ Kiselev, A. F. Op. cit. P. 55, 57, 58. См. также: Khasanova G. Nation-Building and Values in Russian Textbooks // Nation-Building and Common Values in Russia / Eds. P. Kolsto, H. Blakkisrud. Rowman and Littlefield, 2004.

⁷ См.: Eklof B., Shonia O. Old Wine in New Bottles? The National Project on Education // Chronicle of Russian and Eurasian Education (formerly ISRE Newsletter). 2006. Vol. 13. № 1.; Kiselev A.F. Op. cit. P. 51; Children, Education and Health: International Perspectives on Law and Policy. Ashgate, 2005. P. 15.

⁸ См.: Mendeloff D. Demystifying Russian Textbooks // ISRE Newsletter on Russian and Eurasian Education. 1997. Vol. 6. № 1. P. 16–20.

Это отнюдь не вопрос праздного любопытства. Сейчас примерный возраст тех, кто изучал российскую историю по этим официально одобренным и одобренным учебникам — 18–28 лет, это как раз те, кого принято называть первым постсоветским поколением. С какими же трактовками событий 1990-х гг. пришлось столкнуться этому поколению в средней школе при штудировании обязательных учебников истории? Это во многом может объяснить политические предпочтения сегодняшней молодежи, особенно ее политически активной части.

Методы исследования. Многие ученые часто предостерегают, что при исследовании образовательных источников очень важно сделать правильную выборку учебников, т. е., необходимо отобрать среди всей выпускаемой учебной продукции именно те учебники, которые широко используются в большинстве школ¹. Так как в России существует централизованная национальная программа образования и используется система федеральных комплектов официально одобренных, рекомендованных и допущенных учебников, мы ограничили наш анализ именно учебниками из списков этих комплектов за последние 10 лет. В ходе контент-анализа нами обработано 47 учебников, 33 из которых представляют собой оригинальные или значительно переработанные издания учебников по новейшей российской истории. Все они были включены в федеральные комплекты как одобренные и рекомендованные Министерством образования Российской Федерации, что является высшей степенью официального признания². Экземпляры всех рассматриваемых учебников хранятся в Государственной педагогической библиотеке им. К.Д. Ушинского

¹ См.: Woodward A. *The Analysis of Textbooks to Discover Content and Value Changes: Identifying Representative Textbooks*. Paper presented at the Annual Meeting of the American Educational Research Association, N. Y., 1982.

² В своей короткой, но очень содержательной статье Д. Менделофф пишет, что Министерство образования Российской Федерации составляет ежегодные федеральные комплекты официально одобренных учебников, которые затем «должны быть предоставлены учащимся бесплатно, как правило, через школьные библиотеки. Если местная администрация или школа планируют закупить учебники для своих учащихся (а не заставлять учеников самих покупать свои учебники), они должны покупать только издания, включенные в федеральный комплект» (Mendeloff D. 1997. Op. cit. Такая система де-факто исключает менее популярные учебники, которые мало используются в российских школах, делая нашу выборку более достоверной. Подобный подход использован и в работе: Zajda G., Zajda R. Op. cit. Тогда как Г. Хасанова рассматривает учебники по российской истории, опубликованные в Москве, Санкт-Петербурге и в нескольких регионах (Khasanova G. Op. cit.).

(Москва). В нашем исследовании мы анализируем учебники истории для 9 и 11 классов, так как интересующий нас период (1990-е гг.) описывается только в них. Все издания были опубликованы в 1998–2008 гг.

При изучении содержания учебников нас особенно интересовали оценочные интерпретации периода 1990-х гг., т. е. высказывания, которые содержали заведомо негативные или позитивные оценки, а также описания очевидных положительных и отрицательных событий, процессов или их итогов. Так как сами учебники анализируют постсоветский период российской истории по нескольким четко выраженным тематическим разделам (проблемы федерализма и государственности, политическое развитие, экономика, социальные условия, внешняя политика и, наконец, культура, образование и религия) и два четко выраженных хронологических этапа (президентство Б.Н. Ельцина и президентство В.В. Путина), мы следовали той же логике при представлении результатов нашего исследования. Важным моментом является то, что включение описания «путинского» периода в качестве контраста по отношению к 1990-м гг. позволило авторам учебников сравнить эти две эпохи и тем самым усилить негативные аспекты, которые и так уже были отмечены в соответствующих разделах, посвященных истории первого постсоветского десятилетия. Ниже приводятся конкретные результаты нашего анализа.

Результаты контент-анализа. Одним из самых важных выводов является то, что мы не нашли в учебниках как в массиве данных никаких противоборствующих интерпретаций различных идеологических или политических групп, о которых так много писали предыдущие исследователи этого предмета. Официально одобренные учебники обычно содержали очень сходные описания неравномерного развития в это противоречивое десятилетие. Только один учебник — учебник И.И. Долуцкого — несколько отклонялся от «нормы», но он исчез из федеральных комплектов после 2003/2004 учебного года. Если судить о том, что является более важным в преподавании российской истории: борьба различных точек зрения или желание представить единую официально одобренную версию новейшей отечественной истории, то приходится констатировать, что господствует именно последнее.

Хотя среди учебников истории и существуют некоторые разночтения по поводу 1990-х гг., практически все их объединяет очевидное сход-

ство в том, как они сравнивают «ельцинский» период с «путинским». Иными словами, хотя некоторые учебники включали в себя более сбалансированное описание 1990-х гг., даже в них при сравнении первоначального постсоветского периода с последующим развитием событий первый очевидно проигрывает. Без всяких сомнений, более поздний период обрисован гораздо более положительно и только сильнее оттеняет и без того уже отмеченные недостатки, присущие, по мнению авторов учебников, «ельцинскому» периоду. Однако, хотя негативные оценки 1990-х гг. встречались в учебниках в четыре раза чаще, чем положительные, для всех них было характерно включение неких положительных интерпретаций «ельцинской» эры, особенно политических и экономических реформ, произошедших в этот период. Однако в целом «ельцинский» период был чаще всего охарактеризован как противоречивый. С одной стороны, это было время, когда под угрозой были территориальная целостность России и существование самого российского государства, отождествляем с глубоким экономическим кризисом, политической нестабильностью и социальной напряженностью. С другой стороны, этот же период описывается как время демократического прорыва, культурного и религиозного возрождения.

Далее мы представляем результаты контент-анализа по отдельным тематическим разделам и хронологическим периодам.

Государственное строительство в 1990-е гг.: в основном негативные оценки. Шесть учебников отмечают успех в сохранении суверенитета и территориальной целостности России, а также описывают создание новой федеративной модели. Вот одна из наиболее частых характеристик процессов госстроительства в первый постсоветский период: «В 1990-е годы удалось воссоздать Российскую Федерацию, сохранить ее целостность, утвердить новые принципы федеративного устройства страны. Отношения Центра и регионов приобрели более равноправный характер. Эти отношения учитывали тенденции современного развития многонациональных государств. Это был главный итог федеративного строительства»¹.

¹ См.: Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России: XX век – начало XXI века. 9 класс. М.: Просвещение, 2005. С. 365–366. Похожие характеристики содержатся и в учебниках: Данилов А.А., Косулина Л.Г., Пыжиков А.В. История России: XX век – начало XXI века. 9 класс. М.: Просвещение, 2002. С. 381; Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История отечества. XX век. 9 класс. М., Просвещение, 2001. С. 336; Шестаков В.А. Россия в 1992–1999 гг. Дополнительные материалы к учебнику «История отечества. XX век». 11 класс. М.: Дрофа, 2000. С. 21; Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г.

Тем не менее каждый учебник в нашей выборке содержит развернутые отрицательные пассажи по поводу состояния российского федерализма и госстроительства в 1990-е гг. Гораздо более детальные и убедительные, чем редкие описания успехов, наиболее распространенные образы, встающие со страниц учебников, несомненно очень пессимистичны. Учебники отмечают, что многочисленные угрозы российской территориальной целостности сохранялись. Прежде всего это были первые попытки региональных элит (губернаторов и президентов республик) отделиться от Федерации, а также непрекращающиеся межэтнические конфликты (не ограничивавшиеся только зоной Северного Кавказа). Совокупно эти события, по описанию учебников, порождали страхи, что постсоветская Россия может повторить судьбу Советского Союза². В интерпретации учебников федерация страдала от излишней асимметричности или децентрализации, т. е. ситуации, в которой все уменьшающееся политическое и экономическое влияние федерального Центра фактически поставило его на грань маргинальности³. Выражаясь словами одного из учебников, «снижение экономического и политического значения Центра ослабляло связи между регионами, создавало ощущение, что все вопросы можно решить и без участия федеральной власти. ... Возникла острая необходимость изменения национальной политики»⁴. Тогда как значение демократического Центра уменьшалось, «параллельно на местах складывались региональные авторитарные режимы», «обозначился феномен "региональных владык", когда избранные руководители субъектов федерации стали

Россия и мир в XX веке. 11 класс. М.: 2006. С. 289; Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. История отечества XX века. 9 класс. М.: Русское Слово, 2002. С. 340–346.

² Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 365–366; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2004. С. 340; Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История отечества. XX век. 11 класс. М.: Дрофа, 1998. С. 598–599; Волобуев О.В., Кулешов С.В. История России. XX век. 11 класс. М.: Мнемозина, 2004. С. 289; Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2001. С. 328; Загладин и др. 2002. С. 340; Жарова Л.Н., Мишина И.А. История отечества. XX век. 9 класс. М.: Центр гуманитарного образования, 1999. С. 430; Жарова Л.Н., Мишина И.А. История отечества. XX век. 9 класс. М.: Центр Гуманитарного Образования, 2003. С. 420.

³ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 365–366; Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2005. С. 179; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 354; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288; Дмитренко и др. 1998. С. 598–599; Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Дрофа, 2007. С. 295.

⁴ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 366.

превращаться в своего рода слабо контролируемых "воевод", а «одним из серьезных барьеров на пути становления нормальных федеративных отношений стал правовой нигилизм региональных органов власти, несоответствие конституций, уставов и законов субъектов Российской Федерации нормам российской конституции»¹. Все это неизбежно вело, по мнению учебников, к «обострению отношений между центром власти в Москве и регионами» и «усилению роли в политике ... региональных руководителей, которые нередко ставили свои личные и корпоративные интересы выше государственных»². Несколько учебников также отмечают серьезные недостатки Федеративного Договора³.

Но самая главная проблема госстроительства, обсуждаемая в учебниках, это ситуация в Чечне, которая характеризуется как «поражение», «неумение Центра удержать власть ... , которое вдохновило сепаратистов», «крупнейшая военная конфронтация в истории страны со времен Великой Отечественной войны», «затяжная кровопролитная война, сказавшаяся на всех сторонах жизни», «затянувшаяся война, стоившая огромного числа жизней», как период «государственного бессилия», «серьезного ухудшения политической ситуации в России», как «позор России, ее президента, вооруженных сил», «наибольшая угроза территориальной целостности России», «самое сложное испытание», «самая серьезная проблема политического развития России», «наиболее болезненная проблема для нового режима», «национальная трагедия», «самый крупный со времен афганской войны просчет руководства страны», и просто как «ошибка»⁴. В нескольких случаях

авторы учебников даже обвиняют федеральное правительство в непоследовательности, плохом планировании, недооценке противника и скоропалительных действиях под предлогом проведения «небольшой победоносной войны», а также в непродуманных политических решениях после Хасавюртовских соглашений⁵. Кроме того, в учебниках описывается возникновение де-факто неуправляемого государства на южных границах России (сохраняющееся насилие, тренировочные лагеря террористов, радикализация ислама, сепаратизм, похищения, торговля оружием, разрушенная экономика) как одна из наиболее серьезных неудач российского государства на Кавказе⁶.

Демократическая политика в 1990-х гг.: неоднозначные оценки. В 13 учебниках отмечены углубление процессов демократизации в России в этот период, ее приверженность демократическому пути, успехи в институциональном дизайне, возникновение системы разделения властей, многопартийности, парламентаризма, местного самоуправления и новый уровень гражданских прав и свобод, не только гарантированных новой Конституцией, но и существующих на практике. К примеру, авторы учебников утверждают, что «главным итогом внутривнутриполитического развития России в 90-х гг. было создание демократического государства, разрушение тоталитарной структуры» и, что «к концу [1990-х гг.] сказались первые результаты модернизации общества как политической (парламентаризм, выборность губернаторов, мэров, региональных законодательных органов, многопартийности), так и экономической»⁷. Россия смогла «удержаться на пути демократических реформ» и «продолжала следовать

¹ Долоцкий И.И. Отечественная история. XX век. 11 класс. М.: Мнемозина, 2002. С. 247; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 279–280; Пашков Б.Г. История России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2002. С. 396–397.

² См.: Загладин и др. 2002. С. 339; Киселев, Попов. 2007. С. 295.

³ См.: Дмитренко и др. 1998. С. 598–599; Пашков. 2002. С. 383; Волобуев и др. 2001. С. 328; Загладин и др. 2002. С. 340; Жарова, Мишина. 2003. С. 420.

⁴ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 366; Данилов, Косулина. 2005. С. 179; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 381; Шестаков, Горин, Вяземский. 2001. С. 343 (похожие характеристики присутствуют и в учебниках: Шестаков. 2000. С. 25; Чубарьян А.О. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2007. С. 247); Сухов В.В., Морозов А.Ю., Абдулаев Е.Н. История России. 9 класс. М.: Мнемозина, 2004. С. 326–327; Левандавский, Щетинов. 2004. С. 340; Данилов А.А., Уткин А.И., Филиппов А.В. История России 1945–2007. 11 класс. М.: Просвещение, 2008. С. 276–277; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288–289; Долоцкий. 2002. С. 244; Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир. История XX века. 11 класс. М.: Веди-Принт, 2002. С. 284; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 290; Волобуев и др. 2001. С. 329; Загладин и др. 2002. С. 341–342; Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс.

М.: Дрофа, 1999. С. 458; Островский В.П. История России. XX век. 11 класс. М.: Дрофа, 2004. С. 457; Жарова, Мишина. 1999. С. 433; Жарова, Мишина. 2003. С. 420–421.

⁵ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 326–327; Шестаков. 2000. С. 23–24; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 275, 276–277; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288–289; Долоцкий. 2002. С. 244; Пашков. 2002. С. 383; Волобуев и др. 2002. С. 287; Волобуев О.В., Кулешов С.В. Россия в постсоветский период. 90-е годы XX века – начало XXI века. Дополнительные материалы к учебнику-практикуму «История России. XX – начало XXI века. 11 класс». М.: Мнемозина, 2002. С. 24; Волобуев и др. 2001. С. 329; Загладин и др. 2002. С. 342; Островский. 2004. С. 458; Жарова, Мишина. 1999. С. 432–433; Якеменко Б.Г. История отечества, часть II: 1940–2003. 11 класс. М.: Центр гуманитарного образования. 2003. С. 242.

⁶ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 329–330; Чубарьян. 2007. С. 247; Левандавский, Щетинов. 2004. С. 349; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 288–289; Пашков. 2002. С. 396–397; Киселев, Попов. 2007. С. 269.

⁷ Якеменко. 2003. С. 259; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 352.

по пути реформ и демократического развития»¹. Авторы одного из наиболее популярных учебников, который переиздавался уже четырежды, упоминают прекращение партийного контроля над средствами массовой информации, возникновение новых частных телевизионных каналов (РЕН-ТВ, НТВ и т. д.), коммерческих радиостанций и множества новых газет и журналов в качестве примеров важнейших демократических завоеваний 90-х². Принятие новой Конституции оценивается в учебниках как «важнейший этап демократического обновления России»³. Новая демократическая Конституция является, по мнению авторов учебников, не только «значительным шагом вперед», так как она стоит «в одном ряду с законодательствами правовых государств цивилизованного мира» и является документом, в котором «впервые в истории России ... уровень гарантируемых прав и свобод человека, механизм их защиты соответствует современным международным стандартам ... и утвержден принцип современного парламентаризма — принцип разделения властей»⁴. Новая политическая система, согласно оценке авторов, также послужила минимизации политических конфликтов⁵.

С другой стороны, в учебниках обсуждается политическая поляризация, конфронтации, противостояние внутри правящей элиты, конфликты и политические протесты (наиболее часто в этом отношении упоминаются события 1993 г.), которые характеризовали 90-е гг.⁶. Согласно авторам одного из учебников, «в российском обществе [не было] ... национальной идеи или идеологии, которая могла бы сплотить народ и власть»⁷. Еще одним критическим

замечанием, высказанным в учебниках, является дефектный институциональный дизайн, в котором прерогативы президента доминируют над всеми другими, тем самым позволяя ему нарушать Конституцию безо всяких юридических последствий. Кроме того, авторы обращают внимание на слабое развитие партийной системы и гражданского общества⁸. Также упоминается использование грязных технологий в политических кампаниях 1990-х гг., которые привели к тому, что «СМИ подчас превращались в механизм ... манипулирования в "нужном" русле общественным сознанием»⁹.

В качестве еще одной отрицательной характеристики 1990-х гг. несколько учебников упоминают слабое здоровье президента Ельцина, его частое отсутствие на политической арене¹⁰. Другие учебники описывают общую политическую нестабильность, частые политические скандалы и внезапные изменения в правительстве (по словам авторов нескольких учебников, это был период «министерской чехарды»)¹¹. По мнению других авторов, наиболее серьезной проблемой, однако, являлось то, что в 90-е гг. политика велась в узких личных интересах, что, соответственно, вело к конфликтам на политической сцене и усиливавшемуся влиянию олигархов и различных лоббирующих групп в средствах массовой информации, особенно во время выборов, не редко приводя к узурпации политической власти в стране различными кланами. «Такую систему шантажа и контроля над государством со стороны олигархических средств массовой информации, действовавших в интересах отдельных групп людей, необходимо было разрушить»¹². Не удивительно, что те же самые учебники упоминают также и коррупцию, неэффективность государственного регулирования, ослабление законности, вакуум власти и появившуюся возможность, воспользовавшись слабостью государства, приобрести

¹ Загладин и др. 2002. С. 338, 346.

² См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 359.

³ Дмитренко и др. 1998. С. 613.

⁴ Шестаков. 2000. С. 9–10, 11. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 352; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 367; Данилов, Косулина. 2005. С. 169; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 340, 358; Дмитренко и др. 1998. С. 613–615; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 22–23; Жарова, Мишина. 1999. С. 430; Киселев, Попов. 2007. С. 271, 295.

⁵ См.: Островский, Уткин. 1999. С. 455; Островский. 2004. С. 449–450.

⁶ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 337–341; Шестаков. 2000. С. 7, 15; Чубарьян. 2007. С. 243; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 267–268, 288; Дмитренко и др. 1998. С. 606, 607–613; Волобуев и др. 2002. С. 289; Волобуев и др. 2001. С. 318, 321, 326, 336; Пашков. 2002. С. 386–387, 392; Загладин и др. 2002. С. 333–335, 336, 344; Загладин Н.В., Симония А.А. История России и мира в XX веке. 11 класс. М.: Русское Слово, 2006. С. 409; Островский, Уткин. 1999. С. 450–451; Островский. 2004. С. 448; Жарова, Мишина. 1999. С. 422, 424, 427–428; Жарова, Мишина. 2003. С. 417; Киселев, Попов. 2007. С. 270; Якеменко. 2003. С. 250, 252–253, 254.

⁷ Жарова, Мишина. 1999. С. 427–428.

⁸ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 325; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 267–268; Дмитренко и др. 1998. С. 607–613; Пашков. 2002. С. 395; Загладин и др. 2002. С. 335, 336; Островский. 2004. С. 450; Жарова, Мишина. 2003. С. 419.

⁹ Волобуев, Кулешов. 2002. С. 23. См. также: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 328.

¹⁰ Долуцкий. 2002. С. 248; Волобуев и др. 2001. С. 326; Загладин и др. 2002. С. 344; Жарова, Мишина. 2003. С. 421.

¹¹ См.: Волобуев, Кулешов. 2002. С. 24; Островский, Уткин. 1999. С. 457; Якеменко. 2003. С. 257.

¹² Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 314. См. также: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 225; Шестаков. 2000. С. 17; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 278; Долуцкий. 2002. С. 227; Жарова, Мишина. 2003. С. 419, 421; Киселев, Попов. 2007. С. 295.

госактивы по номинальной цене¹. Несколько учебников даже упоминают все возрастающий авторитаризм президентства Б.Н. Ельцина, его отход от демократических идеалов, компромисс со старыми коммунистическими элитами и предательство демократической коалиции, первоначально приведшей его к власти². Неизбежным итогом политического развития России в 90-х гг., как оно предстает в учебниках, стало отсутствие общественной поддержки проводимых реформ, разочарование населения, его апатия, отчуждение от власти и бойкотирование выборов³.

Экономическое развитие России в 1990-е гг.: чрезвычайно негативные оценки. Дискуссии на экономические темы доминируют в описаниях 1990-х гг. Хотя экономические реформы трактуются чрезвычайно негативно, в 21 учебнике все-таки содержатся короткие положительные пассажи. Так, несколько авторов упоминают, что, несмотря на высокую социальную цену реформ, «предпринятые правительством шаги дали и немалый положительный результат» и что «решительные и последовательные преобразования», «во многом оказались спасительными для экономики страны»⁴. В частности в учебниках приветствуется приватизация, создавшая важный класс бизнесменов, акционеров, банкиров, менеджеров, специалистов по связям с общественностью и в целом — средний класс. В них также одобряется либерализация цен и торговли, как создавшая конкурентные условия и другие основы рыночной экономики и устранившая вечный дефицит и очереди, тем самым опустив цены на товары широкого потребления, сделав их повсеместно доступными. Все эти перемены во многом позволили «избежать всеобщего распада и социального взрыва»⁵. Учебники также отмечают экономи-

ческую стабилизацию, рост золото-валютных резервов и успехи страны в сохранении стратегических отраслей промышленности под национальным контролем⁶. Еще одним позитивным изменением считается создание новых финансовых и экономических институтов, включая банки, биржи и ипотечные компании⁷. В целом учебники очень позитивно оценивают и экономическое развитие после дефолта 1998 г., отмечая возросшую конкурентоспособность российской экономики⁸. Наконец, два учебника, включая наиболее либеральный, утверждают, что экономическая трансформация в 90-х гг. пользовалась поддержкой населения⁹.

Наиболее интенсивные дискуссии на тему 90-х гг., однако, касаются провалов российских экономических реформ. Все учебники в нашей выборке начинают описание 1990-х с комментария об экономических трудностях и о высокой социальной цене реформ. Так, «болезненный» является одним из наиболее распространенных эпитетов, используемых при описании экономических условий этого периода. Стратегически, именно в это время, как утверждают авторы одного из учебников, «Россия перестала быть одним из глобальных лидеров экономического и социального развития»¹⁰. В числе наиболее распространенных критических высказываний упоминается ухудшение жизненных условий большинства населения и возникновение новых социальных проблем, включая рост цен вследствие торгового дефицита, инфляции, обесценивания накоплений населения, сокращение потребления пищевых продуктов, невозможность приобретения даже самых необходимых товаров и услуг, кризис неплатежей, невыплата зарплат и пенсий, сокращение заработной платы, безработица, бездомность, увеличение бедности и абсолютной бедности (до 90% населения), сокращение доходов на душу населения, социальная стратификация и неравенство, возникновение «новых

¹ См.: Чубарьян. 2007. С. 240; Долоцкий. 2002. С. 242, 255; Загладин и др. 2002. С. 334; Жарова, Мишина. 1999. С. 420.

² См.: Долоцкий. 2002. С. 255; Дмитренко и др. 1998. С. 594–595; Жарова, Мишина. 2003. С. 419.

³ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 342; Шестаков. 2000. С. 15; Островский. 2004. С. 450.

⁴ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 341; Шестаков. 2000. С. 42; Загладин и др. 2002. С. 329. См. также: Данилов, Косулина. 2005. С. 166; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 360.

⁵ Островский. 2004. С. 466. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 342; Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век. 9 класс. М.: Просвещение. 2001. С. 323, 325; Данилов, Косулина. 2005. С. 166; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 335, 347; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 316; Шестаков. 2000. С. 42, 46, 49, 132; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 33; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2003. С. 293; Чубарьян. 2007. С. 240; Волобуев и др. 2002. С. 278; Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. Россия и мир. История XX века. 11 класс. М.: Веди-Принт, 2005. С. 270; Волобуев,

Кулешов. 2002. С. 20; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271; Волобуев и др. 2001. С. 333; Загладин и др. 2002. С. 329; Волобуев О.В., Журавлев В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. 9 класс. М.: Дрофа, 2007. С. 294, 333; Островский. 2004. С. 464, 467, 471; Жарова, Мишина. 2003. С. 407; Киселев, Попов. 2007. С. 276.

⁶ См.: Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 358; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 282; Загладин, Симония. 2006. С. 407.

⁷ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 335, 345; Шестаков. 2000. С. 135.

⁸ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 346, 360; Чубарьян. 2007. С. 240; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 287; Загладин и др. 2002. С. 346.

⁹ См.: Долоцкий. 2002. С. 227; Шестаков. 2000. С. 281.

¹⁰ Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 308.

русских», исчезновение среднего класса и ухудшение криминогенной ситуации¹. В нескольких учебниках также выражена обеспокоенность продолжающимся демографическим кризисом, в результате которого естественная убыль населения в 1992–1995 гг. составила примерно 2,7 млн. человек, а «к концу 90-х ... более 1 млн. человек в год», так что за первое постсоветское десятилетие было потеряно более 10 млн. населения. Эти же учебники отмечают, что уровень смертности превысил уровень рождаемости, все показатели здоровья нации ухудшились, а продолжительность жизни сократилась². В качестве причин такого ухудшения учебники приводят сокращение государственного финансирования социальной сферы, включая общественный транспорт, образование, медицинское обслуживание, спортивные объекты, санатории и молодежные клубы, а то и просто уход государства из этой сферы, что неминуемо привело к ее полному коллапсу³.

Кроме социальных проблем, вызванных экономической трансформацией, учебники упоминают и спад промышленного и сельскохозяйственного производства, который был охарактеризован как превышающий «экономический упадок времен Великой Депрессии в США»⁴, сокращение национального ВВП, переход к бартеру, доминирование сырьевых отраслей в общей индустриальной структуре страны, кризис в оборонной промышленности, технологическое отставание, неудачи с привлечением иностранных капиталов в российскую экономику, отток капиталов из страны и непрекращающееся уклонение от налогов⁵.

⁵⁰ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 340–341; Данилов, Косулина. 2005. С. 166, 169; Данилов, Косулина. 2001. С. 323–324; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 356; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 348, 349–351, 359; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 316–318, 319–320; Шестаков. 2000, 38–40, 70–71, 72, 79–80, 81, 133; Чубарьян. 2007. С. 238–239, 240; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 334–336, 348; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 260, 274, 287, 308; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 293; Дмитренко и др. 1998. С. 502, 600–603; Пашков. 2002. С. 384, 386, 389; Волобуев и др. 2002. С. 289–290; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 20; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271, 297; Загладин и др. 2002. С. 330–331, 342; Островский, Уткин. 1999. С. 447; Островский. 2004. С. 464, 472, 473; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421, 433; Жарова, Мишина. 2003. С. 407–408; Киселев, Попов. 2007. С. 276–280; Якеменко. 2003. С. 238–240, 258.

² Данилов, Косулина. 2005. С. 166. Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 292; Шестаков. 2000. С. 70–71; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 308; Киселев, Попов, 2007, с. 305.

³ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 341; Данилов, Косулина. 2005. С. 169; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 348; Алексашкина, Данилова, Косулина. 2006. С. 292; Волобуев и др. 2001. С. 334.

⁴ См.: Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 282.

⁵ См.: Данилова, Косулина, Брандт. 2005. С. 340–341; Данилов, Косулина. 2001. С. 323, 324; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 346,

Согласно нескольким учебникам, проводимая в этот период экономическая политика привела к зависимости от мирового рынка, непропорциональной роли топливно-энергетического и другого сырья в общей экспортной структуре, необходимости брать иностранные кредиты на кабальных условиях и огромному внешнему долгу⁶.

Наконец, учебники рисуют весьма неутешительную картину приватизационного процесса. В качестве его издержек приводятся нечестная практика залоговых аукционов с заранее известными победителями, предпочтение, отдаваемое бывшим директорам, провал ваучерной приватизации (учебники часто отмечают, что большинство населения было вынуждено продать ваучеры и акции за бесценок) и финансовые пирамиды под видом инвестиционных и паевых фондов. В итоге, приватизация принесла выгоду лишь небольшому числу россиян и не была поддержана широкими массами. Не поддержали ее, как пишут авторы учебников, и владельцы малого и среднего бизнеса⁷.

Хотя учебники и указывают на сложные структурные условия и экономический кризис, унаследованный Россией от Советского Союза, в качестве причин пробуксовки экономических реформ более часто они ссылаются на отсутствие правильного экономического планирования, многочисленные ошибки, допущенные правительством, включая непоследовательность, использование ошибочных моделей, непродуманность экономической стратегии, слепое следование западным советам в ущерб российским историческим и культурным особенностям, раздувание бюрократического аппарата, бездействие и отсутствие инициативы. Часто в учебниках подчеркивается

359; Шестаков. 2000. С. 46, 62; Чубарьян. 2007. С. 238–239; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 335–336; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 260, 274, 308; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 290–291; Долуцкий. 2002. С. 243; Пашков. 2002. С. 384, 389; Волобуев и др. 2002. С. 278, 284, 288; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 20; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271, 297; Волобуев и др. 2001. С. 334, 335; Загладин и др. 2002, с. 330–331, 342; Островский, Уткин. 1999. С. 447, 454–455; Островский. 2004. С. 468, 469; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421; Киселев, Попов. 2007. С. 276–280; Якеменко. 2003. С. 240, 244.

⁶ См.: Чубарьян. 2007. С. 238–239; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 287; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 290–291; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 271; Волобуев и др. 2001. С. 335.

⁷ См.: Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 345; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 316–318; Шестаков. 2000. С. 79–80, 86, 88; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 334; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 262, 263, 281; Алексашкина, Данилова, Косулина. 2006. С. 290–291; Загладин и др. 2002. С. 330–331; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421; Киселев, Попов. 2007. С. 276–277; Якеменко. 2003. С. 238–239, 258.

и отсутствие опыта у молодых реформаторов, постоянно испытывавших удивление по поводу полученных результатов¹. Несколько учебников также описывают общественное неприятие экономических реформ, чувство неуверенности, которое они принесли, и потерю веры общества в правительство².

Российская внешняя политика в 1990-е гг.: в основном отрицательные оценки. Десять учебников содержат положительные трактовки внешней политики, которую Россия вела в 90-е гг. Среди успехов российской дипломатии учебники приводят международное признание России после распада СССР, улучшение международной репутации страны и «успешное решение тех проблем, которые являются общими для всех народов и государств»³. В частности «90-е годы были временем становления новой российской дипломатии, постепенным осознанием национально-государственных интересов», когда удалось «дипломатическими средствами укрепить международную безопасность страны»⁴. Это был период, когда Россия «сделала важный поворот от преимущественного равенства на Запад к взвешенной политике в отношениях со все более расширяющимся кругом стран»⁵. Учебники также отмечают прорывы в отношениях с Китаем и Японией и членство России в престижных международных организациях, таких, как МВФ, Большая Восьмерка и Совет Европы⁶. В качестве ощутимых результатов такого членства учебники приводят многочисленные международные кредиты и гуманитарную помощь, выделенную России, что позволило ей смягчить последствия внутреннего экономического кризиса⁷. В качестве главного прорыва российской внешней поли-

тики на постсоветском пространстве учебники отмечают российско-белорусский союз⁸.

Более многочисленные негативные оценки постсоветской внешней политики можно разделить на две категории. Первая — это отсутствие четко выраженных национальных интересов и/или нежелание их защищать. Вторая — чрезмерно прозападная внешняя политика, проводимая в ущерб более сбалансированному курсу. Так, учебники прямо критикуют неправильное понимание распределения сил на международной арене после окончания холодной войны и как результат — неумение России сформулировать «внешнеполитическую концепцию, отвечающую ее национальным интересам», а также ослабление ее глобального и регионального влияния⁹. Но гораздо больше учебников обвиняют Запад и прозападную внешнюю политику 90-х гг., которая описывается как «чрезмерно прозападная позиция», «заискивание перед Западом», «односторонняя позиция», «нереалистическая политика», «очевидный прозападный крен», «ничем не подкрепляемые уступки», «романтизм молодых реформаторов», «слепое следование прозападным политическим курсом»¹⁰, за многочисленные неудачи, постигшие Россию в «ельцинский» период. Эти неудачи включали пренебрежение мнением России по поводу расширения НАТО, невозможность предотвратить Балканские войны и операцию в Ираке, неприемлемое решение по статусу Косова, ослабление миротворческого потенциала в израиле-палестинском конфликте и, наконец, долгий выход из экономического кризиса из-за отсутствия пакета экономической помощи, подобного плану Маршалла¹¹. В свою очередь, Запад обвиняется в том, что он «был не готов к равноправному партнерству с демократической, но слабой Россией», «игнорировал

¹ См.: Шестаков, Горинев, Вяземский. 2001. С. 359; Шестаков. 2000. С. 38, 49, 135–136; Чубарьян. 2007. С. 238–239; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 290–291; Долоцкий. 2002. С. 227, 247, 250; Дмитренко и др. 1998. С. 594, 600–603; Волобуев и др. 2002. С. 291; Загладин и др. 2002. С. 330–331; Островский. 2004. С. 464, 468–469; Жарова, Мишина. 1999. С. 420–421; Якеменко. 2003. С. 238.

² См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 340–341; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 357; Шестаков, Горинев, Вяземский. 2001. С. 333; Чубарьян. 2007. С. 240; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 348; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 20.

³ Загладин и др. 2002. С. 362. См. также: Шестаков. 2000. С. 106, 111.

⁴ Волобуев, Кулешов. 2002. С. 31; Загладин и др. 2002. С. 356.

⁵ Волобуев и др. 2001. С. 341. См. также: Левандовский, Щетинов. 2004. С. 362–363.

⁶ См.: Шестаков. 2000. С. 119, 122; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 362–363; Долоцкий. 2002. С. 240; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 27, 29, 31; Загладин и др. 2002. С. 355–356; Якеменко. 2003. С. 264.

⁷ См.: Долоцкий. 2002. С. 240; Жарова, Мишина. 2003. С. 427–428.

⁸ Шестаков. 2000. С. 117.

⁹ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 367. См. также: Шестаков, Горинев, Вяземский. 2001. С. 354; Волобуев и др. 2001. С. 341; Жарова, Мишина. 1999. С. 428.

¹⁰ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 368; Данилов, Косулина. 2005. С. 186; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 336; Чубарьян. 2007. С. 248; Левандовский, Щетинов. 2004, с. 360; Долоцкий. 2002. С. 239; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 31; Волобуев и др. 2001. С. 337; Киселев, Попов. 2007. С. 284; Якеменко. 2003. С. 264.

¹¹ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 369; Данилов, Косулина. 2005. С. 186–187; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 333–336; Шестаков. 2000. С. 107, 108; Чубарьян. 2007. С. 248; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 360, 368; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 296–297, 298, 299, 301; Долоцкий. 2002. С. 238–239; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 31; Волобуев и др. 2001. С. 37; Загладин и др. 2002. С. 357–358; Островский, Уткин. 1999. С. 461; Жарова, Мишина. 1999. С. 428; Киселев, Попов. 2007. С. 284; Якеменко. 2003. С. 264.

дружественные жесты России», предоставлял «хаотичную помощь коррумпированным западным российским политикам для достижения неопределенных целей» или вообще уклонялся «от предоставления помощи ... по целому ряду причин» и практиковал «политику двойных стандартов»¹. Наконец, 12 учебников упоминают отсутствие эффективной восточной внешней политики, неудавшуюся интеграцию СНГ в настоящий союз, подобный ЕС, потерю традиционных сфер российского влияния на постсоветском пространстве, с одной стороны, и чрезмерные уступки бывшим советским республикам, с другой².

Российская культура и образование в 1990-е гг.: в основном негативные оценки. Учебники истории уделяют довольно мало внимания описанию и оценкам культурных и образовательных процессов, происходивших в 90-е гг. В целом же эти процессы представлены в негативном свете, хотя бывают и положительные комментарии. Так, два учебника утверждают, что «90-е гг. характеризуются бурным ростом новых учебных заведений», «вновь наблюдается рост интереса молодежи к получению высшего образования»³, что не могло не привести к увеличению числа студентов «впервые в истории страны ... до 646 человек на 10 тыс. населения»⁴. Среди других позитивных итогов учебники отмечают свободу культурного выбора направлений и расцвет новых творческих направлений после долгих лет идеологического подавления⁵. Еще одним важным элементом 90-х гг. стало религиозное возрождение, которое «активно способствовало утверждению в российском обществе мира и согласия, доброты и соучастия в отношениях между людьми»⁶.

Однако в целом общая ситуация в российской культуре, религиозной жизни и образовании представлена в учебниках весьма негативно. Авторы часто с горечью пишут об «утечке мозгов» и культурной эмиграции, происходив-

ших в 1990-е⁷. Они также отмечают низкий культурный уровень населения, доминирование иностранных культурных продуктов самого низкого качества и погоню за западными материалистическими ценностями⁸. Несколько авторов описывают падение уровня образования и научных исследований⁹. Другие пишут о культурном кризисе и о том, что культура перестала влиять на общественную жизнь¹⁰. Наконец, некоторые учебники критикуют излишнюю религиозную толерантность, позволившую проникнуть в Россию «самым разным религиозным сектам и течениям, в том числе и радикальным», включая сатанистов, Свидетелей Иеговы и саентологов (так авторы учебников именуют данные религиозные группы)¹¹. Все эти факторы, вместе взятые, привели, по мнению авторов учебников, к «падению нравов и росту преступности» и к общему «духовному растлению»¹².

Общая оценка 1990-х гг.: противоречивое десятилетие. «Противоречивый» — это наиболее часто упоминаемый в учебниках эпитет при оценке 90-х гг. Семь учебников используют его в качестве организующего принципа при описании экономических реформ, их курса и последствий, часто называя этот период «полным противоречий»¹³. Четыре учебника рассматривают российскую внешнюю политику в 90-е гг. как «противоречивую» смесь «нового и старого», «поражений и успехов»¹⁴. Культурное развитие России в этот период описывается как «противоречивое» в трех учебниках, которые

¹ Шестаков, 2000, с. 107; Данилов, Уткин, Филиппов, 2008, с. 298, 301; Островский, Уткин, 1999, с. 46; Загладин и др., 2002, с. 357.

² См.: Данилов, Косулина. 2001. С. 333, 336; Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 370; Шестаков. 2000. С. 115; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 336; Долуцкий. 2002. С. 241; Пашков. 2002. С. 399, 401; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 29; Загладин и др. 2002. С. 360; Загладин, Симония. 2006. С. 416; Жарова, Мишина. 1999. С. 428; Жарова, Мишина. 2003. С. 432; Киселев, Попов. 2007. С. 283.

³ Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 351.

⁴ Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 291.

⁵ См.: Шестаков. 2000. С. 96–97; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 348; Киселев, Попов. 2007. С. 293.

⁶ Левандовский, Щетинов. 2004. С. 343. См. также: Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 302.

⁷ См.: Шестаков. 2000. С. 95; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 351; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 320; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 345–346; Пашков. 2002. С. 385; Загладин Н.В., Минаков С.Т., Козленко С.И., Петров Ю.А. История отечества XX века. 9 класс. М.: Русское Слово, 2006. С. 374; Киселев, Попов. 2007. С. 278, 291; Якеменко. 2003. С. 240.

⁸ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 354; Данилов, Косулина. 2005. С. 180; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 372; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 392; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 301.

⁹ См.: Чубарьян. 2007. С. 279; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 292; Киселев, Попов. 2007. С. 291.

¹⁰ См.: Шестаков. 2000. С. 86; Чубарьян. 2007. С. 279; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 348.

¹¹ См.: Данилов, Косулина. 2005. С. 181. См. также: Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 377; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 344; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 302.

¹² Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 354; Данилов, Косулина. 2005. С. 180.

¹³ Данилов, Косулина. 2005. С. 168; Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 343; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 359; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 260; Алексашина, Данилов, Косулина. 2003. С. 293, 304; Пашков. 2002. С. 385; Волобуев и др. 2001. С. 333.

¹⁴ Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 371–372; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 386–387; Шестаков, Горинов, Вяземский. 2001. С. 354; Островский. 2004. С. 461.

утверждают, что, «с одной стороны, деятели отечественной литературы, искусства получили то, за что они активно боролись — свободу творчества, ликвидацию партийного контроля, цензуры. Но, с другой стороны, последовало резкое падение культурного уровня населения»¹.

В целом учебники рассматривают постперестроечный период как очень неоднозначное десятилетие, в котором были нечастые прорывы, но частые провалы. Однако полностью степень негативного отношения авторов учебников к 90-м гг. вырисовывается только в сравнении с описанием периода президентства В.В. Путина. В отличие от «ельцинского» периода, который на страницах учебниках предстает как в лучшем случае противоречивый, а в худшем — весьма проблематичный, следующий этап новейшей российской истории описывается гораздо более позитивно, если не сказать — хвалебно. Выражаясь словами одного из учебников, «с приходом к власти президента В.В. Путина начался новый этап в развитии России. Россияне с оптимизмом стали смотреть в будущее, ощущая тот положительный перелом, который происходит в жизни государства. Новый этап реформ позволил стране динамично развиваться во всех направлениях — в экономике, социальной сфере, внутренней и внешней политике». Еще один учебник делает вывод, что, «подводя итоги, следует сказать, что за последние несколько лет был найден ответ на ряд серьезных политических, экономических и социальных вопросов»². Таким образом, исследуемый нами период представлен на страницах учебников в весьма противоречивом и, вообще говоря, негативном свете.

Период президентства В.В.Путина: в основном положительные оценки. Высказывания по поводу ослабления государства при Б.Н. Ельцине приобретают еще более критический характер при сравнении с описаниями госполитики «путинского» периода, содержащимися в учебниках истории. По мнению их авторов, новая политическая элита и особенно президент Путин не в пример прежнему политическому руководству поставили госстроительство во главу своей политической повестки дня. В учебниках приветствуется укрепление федерального Центра, создание вертикали власти, административная реформа, ликвидация несоответствий между федеральными и региональными за-

конами, государственная поддержка армии, антикоррупционная кампания и улучшение криминогенной обстановки. «Принятые меры свидетельствовали о начале широкой реформы государственных структур в интересах укрепления единства России и повышения эффективности и слаженности системы государственного управления. Федеративное государство, которое в конце 90-х находилось на грани превращения в конфедерацию, при Путине укрепилось. Удалось обеспечить государственное единство населения Российской Федерации народов»³.

Особенно положительно авторы учебников описывают проведение В.В. Путиным второй чеченской кампании, действия властей по нормализации ситуации в этой республике политическими и экономическими средствами и обеспечение поддержки со стороны чеченского населения курса федеральных властей. Авторы учебников утверждают, что «существенные успехи были достигнуты в разрешении проблемы Чечни». В их числе приводятся «решительные действия правительства, начавшего контртеррористическую операцию в Чечне» и «политические изменения [в Чечне, которые] были очевидны для каждого»⁴.

Успешные административные реформы сопровождались, по мнению авторов учебников, и политическими успехами. Они отмечают появление гражданского общества в союзе с государством, модернизацию партийной системы, политическую стабильность, взаимное сотрудничество всех ветвей власти и в целом позитивный политический климат, отсутствие конфликтов и сокращение влияния олигархов и других корпоративных интересов в политике как положительные достижения «путинского» периода⁵. При этом возникает отчетливый

³ Киселев, Попов. 2007. С. 296. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 373; Данилов, Косулина. 2005. С. 195; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 393; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 341–342; Чубарьян. 2007. С. 249; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 354; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 38; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 300, 301; Волобуев и др. 2007. С. 298–299, 301; Островский, Уткин. 1999. С. 457; Островский. 2004. С. 453; Жарова, Мишина. 2003. С. 456–459.

⁴ Якеменко. 2003. С. 283; Загладин и др. 2002. С. 348; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 315. См. также: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 330–332; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 349, 356; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2006. С. 289; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 282; Волобуев и др. 2007. С. 290; Загладин и др. 2006. С. 363–364; Островский, Уткин. 1999. С. 460; Островский. 2004. С. 259; Жарова, Мишина. 2003. С. 322; Киселев, Попов. 2007. С. 298.

⁵ См.: Левандовский, Щетинов. 2004. С. 351; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 315; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 36; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 299; Волобуев и др. 2007. С. 298; Загладин и др. 2002. С. 348, 350.

¹ Данилов, Косулина. 2001. С. 327. См. также: Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 377; Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 360.

² Жарова, Мишина. 2003. С. 471; Якеменко. 2003. С. 290.

контраст с политическими проблемами времен 90-х гг. Тогда как Ельцин часто описывается как человек с плохим здоровьем, нередко отсутствовавший на своем посту и не занимавшийся ежедневной рутинной государственного управления, Путин встает со страниц учебников как энергичный, молодежавый, подтянутый, компетентный, прагматичный, умный, решительный и тяготеющий к политическому центру, одним словом, как невероятно популярный лидер, «который все время был среди людей: в Чечне, на Дальнем Востоке, в Санкт-Петербурге, в Москве» и который «попал в точку ... появился в нужное время в нужном месте и нашел правильные слова»¹.

Учебники также содержат более чем хвалебные описания экономических успехов, достигнутых в «путинский» период; они выгодно контрастируют с многочисленными просчетами «ельцинского» этапа. Так, во время президентства В.В. Путина «в экономической жизни страны произошли заметные перемены», которые «не могут не поразить непредвзятого наблюдателя». Вслед за экономической стабилизацией, последовал экономический рост (как в промышленности, так и в сельском хозяйстве), была осуществлена аграрная реформа, упрощены налоговый и таможенный кодексы и наконец-то заработали рыночные механизмы. Россия также смогла сократить импорт товаров широкого потребления, сама начав экспортировать зерновые (впервые за много лет); она достигла положительного торгового баланса и профицита бюджета и стала вовремя выплачивать проценты по иностранным кредитам². В учебниках описано и улучшение социальных условий, включая повышение зарплат и пенсий (как, впрочем, и регулярность их выплат), улучшение жизненных условий, большее присутствие государства в социальной сфере и как

¹ Волобуев и др. 2001. С. 344; Шестакову, Горинову, Вяземскому. 2001. С. 361 См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 353; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 338, 345; Чубарьян. 2007. С. 249; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. с. 292; Загладин и др. 2002. С. 352–353; Островский, Уткин. 1999. С. 457–460; Жарова, Мишина. 2003. С. 422, 432, 454; Киселев, Попов. 2007. С. 284.

² См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 375; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 339. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 377; Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 338; Чубарьян. 2007. С. 254; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 348–349, 356, 357; Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России. XX–начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2007. С. 354; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 320, 327; Пашков. 2002. С. 390, 406; Волобуев и др. 2002. С. 292; Волобуев и др. 2007. С. 298, 300; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 33, 34; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 297–298; Загладин и др. 2002. С. 352–353, 363; Загладин, Симония. 2006. С. 416; Островский, Уткин. 1999. С. 460; Островский. 2004. С. 469; Жарова, Мишина. 2002. С. 464–465; Киселев, Попов. 2007. С. 302–304; Якеменко. 2003. С. 283.

результат улучшение демографической ситуации и ослабление социальной напряженности³. Пять учебников также отмечают положительные изменения в сфере науки, культуры и образования, которые возродились при финансовой поддержке государства, тем самым усилив чувства патриотизма среди населения⁴.

Наконец, учебники представляют «путинскую» внешнюю политику в гораздо более выгодном свете. Она описывается как сбалансированная и независимая, отвечающая национальным интересам, более артикулированная, решительная и предсказуемая. Благодаря новому политическому курсу, Россия, по мнению авторов учебников, достигла несомненных успехов, включая налаживание отношений с соседями по СНГ, полное членство в Большой Восьмерке, укрепление международного престижа страны, улучшение ее международной репутации, а также возврат на международную арену в качестве ключевого игрока. Российская внешняя политика, согласно учебникам истории, даже заслужила весьма положительные оценки зарубежом, так как «отстаивание интересов России и сохранение возможностей диалога с Западом, стабилизирующая роль России в современном мире все больше признается и оценивается нашими внешнеполитическими партнерами»⁵.

Хотя описание «путинского» периода в учебниках истории является чрезвычайно положительным, несколько из них все-таки упоминают остающиеся проблемы, которые правительство так и не смогло решить. Среди этих проблем – непрекращающиеся угрозы терроризма и вынужденные переселенцы из Чечни⁶, неразвитая система политических

³ См.: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 381; Чубарьян. 2007. С. 254–255; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 358; Левандовский, Щетинов, Мироненко. 2007. С. 354; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 308, 320, 326; Алексашкина, Данилов, Косулина. 2003. С. 292; Пашков. 2002. С. 406; Волобуев и др. 2002. С. 292; Они же. 2005. С. 292; Они же. 2007. С. 298, 301; Волобуев, Кулешов. 2002. С. 33; Они же. 2004. С. 299; Островский, Уткин. 1999. С. 457, 460; Островский. 2004. С. 470; Жарова, Мишина. 2003. С. 464; Киселев, Попов. 2007. С. 305.

⁴ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 343; Чубарьян. 2007. С. 279; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 359; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 357; Загладин и др. 2006. С. 374.

⁵ См.: Жарова, Мишина. 2003. С. 429. См. также: Данилов, Косулина, Брандт. 2005. С. 381; Данилов, Косулина, Пыжиков. 2002. С. 398; Чубарьян. 2007. С. 248; Левандовский, Щетинов. 2004. С. 363, 365, 368; Левандовский, Щетинов, Мироненко. 2007. С. 367; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 340–341, 343–344; Долоцкий. 2002. С. 241; Волобуев, Кулешов. 2004. С. 306; Волобуев и др. 2007. С. 308; Жарова, Мишина. 2003. С. 432, 469; Якеменко. 2003. С. 286.

⁶ См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 342; Чубарьян. 2007. С. 247; Левандовский, Щетинов, Мироненко, 2007. С. 355; Волобуев, Кулешов. 2004, с. 282.

партий и практическое отсутствие гражданского общества, доминирование государства в общественной жизни¹, экономическая стагнация и медленный экономический рост, инфляция, низкая международная конкурентоспособность российской экономики, зависимость от экспорта сырья, увеличение импорта², остающиеся социальные проблемы бездомности, социальной стратификации и преступности³ и неспособность российской внешней политики остановить западное, особенно американское приближение к российским границам⁴. Однако эти критические замечания являются по существу лишь небольшими частными деталями, сделанными в большом потоке весьма лестных пассажей об этом периоде.

Таким образом, хотя среди рассмотренных учебников наблюдаются некоторые незначительные расхождения, в целом весь массив текстов нашей выборки характеризует значительная общность подхода к описанию постсоветского периода российской истории. 1990-е гг. представлены в них в основном (хотя и не исключительно) как негативный период в отечественной истории, особенно в сравнении с последовавшим за ними президентством В.В. Путина. Именно такие трактовки и изуча-

ют школьники в ходе обязательных занятий по истории в российских школах. Как показывают проведенные авторами интервью с представителями политически активной молодежи, состоящими в прокремлевских движениях «Наши», «Молодая Гвардия» и «Россия Молодая»⁵, их оценки первого постсоветского десятилетия в очень сильной степени совпадают с трактовками, содержащимися в изученных нами учебниках. И так как учебники истории являются одним из универсальных факторов политической социализации, через которую проходят все российские школьники, их содержание во многом предопределяет политические воззрения современной российской молодежи.

На данный момент можно констатировать, что устойчивая официальная интерпретация 1990-х гг. уже сформировалась: нестандартные трактовки либо исчезли из более поздних изданий, либо исчезли сами учебники, их содержащие. Хотя многие из нас еще хорошо помнят первый постсоветский период, молодежь формирует свое мнение об этой эпохе именно по учебникам истории и потому не удивительно, что политические фигуры и символы того времени пользуются такой низкой популярностью в молодежной среде.

¹ См.: Киселев, Попов. 2007. С. 300.

² См.: Сухов, Морозов, Абдулаев. 2004. С. 339; Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 328; Волобуев и др. 2007. С. 300.

³ См.: Волобуев, Кулешов. 2004. С. 296, 299.

⁴ См.: Данилов, Уткин, Филиппов. 2008. С. 336.

⁵ Интервью с активистами движения «Россия Молодая» 30 июня–7 июля 2008 г., интервью с активистами движения «Наши» 8–9 июля 2008 г. и интервью с активистами движения «Молодая Гвардия» 14, 17, 21 и 24 июля 2008 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

АШКИНАЗИ Леонид Александрович (МИЭМ)

БАТТЕРФИЛД Джон (Западно-Мичиганский университет, Каламазу, США)

БОРУСЯК Любовь Фридриховна (ГУ ВШЭ)

ГАЙНЕР Мария Львовна (МИЭМ)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

ЗОРКАЯ Наталья Андреевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КУЗНЕЦОВА Алла Владимировна (независимый исследователь)

ЛЕВИНТОВА Екатерина (Университет Висконсина, Грин-Бэй, США)

МИШЛЕР Уильям (Университет Аризоны, Туксон, США)

РОУЗ Ричард (Университет Абердина, Шотландия)

От редакции

Памяти Виктора Заславского (26.09.1937–26.11.2009)

26 ноября в Риме умер историк и социолог профессор Виктор Заславский. С ним нас связывали не только общие исследовательские интересы, совместные работы, выступления на европейских и американских научных конференциях, но и давняя дружба, начавшаяся летом 1991 г. Он был автором нашего журнала, его постоянным, внимательным, заинтересованным читателем и критиком, свободным от какой-либо идеологической или партийной предвзятости. Его собственные научные труды, отличавшиеся остротой ума, широтой теоретического кругозора и основательностью работы с фактическим материалом, в том числе архивным, были связаны, главным образом, с изучением советской тоталитарной системы, процессов ее распада и попыток трансформации, роли рабочего класса, этнонациональных проблем и явлений сепаратизма, процессов эмиграции, а также — взаимоотношений советского руководства и европейских компартий в послевоенные годы.

Для нас постоянный диалог с Виктором открывал возможности понимания многообразия реальности, преодоления собственной односторонности и ангажированности, сравнения с тем, что происходило в других странах. Ценность такого общения для нас, его волнующую новизну после многолетнего существования за «железным занавесом» невозможно переоценить. Открытый, ироничный, доброжелательный, Заславский парадоксальным образом сочетал культурный пессимизм во взгляде на российскую действительность и твердую уверенность в том, что Россия в конце концов сумеет стать «нормальной страной», как и другие общества Восточной Европы. Часто не соглашаясь с нами, он никогда не навязывал свое мнение собеседнику, уважая право на иную точку зрения и оценку происходящего. Его биография (он начинал как горный инженер, затем, после получения исторического образования, работал искусствоведом), десятилетия жизни в СССР, опыт эмиграции, повседневной жизни и профессиональной работы в нескольких странах,

на нескольких языках давали ему определенное преимущество перед многими академическими исследователями, а явный литературный дар (он был великолепный рассказчик, в том числе устный, — одна из его новелл даже получила американскую премию короткой прозы) позволял ему выразить себя самым нетривиальным образом.

Не слишком известный в постсоветской России, хотя и сотрудничавший с рядом российских историков, публиковавший свои работы в нескольких журналах и газетах, он пользовался безусловным авторитетом и признанием в западных научных кругах: от Сент-Джонса и Беркли, Бостона и Нью-Йорка до Берлина, Парижа и Рима, от Австралии до Гонконга и Японии. Преподавал в Канаде, в Калифорнийском и Стэнфордском университетах в США, в университетах Флоренции, Венеции, Бергамо, Неаполя, Лукки, в австралийских университетах. В последние годы, будучи профессором политической социологии Свободного университета социальных наук (LUISS) в Риме, он возглавлял в нем Центр изучения проблем транзитологии, был издателем и одним из двух главных редакторов политологического журнала «Двадцатый век», издаваемого LUISSом. Заславский чрезвычайно много делал для расширения научных и культурных связей Запада и России: устраивал конференции, составлял и доводил до печати сборники их материалов, переводил художественную литературу, консультировал издательства по вопросам советской и российской словесности, писал для влиятельных газет, как авторитетный эксперт выступал на телевидении и радио с рассказами о том, что происходило в СССР и России, попутно анализируя ситуацию в стране. В декабре прошлого года за книгу о Катыни (она к тому времени вышла, кроме итальянского, на английском, французском и немецком языках) он получил в Бремене премию им. Ханны Арендт.

Остались незавершенными общие проекты, совместные работы...

Основные публикации В. Заславского:

- The Structure of Power and the Functions of Elections in the USSR. Toronto: Dept. of Sociology, University of Toronto, 1980 (в соавторстве с Робертом Бримом).
- Il consenso organizzato: la società sovietica negli anni di Brežnev. Bologna: Il Mulino, 1981
- The Neo-Stalinist State: Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. Armonk: M.E. Sharpe; Brighton: Harvester Press, 1982 (переизд. 1994).
- Soviet-Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. N.Y.: St. Martin's Press, 1983 (в соавторстве с Робертом Бримом, итал. изд. — 1985).
- Il dottor Petrov parapsicologo. Palermo: Sellerio Editore, 1984 (новеллы, перевод с английского).
- Dopo l'Unione Sovietica. La perestroika e il problema delle nazionalità. Bologna: Il Mulino, 1991.
- Das russische Imperium unter Gorbatschow. B.: Wagenbach, 1991.
- Storia del sistema sovietico. L'ascesa, la stabilità, il crollo. Roma: NIS, 1995.
- Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Bologna: Il Mulino, 1997 (в соавторстве с Э. Агаросси, итальянская премия «Акви», переизд. 2007, англ. изд. 2009).
- The Russian working class in times of transition. Roma: Luiss, 2000.
- Lo stalinismo e la sinistra italiana. Milano: Mondadori, 2004.
- La Russia postcomunista. Da Gorbaciov a Putin. Roma: Editore Luiss University Press, 2005 (в соавторстве с Л. Гудковым).
- Pulizia di classe. Il massacro di Katyn. Bologna: Il Mulino, 2006 (англ. изд. — 2008, 2009, франц. изд. — 2007, нем. изд. 2007, 2008 — немецкая премия им. Ханны Арендт).

SUMMARY

The Nature of «Putinism» (by Lev Gudkov). L. Gudkov analyzes here those important but left out of systematic analysis aspects of the regime that was established during V. Putin's Presidency. It is not totalitarianism and customary, well described forms of authoritarianism. Attention is paid primarily to the formed systems of legitimizing authority and technologies of power exercising including mass management. Double character of power is shown: outward one assuming a look of public, legal, elective and real one, closed, illegal or informal but sufficiently, or even the only one, effective exercised by personnel of political police through corresponding methods of special operations and the like. Under the conditions of practically complete control over economical and political spheres the power of those who come from special services runs counter to their own corporative norms that is testified by the processes of latent decentralization of management, emergence of hidden interest groups competing with each other, tough struggle between various clans and groups.

Corruption as Perceived and Experienced: Russia as a Test Case (by Richard Rose and William Mishler). This paper marshals evidence from a nationwide survey of Russians to show that doing so is not justifiable: there is a big gap between the 86 percent who perceive most public officials as corrupt and the 23 percent who say their household has paid a bribe in the past two years. A multiple regression test of hypotheses offering explanations for this gap finds contact with public officials is the most important influence on payment of bribes, followed by the belief that bribery is acceptable and hearing that it is widespread. Perception of corruption has no significant influence on the payment of bribes, nor does high or low socio-economic status. These findings are endorsed by further analysis, which finds that neither the payment of bribes nor the number of contacts with public officials has a significant effect on the perception of corruption. Perceptions are principally influenced by the

circulation of information locally and through the media and by the perceived fairness of public officials. The conclusion reports evidence that the gap between the perception of corruption as estimated by Transparency International and the public's experience of corruption occurs on every continent, albeit the size of the gap is not consistent in high or in low income countries.

Studying Society through Internet (by Leonid Ashkinazy, Maria Gainer and Alla Kuznetsova). The possibility of secondary analysis of Internet evidence is demonstrated in the paper, in particular, for getting substantial and sociologically relevant information on Internet community available for quantitative measuring. Among other things the authors show some peculiarities of the language of Russian Internet users, closeness of ties between users of Russian- and English-language nets (references to each other, shared sites, etc.), as well as stereotypes of their beliefs about different peoples of the world, the levels of trust to various currencies, standards of self-characteristics on dating sites.

Russian Education System in Population Evaluations (by Boris Dubin and Natalya Zorkaya). The authors analyze the data of the representative survey of the Russian citizens carried out by Levada Center in April–May, 2009 (N=2000) and compare them with the findings of the Center previous researches. The Russians nowadays mention money as the main value, deficiency and hypothetical factor for solving all the problems including education and employment (the authors speak about this super value of money as of the poor society mythology). The paper shows extremely little concern of urban population and urban youth for quality education per se and lack of real efforts aimed at increasing this quality. It refers mainly to high school but to a considerable degree to higher educational institutions. The leading motive for acquiring higher education is getting a good (that is, well-paid) job. The core problem of higher school

for the majority of population and its younger part is excessively high payment for training and its discrepancy with the quality of education received by students, and correspondingly new inequality that has appeared in recent years in access to higher education, infringement of the rights of less well-to-do or provincial applicants.

Universal National Exam (UNE) as a Mirror for the Russian Education Problems (by Lyubov Borusyak). The author analyzes the consequences for the present system of secondary and higher education in Russia that are and will be brought about in future by the transition to a new technique of «Universal National Exam» in certifying secondary schools leavers and their entering higher educational institutions. The analysis is based on the information reviewed by the author from printed and audio-visual mass media, Internet forums and Internet diaries, as well as on interviews with Moscow school teachers carried out by the author.

Time and History in the Russians' Consciousness (Part I) (by Lev Gudkov). Taking as a basis some theoretical considerations of Yury Levada the author examines the meaning of the category and various types and measures of time for sociology. For a sociologist an important characteristic is social forces which determine time and shape the order of its representation in the form of «history». Accordingly L.Gudkov distinguishes the history of various autonomous institutions of society, its groups, social movements; academic history; family history. The paper scrutinizes working out the beliefs about

the history of the State («Power») in the USSR at its different stages, their institutionalization at school and in mass media, the influences on collective ideas of contemporary Russians of the their country history, its major events.

Shaping History and Attitude to it: School Textbooks on Modern Russian History (by Ekaterina Levintova and John Butterfield). The authors trace the process of establishing officially admitted interpretation of the 1990-s analyzing school textbooks on history approved and recommended by the RF Ministry of education and published in Putin's period. These initiatives of the State develop in a wider context of centralized standardization of historical education in the country on the one hand, and, on the other hand, of shaping unified, non-contradictory picture of the country's past which is also ordered by the supreme power (V.Putin, D.Medvedev) in the 2000-s. Using the technique of content-analysis the authors examined 47 history textbooks for 9-th and 11-th forms of high schools published in 1998–2008. The authors stress significant closeness of general approaches to the Russian history, of beliefs on the role of the country in the world and its relations with Western countries, of extremely negative interpretation of the 1990-s («Yeltsin's epoch») and highly positive representation of Putin's period to the evidence of interviews carried out by the authors in 2008 with representatives of politically active young people participating in pro-Kremlin movements «Nashy» («Ours»), «Molodaya Gvardiya» («Young Guard») and «Rossiya Molodaya» («Russia the Young»).

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2009 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10